

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I. К. Шмидтъ студентъ въ Берлинѣ.— Семестръ въ Эрлангенѣ; поездка по Германіи.— Кенигсбергъ и Кульмъ.— Опять въ Берлинѣ.— Экзаменъ на званіе учителя.— Кандидатъ на должность учителя въ реальномучилищѣ.— Обманутыя надежды на должность.— Семейныя отношенія и первый бракъ.— Учитель института для благородныхъ дѣвицъ.— Общий обзоръ. 30

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Свободомыслящіе» у Гиппеля.— Въ 40-хъ годахъ прошлого столѣтія.— Погребокъ Гиппеля на Фридрихштрассе.— Первое появление «свободомыслящихъ».— Характеристика.— Ядро.— Остальные посѣтители.— Три гостя.— Общественная дѣятельность «свободомыслящихъ».— Тонъ кружка.— Его значеніе. 49

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Имя Штирнера.— Внѣшній обликъ.— Личность и характеръ.— Штирнеръ среди «свободомыслящихъ».— Газетный корреспондентъ.— Первые литературныя работы.— Второй бракъ.— Исторія вѣнчанія.— Марія Денгардъ.— Годы супружества. 81

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Единственный и его собственность».— Появленіе книги.— Арестъ и освобожденіе.— Успѣхъ книги.— Разборъ ея содержанія.— Опытъ ея оценки.— Критика.— Возраженія Штирнера.— «Царство разума и индивидуумъ».— Общий обзоръ. 114

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Послѣднее десятилѣтіе (1845—1856 г.).— Медленное паденіе.— «Англійскіе и французскіе национальные экономисты».— Послѣднія попытки: молочная торговля и воззваніе о ссудѣ.— Разрывъ съ Маріей Денгардъ.— Ея позднѣйшая жизнь.— Дальнѣйшая жизнь Штирнера.— У Генцеля на Доротеенштрассе.— «Исторія реакціи».— Возростающая замкнутость и нужда.— Смерть и похороны.— Оставшіеся въ живыхъ современники Штирнера и ихъ судьба.— Общий обзоръ.— Заключеніе. 183

Введение.

1888—1897 г.

Возстановлениe имени Штирнера.—Воззваниe.—Первое разочарование.—Тройная затруднительность работы.—Домъ, где родился Штирнеръ и могила въ Берлинѣ.—Медленный ходъ работы и возрождение Штирнера.—Марія Денгардтъ въ Лондонѣ.—Жизнь Макса Штирнера.—Методъ моей работы.—Мы и онъ.—Заключеніе.

Бiографiю Макса Штирнера трудно правильно понять, не зная ея происхожденiя. И потому я считаю первымъ моимъ долгомъ разсказать читателю исторiю моей работы.

Въ 1888 году, когда я изучалъ въ Лондонѣ, въ британскомъ музѣѣ, соцiальное движение девятнадцатаго столѣтiя—помню еще теперь,—въ «Исторiи материализма» Ланге я въ первый разъ прочиталъ имя Штирнера и название его труда. До того имя его никогда мнѣ не встречалось, и я никогда ничего не слыхалъ о подобной книгѣ. Хотя упоминанiе о Штирнерѣ въ книгѣ Ланге говорило очень мало, однако, я записалъ оригинальное название его книги съ тѣмъ, чтобы при случаѣ познакомиться съ нею.

Но осуществилъ я свое намѣренiе лишь годъ спустя. Имя автора этой книги мнѣ болѣе за это время не попадалось. Наконецъ, мнѣ удалось ее прочитать.

О томъ громадномъ исключительномъ впечатлѣнiи,

которое она произвела на меня, мнѣ незачѣмъ здѣсь распространяться. Достаточно сказать, что вычитавъ въ словарѣ первыя скучныя и, очевидно, неточные замѣтки о жизни автора, и не найдя нигдѣ достовѣрныхъ и подробныхъ свѣдѣній о немъ, кромѣ разсѣянныхъ краткихъ и бѣглыхъ упоминаній, я пришелъ къ твердому рѣшенію посвятить часть моей жизни изученію этой, по-видимому, совершенно забытой личности.

* * *

Вскорѣ, весной 1889 года я напечаталъ свое первое возвзваніе, а затѣмъ осенью того же года возвзваніе, болѣе обстоятельное, которое масса газетъ различныхъ направлений перепечатала съ величайшей готовностью. Въ этомъ возвзваніи я обращался ко всѣмъ, помнившимъ еще, какое впечатлѣніе произвела въ свое время книга «Единственный и его собственность» и приходившимъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ Максомъ Штирнеромъ, съ просьбою подѣлиться со мною сохранившимися воспоминаніями о забытомъ мыслителѣ и его личности; обладателей-же его рукописей, писемъ и портретовъ я убѣдительно просилъ предоставить ихъ на короткое время въ мое распоряженіе.

* * *

Мнѣ пришлось очень скоро убѣдиться, что предпринятая работа въ дѣйствительности гораздо сложнѣй, нежели я предполагалъ. Уже по полученіи первыхъ скучныхъ отвѣтовъ, мнѣ стало ясно, что дремучая чаща, въ которой таилась эта жизнь, можетъ стать доступной лишь путемъ тщательного изученія малѣйшихъ слѣдовъ по всѣмъ ведущимъ къ ней тропамъ. Я не только палъ духомъ, но почувствовалъ и большое разочарованіе.

когда, подвигаясь все дальше и дальше по желанному пути, я все большие и больше убѣжался, какъ несложна и обыденна была эта жизнь. Я ждалъ отъ нея чего-то необыкновенного, но не нашелъ ничего подобнаго. Неужели жизнь такого человѣка можетъ быть бѣдна внѣшними значительными событиями?!

Я еще не понималъ тогда Макса Штирнера.

* * *

Но по мѣрѣ того какъ я, съ каждымъ годомъ все глубже и глубже, проникалъ въ духъ творчества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ исторію жизни этого человѣка, меня охватывалъ стыдъ: я понялъ, что эта жизнь не могла быть иной, чѣмъ она была. И я уже не искалъ въ ней новыхъ эфектныхъ моментовъ, а старался упорнымъ трудомъ заполнить ея пробѣлы.

Теперь я знаю, что жизнь Штирнера, нисколько не противорѣчащая его великому труду, была яснымъ и точнымъ выражениемъ его ученія и проявлялась лишь по необходимости и безъ всякаго внѣшняго или внутренняго противорѣчія. Этоисть, знаяшій себѣ цѣну!

* * *

Три причины способствовали, главнымъ образомъ, тому, что личность Штирнера совершенно была скрыта отъ глазъ его современниковъ и потомства. Первая— это полное уединеніе и замкнутость, въ которой Штирнеръ, за исключениемъ нѣсколькихъ лѣтъ, провелъ свою жизнь.

Вторую надо искать въ огромномъ переворотѣ въ общественной жизни Германіи, знаменующемъ собою 1848 годъ, внесшій огромные перемѣны въ жизнь всѣхъ людей, стоявшихъ тогда во главѣ радикализма.

Третья причина лежала въ своеобразно замкнутомъ характерѣ Штирнера, который, съ одной стороны, никакихъ сообщеній о себѣ никогда и никому не дѣлалъ, а съ другой—не имѣлъ никакихъ интимныхъ дружескихъ связей, благодаря которымъ могли бы сохраниться личные и точныя свѣдѣнія о немъ.

* * *

Вмѣстѣ съ другими случайностями, о которыхъ я упоминалъ уже вскользь въ предисловіи, и о которыхъ буду еще говорить, причины эти въ высшей степени, затрудняли мою работу, и я съ полнымъ правомъ могу сказать, что каждый отдельный фактъ біографического матеріала я долженъ былъ вновь выуживать,— штрихъ за штрихомъ—изъ тьмы минувшихъ годовъ.

По это было, во всякомъ случаѣ, необходимо сдѣлать тогда же: еще двадцать лѣтъ, и послѣднія личныя воспоминанія о Максѣ Штирнерѣ и его времени безслѣдно затерялись бы.

* * *

Хотя и другія личныя работы часто прерывали мое изслѣдованія, цѣль мою, однако, я никогда не терялъ изъ виду, и медленно, очень медленно прибавлялось открытие къ открытію, и складывались камни для возстановленія разрушенного зданія.

Разыскана была могила, сравнившаяся съ землей, найденъ былъ и домъ, въ которомъ Штирнеръ провелъ послѣдніе годы своей жизни. Могила, которой грозило полное уничтоженіе, была вновь возстановлена лѣтъ на тридцать.

Въ началѣ 1892 года я вернулся въ Берлинъ послѣ долгаго отсутствія, гонимый желаніемъ на месть за-

ваться дальнѣйшими изысканіями и, по возможности, скорѣе закончить ихъ. Я заявилъ въ печати, что намѣренъ укрѣпить памятную доску на домѣ, гдѣ Штирнеръ жилъ послѣдніе годы и умеръ, и возложить могильную плиту на его могилу, для того, чтобы время не стерло совершенно и этихъ внѣшнихъ слѣдовъ его великой жизни.

Предложеніе встрѣчено было полнымъ равнодушіемъ. Позволю себѣ здѣсь замѣтить на ошибочное толкова-^{ніе} моего намѣренія: навѣть меня на эту мысль не сентиментальный штилизмъ, но соображеніе, что и пропагандой имени покойнаго, можно содѣйствовать воскре-
шенію его памяти.

Поддержалъ мой планъ никто иной, какъ Гансъ Бюловъ, своимъ страстнымъ отношеніемъ—проявлявшимъся неоднократно—ко всему, чего не признавало большинство.

Онъ самъ лично зналъ Штирнера, былъ всегда ^его-восторженнымъ поклонникомъ, и сдѣлалъ все, что было въ его силахъ для осуществленія этой мысли. Наши бесѣды въ эти незабвенные для меня дни побудили его также помянуть Штирнера въ своей замѣчательной рѣчи, въ которой онъ говорилъ о посвященіи бетховенской «эроики» графу Бисмарку.

14-го мая состоялось укрѣпленіе памятной доски къ дому NW на Филиппстрассе, 19. На доскѣ золотыми буквами выведена надпись:

«Въ этомъ домѣ прожилъ свои послѣдніе годы Максъ Штирнеръ (Д-ръ Каспаръ Шмидтъ, 1806—1856) авторъ бессмертнаго произведенія «Единственный и его собственность».

Возложение могильной плиты связано было съ большими затрудненіями. Величина единственно-доступной для приобрѣтенія плиты, продававшейся очень дешево, благодаря какому-то ничтожному, едва замѣтному недостатку,—превосходила установленный размѣр; и послѣ того, какъ общинный церковный совѣтъ отклонилъ ходатайство о разрѣшеніи возложить плиту, пришлось уменьшить ее на $1,75 \times 0,95$ метровъ. На эту процедуру ушло почти два мѣсяца, и постановка плиты послѣдовала лишь 7-го юля.

На ней крупными золотыми буквами выведено одно только имя «Максъ Штирнеръ».

Желающій найти его могилу легче всего разыщетъ ее, если, выйдя на Софьевское кладбище съ Бернштрассе, 32, пройдетъ часть его, параллельно оградѣ и затѣмъ, выйдя на Новую часть, онъ скоро наткнется на окруженнюю свѣжими могилами огромную могильную плиту.

Обѣ работы исполнены были при любезномъ содѣствіи придворного каменотеса Шиллинга, въ его берлинской мастерской, и я не могу не выразить ему признательности за готовность, съ которой онъ пошелъ на встречу моей просьбѣ понизить цѣны.

Между тѣмъ, Штирнеръ какъ бы возвращался къ жизни. Эти вѣнчанія старанія о возстановленіи его памяти, благодаря которымъ имя его часто упоминалось въ печати, посвященіе ему сборника моихъ стиховъ «Буря», ссылка на него въ введеніи къ «Анархистамъ» и, главнымъ образомъ, возраставшее съ каждымъ днемъ вліяніе Фридриха Ницше на молодое поколѣніе, обратило вновь вниманіе на его книгу, которая опять стала много читаться, цитироваться и сдѣлалась, наконецъ доступной широкому кругу читателей, благодаря дешевому изданію универсальной библиотеки Реклама.

Несмотря на все это, я не рѣшался еще выступить публично съ моей работой. Мне все казалось, что какой-нибудь случай восполнитъ еще нѣкоторые пробѣлы въ его жизни—надежда, которая отчасти и осуществилась; и я отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ на всѣ предложения, касавшіяся изданія моей работы. Работа моя, однако, медленными, но вѣрными шагами приближалась къ концу.

* * *

Когда я стала подумывать о томъ, чтобы закончить собираніе материала и приняться за его обработку, долго жданный случай, чуть ли не въ послѣднюю минуту сталъ какъ-будто воплощаться въ неожиданную дѣятельность. Мне казалось, что передо мной открывается богатый источникъ, который въ одинъ мигъ вознаградитъ меня за годы труда.

Въ началѣ того года до меня дошло извѣстіе, глубоко меня взволновавшее.

Марія Денгардтъ, давно забытая, давно считавшаяся умершой, еще жила! Я чувствовалъ себя, какъ золотоискатель, долгіе годы находившій лишь крупики и вдругъ очутившійся предъ богатѣйшей жилой.

Я немедленно поспѣшилъ въ Лондонъ, гдѣ жила Марія Денгардтъ.

Для того, чтобы читателю понятны были ближайшія страницы, я предложилъ бы ему обратить вниманіе на характеристику Маріи Денгардтъ въ послѣдней главѣ этой книги, на ея жизнь послѣ разрыва съ Штириеромъ и, особенно, на полнѣйшую перемѣну въ ея взглядахъ, потому что только это можетъ, если и нѣ

вполнѣ освѣтить, то все же объяснить до извѣстной степени ближайшія страницы.

Я зналъ, что не буду встрѣченъ съ раскрытыми обѣятіями и, быть можетъ, встрѣчу даже серьезныя затрудненія. Но что я почти безъ всякихъ результатовъ вернусь опять въ Берлинъ, этого я не ожидалъ.

Но нежданное случилось: Марія Денгардтъ, извѣщенная о моемъ желаніи говорить съ нею и обстоятельно освѣдомленная насчетъ повода и права желать этого,—права, которое я, казалось мнѣ, приобрѣлъ,—съ негодованіемъ отказалась видѣть меня и говорить со мной.

«Какъ могли», спросила она черезъ своего посредника, «вызвать ее въ свидѣтельницы жизни человѣка, которого она никогда не любила и не уважала».

Я былъ пораженъ и задѣтъ, но горечь этого отвѣга стала мнѣ нѣсколько понятна, когда я узналъ, какому глубокому превращенію подверглись ея взгляды въ тѣхъ условіяхъ жизни, которую она вела послѣ разрыва со своимъ мужемъ.

Тѣмъ не менѣе, я не хотѣлъ еще отказаться отъ желанія добиться отъ нея чего нибудь.

Я опять обратился къ ней съ письмомъ. Я рассказалъ ей о моей многолѣтней и относительно бѣдной результатами работѣ. Я увѣрилъ ее, что при всемъ поклоненіи и любви къ Штирнеру, я очень далекъ отъ намѣренія дать прикрашенное изображеніе его личности, что мнѣ важно только добиться правды о его жизни. Я выставлялъ ей на видъ, какъ много пользы она можетъ принести, не принося никому вреда. Я повторялъ, что не настаиваю вовсе на личномъ свиданіи и разговорѣ а прошу отвѣтить, по крайней мѣрѣ письменно, на нѣсколько приложенныхъ вопросовъ.

Послѣ приема, оказанного моему первому обращенію,

я ждалъ, что она отклонить и эту мою послѣднюю просьбу.

Но г-жа Шмидтъ на нѣкоторые мои вопросы отвѣтила. Хотя она мнѣ ни новыхъ фактовъ, ни какихъ-нибудь источниковъ не указала, отвѣты ея все же представляли для меня большое значеніе, и я воспользовался ими въ своей книжѣ, со всей возможной добровольностью.

Итакъ,—что мнѣ оставалось дѣлать? Замѣнить новымъ, внезапно всплывшимъ предо мною образомъ прежній, складывавшійся, черта за чертой, изъ согласныхъ показаній разныхъ людей? Или оставить его такимъ, какимъ онъ сложился? Я предпочелъ послѣднее, но рѣшилъ не утаить ни одного изъ упрековъ Маріи Денгардтъ, ни одной изъ ея суровыхъ жалобъ. Такъ я и сдѣлалъ.

Два изъ ея отвѣтовъ я сейчасъ же приведу. Въ одномъ она говоритъ, что Штирнеръ былъ слишкомъ *личный человѣкъ* для того, чтобы имѣть друзей. Дальше я подробнѣе останавливаюсь на этомъ. Во второмъ, на вопросъ о характерѣ Штирнера, она кратко отвѣчаетъ: онъ былъ «*very sly*». Предоставляю читателю самому перевести эти слова.

Острая горечь этихъ и другихъ отвѣтовъ, очень впрочемъ скучныхъ и неполныхъ, не смягчается ни однимъ добрымъ словомъ.

Послѣ такого отклика на мое обращеніе, всякий дальниѣшія попытки узнать отъ нея что-нибудь, разумѣется, были бы безцѣльны: я и не ставлю ей въ вину ея образа дѣйствій.

Но когда она говоритъ, что никогда Штирнера «не любила и не уважала», то естественно возникаетъ во-

прось, что-же заставило ее выходить за него, къ чему, конечно, ее никто не принуждалъ и не склонялъ.

Было-бы, разумѣтъся, очень желательно, чтобы появленіе моей біографіи сняло бы съ ея усть печатъ молчанія, и она, пока еще не поздно, охотнѣе и обстоятельнѣе освѣтила бы свои отношенія къ покойному. Къ сожалѣнію, на это мало и даже почти никакой надежды нѣтъ.

Одно не подлежитъ сомнѣнію: она никогда своего мужа не понимала. Прочитала-ли она внимательно хоть книгу, посвященную ей? И въ этомъ нельзя не усомниться, если принять во вниманіе, что ни одно воспоминаніе о его великихъ истинахъ не могло удержать ее отъ возврата въ мглу, изъ которой она уже въ молодости искала спасенія. Развѣ уже не могли-бы обра-зумить ее одни слова: «Не называй людей грѣшниками; они не грѣшники. Ты, воображающій, что любишь людей, ты, именно, и бросаешь ихъ въ грязь грѣха.. Но я говорю, ты никогда не видѣлъ грѣшика на яву.. ты видѣлъ его только въ мечтахъ».

Ухо ея слышало, конечно, эти слова, ея сердце, быть можетъ, учащеннѣе билось при этомъ, но умъ ея никогда ихъ не понималъ, и никогда они не были облечены плотью и кровью въ ея поступкахъ. Поэтому она и могла такъ безскрѣдно забыть ихъ.

А онъ? Какъ могъ онъ заблудиться настолько насчетъ границъ ея интеллекта, силы ея ума, чтобы поставить ея маленькое имя рядомъ со своимъ передъ лицомъ грядущихъ вѣковъ? Или это былъ его капризъ, игра, минутная прихоть? Или онъ, дѣйствительно еще думалъ тогда, что она достаточно сильна, чтобы послѣдовать за нимъ черезъ холодныя и застывшія низины на головокружительныя высоты?

Я не знаю. Но во всякомъ случаѣ, ни на одномъ изъ будущихъ изданій его книги имя Маріи Денгардтъ не должно стоять рядомъ съ его именемъ.

Попытка изобразить жизнь человѣка, въ такой степени заслоненную тѣнями забвенія, была, конечно, смѣлой затѣей. Но если смѣлость нуждается въ оправданіи, то въ этомъ случаѣ оправданіемъ можетъ служить любовь. Безъ этой любви смѣлость была-бы только дерзостью. Безъ этой любви не было-бы и достигнуто то, что мы теперь имѣемъ предъ собою. И поэтому работу эту никто иной сдѣлать не могъ-бы.

Жизнь Макса Штирнера расчленяется, сама по себѣ, на три периода, которые, выражаясь банально, можно опредѣлить словами: восходъ, зенитъ, закатъ. Первый периодъ обнимаетъ его молодость и жизнь его до окончанія преподавательской дѣятельности (1806—1845); второй — годы, кульминаціонный моментъ которыхъ составляетъ появленіе его книги (1845—1846), третій — годы забвенія и одиночества до его смерти (1846—1856 г.).

Но я долженъ былъ дать моей книгѣ въ отношеніи первыхъ двухъ частей болѣе широкое и подробное подраздѣленіе.

Первый периодъ я раздѣлилъ на раннюю юность, за которой слѣдуютъ годы студенчества и учительства; въ первой же главѣ, касающейся пребыванія въ Байрейтѣ, я остановился и на ученическихъ годахъ. Такъ какъ эта первая глава опирается на виѣшнія числа, а эти почти всѣ точно восстановлены, то я не думаю, чтобы она могла еще быть дополнена въ будущемъ. Почти также обстояло дѣло и со второй главой. Если и удалось въ предѣлахъ возможной точности возсоздать периодъ

студенчества, экзаменовъ и первой временнай должности, затѣмъ данная, касающіяся его первого брака и дѣятельности въ качествѣ преподавателя въ дѣвичьемъ пансионѣ, то все-же и въ этомъ періодѣ есть два темныхъ пункта, изъ которыхъ особенно смущаетъ второй.

Первый касается періода отъ 1830 до 1832 г., когда Штирнеру что-то все мѣшало закончить академическій курсъ. Но какого рода семейныя обязательства тормозили его занятія? Мы знаемъ также, что одинъ изъ этихъ двухъ годовъ онъ провелъ въ Кульмѣ, другой въ Кенигсбергѣ. Но который годъ здѣсь, и который тамъ? Второй пробѣль зіаетъ въ промежуткѣ между 1837—1839 годами. періодъ хлопотъ Штирнера, по окончаніи экзаменовъ, о должности, намъ точно извѣстенъ. Мы знаемъ также, когда онъ женился. Но если мы не допустимъ, что онъ имѣлъ въ эти годы частныя занятія, то мы насчетъ его дѣятельности въ это короткое время останемся въ полной неизвѣстности. И о его семейномъ положеніи мы знаемъ немного больше прежняго. Напротивъ, фигура его матери въ эти годы даже болѣе затѣнена, нежели прежде. Гдѣ она жила? Когда она умерла? Было бы крайне желательно отыскать еще живого свидѣтеля этого Исхода. Но это, конечно, тщетная надежда.

Совершенно другую картину представляютъ оба года второго періода. Человѣкъ, котораго мы ищемъ, начинаетъ рельефно обозначаться. Мы знаемъ уже, какъ онъ живетъ, и имѣемъ возможность наблюдать его среди другихъ. Вполнѣ понятно и естественно, что нась интересуютъ эти «другіе», и такъ какъ они образуютъ большой замкнутый кругъ, съ Штирнеромъ въ центрѣ, то имъ посвящена особая глава: «свободомыслящіе у Гиппеля». Безъ нихъ погибли-бы и послѣднія личныя воспоминанія

юности Штирнера! Отъ воспроизведенія эпохи, въ которую онъ жилъ я могъ отказаться съ чистой совѣстью: Штирнеръ, будучи ея сыномъ, однако не принималъ участія въ общественной жизни и къ ея повседневному теченію никогда дѣятельнаго интереса не проявлялъ.

Благодаря «свободомыслящимъ» мы, наконецъ, приблизились къ нему, и можемъ сказать, кто былъ Максъ Штирнеръ. Онъ стоять передъ нами, все еще съ присущей ему замкнутостью, но уже осозаемый; и рядомъ съ нимъ—его возлюбленная, Марія Денгардтъ.

А отъ него, до его произведенія и шагу нѣть. Сдѣланная попытка выяснить, въ чемъ его сила, значеніе и его бессмертіе, только попытка, не перешагнувшая предѣловъ возможности.

Третій періодъ и послѣдняя глава книги совпадаютъ. Это послѣднее десятилѣтіе жизни Штирнера, самое замѣчательное и самое непроницаемое.

Живая фигура ускользаетъ отъ нась. Точно вечернія тѣни окутали ее, и лишь смутно различаемъ мы ея очертанія, хотя и знаемъ точно, куда она идетъ. Семья Штирнера вымерла, отъ своихъ друзей онъ самъ оторвался. Кто могъ еще дать свѣдѣнія о немъ, забытомъ своимъ временемъ?

Онъ ушелъ и ничего по себѣ не оставилъ, кроме своего бессмертнаго произведенія. Портрета его также нигдѣ нѣть. Врядъ-ли, впрочемъ, такой и былъ когда-нибудь, такъ какъ и Марія Денгардтъ ни одного его не видѣла. Рукописныя статьи, его письма затеряны и, сколько мнѣ извѣстно, безследно...

* * *

Еще одно слово о методѣ моей работы.
Онъ состоялъ прежде всего въ разыскиваніи и со-

биранії матеріала. Приходилось ідти не тільки по єльдамъ іскомаго и всего, чо могло датъ хотя-бы слабыи луць надежды вийти на желанный путь. Необходимо было просмотрѣть всю литературу того времени, чтобы найти какія-либо точки опоры. Эта часть работы—самая утомительная, благодаря своей сравнительной безуспѣшности—не могла, разумѣется, быть всеобъемлющей, и весьма возможно, что и другіе, которые съ той-же цѣлью будуть рѣться въ грудахъ бумаги и архивной пыли, натолкнутся еще, здѣсь и тамъ, на имя Штирнера, хотя врядъ-ли, конечно, на труды, принадлежащіе ему самому. Къ этимъ товарищамъ-искателямъ я обращаюсь съ прошльбою сообщить мнѣ все, чо они найдутъ.

Вторая, болѣе пріятная часть работы, состояла въ разборѣ и обработкѣ добытаго матеріала. Надо было отдѣлить ложное отъ истиннаго, незначительное отъ существеннаго и, не поступаясь ни одной долей иправды, все-же придать книгѣ удобочитаемую форму.

Я долго колебался, присовокупить-ли къ результатамъ моего изслѣдованія, такъ называемый, «указатель источниковъ». Я этого не сдѣлалъ. Во первыхъ, потому, чо мнѣ кажется, цѣнность книги не доказывается такими *ad osculos*; во вторыхъ, безчисленныя примѣчанія, прерывая текстъ и обременяя страницы, только повредили бы удобочитаемости книги. На многихъ страницахъ не только каждая фраза, но часто каждое слово въ фразѣ должно было бы сопровождаться такимъ «примѣчаніемъ», и объемъ книги увеличился бы почти вдвое. Присовокупивъ-же эти примѣчанія въ видѣ отдѣльного «приложенія», я-бы затруднилъ чтеніе текста частыми напоминаніями читателю о необходимости обращаться къ безчисленнымъ строкамъ этого «приложенія».

Тѣмъ не менѣе, я полагаю, чо мнѣ повѣрять на слово, чо всѣ даты и факты, приведенные въ этой книгѣ, собраны съ полной точностью и добросовѣстностью. Въ фантазіи я не вдавался, предположенія позволяя себѣ рѣдко и осторожно, потому чо мнѣ казалось лучшимъ оставить открытые пробѣлы, нежели искусственно пополнять ихъ во ущербъ правдивости картины. Я воспользовался съ спокойной совѣстью лишь немногими свѣдѣніями; въ большинствѣ случаевъ источники, изъ которыхъ я ихъ почерпнулъ, необходимо было подвергнуть тщательной проверкѣ. Встрѣчая выраженія, казавшіяся мнѣ интересными по своей характерности, я приводилъ ихъ въ подлинникѣ, въ ковычкахъ, съ указаніемъ на автора. По поводу каждого факта я могу представить доказательства и буду это дѣлать постольку, поскольку это будетъ служить къ усиленію могущихъ возникнуть у читателя справедливыхъ сомнѣній. На вѣдь другія замѣчанія и возраженія, я отвѣтывать по обыкновенію не буду.

Кому кажутся смѣшными и линіими многочисленныя подробности, перечисленія имёнъ въ третьей главѣ и квартирь Штирнера въ шестой главѣ, тотъ долженъ принять во вниманіе, чо я именно отъ ознакомленія съ ними ждалъ возможности восполнить многіе пробѣлы и пользовался ими вполнѣ сознательно, какъ и не интереснымъ, правда, но, быть можетъ полезнымъ матеріаломъ. Эти-то подробности, при моемъ неуклонномъ слѣдованіи взятому методу, и привели меня къ тѣмъ результатамъ, которыхъ я добился.

* * *

Въ мою задачу нисколько не входитъ охарактеризовать вліяніе міросозерцанія Макса Штирнера вплоть

до нашего времени и положение, вновь завоеванное имъ; да это значительно-бы и расширило предполагаемый размѣръ настоящей книги. Это—работы, которые должны и будутъ выполнены раньше или позже, хотя бы и не мною:

Первая работа о вліяніі міросозерцанія Штирнера—будетъ крайне труда. Вполнѣ ясно и безошибочно вліяніе Штирнера можетъ оказаться лишь на тѣхъ, которые совершенно прониклись его теоріей эгоизма, претворили ее въ себѣ и разработали ее, показывая, прежде всего, въ какомъ рѣзкомъ противорѣчіи находится это учение о самопочитаніи индивида со всѣми государственными теоріями, въ какую бы форму онъ не вылились въ нынѣшнее время.

Не потому, чтобы Штирнеръ самъ ни одной своей идеи не развилъ до конечнаго пункта. Для того, чтобы не уничтожить своего труда, онъ долженъ быть остороженъ въ своихъ прямыхъ сужденіяхъ. Продолжающіе его идею,—самые индивидуалистические анархисты въ мірѣ. Ея сила не въ количествѣ, а въ значительности ея послѣдователей.

Главнымъ объектомъ такого труда о Штирнерѣ должно, следовательно, быть вдумчивое, основательное изученіе стремленій его приверженцевъ; важность этой задачи до сихъ поръ, къ сожалѣнію, еще не выдвигалась.

Мысль воспользоваться горстью статей, накопившихся за послѣдніе годы, мнѣ и въ голову не приходила. Авторы ихъ поняли Штирнера такъ же мало, какъ и критики сороковыхъ годовъ. Среди нихъ нѣть ни одной работы, заслуживающей серьезнаго вниманія. Лучше всѣхъ еще статьи, ограничивающіяся лишь изложеніемъ

міросозерцанія Штирнера, безъ всякихъ комментаріевъ.

Всѣ онъ исходить болѣе или менѣе непосредственно отъ *Фридриха Ницше*.

Едва-ли кто болѣе меня оцѣнить дерзновенную отвагу этого мыслителя, его гордое презрѣніе всѣхъ утвержденныхъ авторитетовъ, силу его рѣчи порою, но сравнивать этотъ вѣчно-колеблющійся, вѣчно-противорѣчашій себѣ умъ, беспомощно мятущійся отъ истины къ заблужденію, съ глубокимъ, яснымъ, спокойнымъ и мощнымъ гениемъ Штирнера—абсурдъ, на который и возражать серьезно нельзя. Такое сравненіе возможно только въ эпоху, въ смутной тоскѣ о будущемъ жадно брошающуюся на встрѣчу всему новому. Я замѣчалъ, что большинство поклонниковъ Ницше съ какой то холодной и въ высшей степени забавной осторожностью говорятъ о Штирнерѣ, они не отваживаются близко подойти къ этому великому и втайвѣ боятся его желѣзной логики. Надъ Ницше имъ приходится меныше думать: они убаюкиваютъ себя его языкомъ, тогда какъ истинный Ницше, въ большинствѣ случаевъ, остается имъ чуждыемъ. Но карликъ прельщаетъ игра жестяными коронами. Ницшеанская болѣнь уже переживаетъ, однако, периодъ кризиса. Недалекъ и день, когда сверхъ-человѣкъ разобьется о *единство собственного я*.

Старые ученики и друзья Фейербаха Рау и Дюбакъ, отъ времени до времени дѣлаютъ попытки укрыть отъ Штирнера своего любимаго учителя, въ безопасное мѣсто, и скрыть его слабыя стороны, которыхъ онъ самъ обнажилъ. Но это—усиля, совершенно бесполезныя. Человѣкъ Фейербаха давно уже скончался.

Я считаю необходимымъ сдѣлать еще вѣсколько замѣчаній.

Такъ какъ философъ Эдуардъ-фонъ Гартманъ приписываетъ себѣ «открытие» Штирнера, то совершенно достаточно указать на то, что онъ писалъ о Штирнерѣ въ своей «Феноменологіи нравственного сознанія» и въ своей «Философіи безсознательного».

Не это извлекло Штирнера изъ мрака забвенія. Новѣйшая бѣглая оцѣнка Штирнера Гартманомъ въ статьѣ въ «Прусскомъ ежегоднике» (май, 1891 г.) о «Новой морали» Ницше, относится къ тому времени, когда мое изученіе Штирнера принесло уже первые плоды.

Затѣмъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одной писательницѣ, Леоніи Мейергофѣ, выпустившей въ Дрезденѣ въ 1895 году романъ «Огненный столбъ», подъ псевдонимомъ Лео Гильдекъ, и не нашедшей нужнымъ опровергнуть наглую рекламу издателя, въ которой говорилось, что жизнь героя въ ея книжѣ изображаетъ «земной путь Штирнера». Въ выведенной тамъ личности никакимъ образомъ нельзя усмотрѣть хотя-бы одной черты, которая могла бы быть отнесена къ характеристицѣ Штирнера.

Не могу не упомянуть также о «Краткомъ введеніи» некоего Поля Лаутербаха къ изданію Реклама «Единственный и его собственность». Произвольное сближеніе разныхъ «родственныхъ мыслителей» и цитированіе, безъ разбора, ихъ произведеній скорѣе затемняетъ, пежели освѣщаетъ страницы, и сумбурность эта тѣмъ болѣе печальна, что въ теченіе долгаго времени, вѣроятно, это изданіе будетъ единственно доступнымъ широкимъ кругомъ. Напыщенный, кудреватый слогъ этого предисловія къ тому же непріятно дисгармонируетъ прозрачно-чистымъ, словно чеканнымъ языкомъ самой книги.

* * *

Чепроницаемая почти завѣса надъ жизнью Макса Штирнера еще не упала, и мы, быть можетъ, навсегда должны отказаться отъ мысли увидѣть ее передъ нами,—въ полномъ свѣтѣ дня.

Но завѣса все-же, по крайней мѣрѣ, приподнята, и эта фигура намъ уже не такъ чужда, какъ прежде. Временами мы даже можемъ вообразить, что мы близки къ нему и слушаемъ его живую рѣчь.

Его жизнь—новое доказательство того, что не крикуны текущаго дня, не любимцы толпы, а одинокіе, неутомимые труженики мысли, въ тихой работѣ указывающіе пути человѣчеству,—истинно-бессмертны.

Среди нихъ стоитъ Максъ Штирнеръ, но наряду съ Ньютонами и Дарвинами, а не съ Бисмарками.

Максъ Штирнеръ.

Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ. Род. 1806 г., ум.
1856 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣтство и отрочество, 1806—1826 г.—Домъ въ Байрейтѣ, гдѣ родился Штирнеръ.—Рожденіе и крещеніе.—Родители и предки.—Смерть отца и вторичное замужество матери.—Возвращеніе въ Кульмъ.—Возвращеніе въ Байрейтъ и воспитаніе.—Обзоръ.

Если вы посѣтите теперь городъ Рихарда Вагнера въ Байрейтѣ, оставшійся до сихъ поръ городомъ временъ Жана Поля,—и, поднимаясь къ старинному дворцу, пойдете отъ вокзала, минуете всемирно извѣстный оперный театръ маркграфа Фридриха, и оставите за собой площадь и теперешнюю улицу Максимилиана, то вашъ взоръ, среди другихъ замѣчательныхъ зданій, остановится, быть можетъ, на минуту на домѣ, лежащемъ по лѣвой руку, украшенномъ изящнымъ фронтомъ съ двумя углами.

Кромѣ своего фронтона этотъ домъ не представляетъ ничего такого, что бросалось бы въ глаза и приковывало вниманіе.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія это было узкое двухъэтажное зданіе, массивное и суровое, съ тѣснымъ дворикомъ, узкими лѣстницами, но съ свѣтлой, широкой за-

лой въ каждомъ этажѣ, выходившей на улицу. Первоначально этотъ домъ служилъ булочной, и въ такомъ видѣ его владѣльцы, всевозможные «пекарныхъ дѣль мастера» пользовались имъ въ теченіе цѣлаго столѣтія.

Зданіе это находится въ началѣ улицы Гораціенъ или Кирхштрассе, на другомъ углу которой помѣщается ратуша и глубоко вдается въ эту улицу. Теперь оно значится подъ № 31 на *Максимилианштрассе*, и въ нижнемъ этажѣ его находится часто посѣщаемая пивная. Окна первого этажа весело выглядятъ, украшенныя цвѣточными горшками.

* * *

Въ этомъ самомъ домѣ, носившемъ въ началѣ столѣтія 67-й № и находившемся на тогдашней «Главной улицѣ», 25 октября 1806 года, въ началѣ шестого часа, родился *Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ*.

Крещеніе ребенка было совершено по обрядамъ евангелическо-лютеранской церкви поддіакономъ Буманомъ; онъ былъ нареченъ Іоганномъ Каспаромъ въ честь его отца крестнаго отца.

Съ отцовской стороны семейство Шмидтъ было родомъ изъ Аисбаха. Съ 1762 по 1769 годъ у «дворовыхъ» Іоганна Георга Шмидта и жены его Софіи Елизаветы родилось пятеро дѣтей—четыре сына и одна дочь. Младший изъ сыновей *Альбертъ Христіанъ Генрихъ Шмидтъ*, родившійся 14 июня 1769 года, сталъ отцомъ Іоганна Каспара.

Мать его Софія Элеонора, въ дѣвичествѣ Рейнлейнъ, была родомъ изъ Эрлангена, гдѣ родилась 30 ноября 1778 года отъ бывшаго почтальона Іоганна Рейнлейна и его законной жены Луизы Маргариты, урожденной Касперитъ.

Когда и где совершилось бракосочетание Альберта Каспара не установлено съ точностью; по всей вѣроятности, оно было въ 1805 году. Іоганнъ Каспаръ быль и первымъ и единственнымъ ребенкомъ.

* * *

Отецъ его умеръ въ возрастѣ 37 лѣтъ, 19 апрѣля 1807 года, отъ туберкулеза, уже черезъ полгода послѣ рожденія ребенка. Двумя годами позднѣе, въ апрѣль 1809 года, вдова Шмидта вышла замужъ вторично за бывшаго провизора придворной аптеки, почти пятидесятилѣтняго старика. Генриха Фридриха Людвига Баллерштедта.

Баллерштедтъ быль родомъ изъ Хельмштедта, гдѣ родился 1 іюня 1761 года у доктора медицины Карла Фридриха Баллерштедта и жены его Анны Юліаніи Іоганны, урожденной Гекингъ. Родители его принадлежали оба къ пасторскому семейству.

Тотчасъ послѣ своего вторичнаго выхода замужъ мать Іоганна Каспара вмѣстѣ со своимъ вторымъ мужемъ отправилась «въ поиски за счастьемъ» въ Кульмъ на Вислѣ, въ Западную Пруссію. Здѣсь Баллерштедтъ поселился и открылъ аптеку.

Ребенокъ, оставленный въ Байрейтѣ, быль перевезенъ туда же, какъ только это оказалось возможніемъ. Это было годъ спустя, въ 1810 году. Здѣсь, въ Кульмѣ, маленький Іоганъ Каспаръ выросъ и получилъ первоначальное образование.

Отъ второго брака его матери родилась только одна дочь 19 декабря 1809 года, сейчашъ же вслѣдъ за прибытіемъ въ Кульмъ. Она была названа Іоганной Фредерикой и умерла, не достигнувъ трехлѣтняго возраста, 1 сентября 1812 года.

Въ силу ли семейныхъ отношеній, по причинѣ ли громкой славы байрейтской гимназіи, или по желанію жившихъ тамъ родственниковъ—но, словомъ, уже двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ Іоганнъ Каспаръ вернулся въ свой родной городъ и нашелъ себѣ здѣсь пріютъ въ домѣ своего крестнаго отца (по имени котораго онъ быль названъ), чулочнаго мастера Іоганна Каспара Мартина Штихта изъ Ерлангена и его жены, старшей сестры отца Іоганна Каспара, Анны Маріи, рожденной Шмидтъ изъ Аисбаха.

Усыновленный бездѣтной четой, Іоганнъ Каспаръ провелъ въ ихъ домѣ 8 лѣтъ, до своего отъѣзда въ университетъ. Домъ этотъ находился недалеко отъ того дома, гдѣ онъ родился, и былъ помѣченъ 89-мъ №. Теперь это № 36 по Максимилианштрассе.

Для тѣхъ, кто интересуется этимъ, укажемъ немногіе этапы школьнаго пути мальчика.

Вернувшись въ Байрейтъ, онъ вскорѣ сталъ готовиться къ поступленію въ гимназію и, пройдя низшій классъ, быль тотчасъ же принятъ въ высшій классъ латинской приготовительной школы, гдѣ изъ 75 учениковъ занялъ 5-е мѣсто. Какъ здѣсь, такъ и въ слѣдующіе годы — 1820 - 21 въ низшей и 1821 - 22 г.г. въ высшей прогимназіи — его класснымъ наставникомъ быль Іоганнъ Мельхіоръ Паушъ. Въ обоихъ классахъ онъ занималъ хорошія мѣста — сначала 8-е изъ 42-хъ воспитанниковъ, затѣмъ 6-е изъ 29-ти, и оба года быль награжденъ «упоминаніемъ его имени во время акта». Въ 1822—23 г. онъ перешелъ [въ] высшій классъ прогимназіи, гдѣ его класснымъ наставникомъ быль профессоръ Ж. П. Кифферъ, быль 6-ымъ изъ 25 учениковъ, и получилъ удовлетворительныя отмѣтки; за эти годы болѣзнь лишь

одинъ разъ помѣшала ему прийти въ школу. Шмидтъ продолжаетъ свое образованіе: въ 1823—24 г. онъ—въ среднемъ классѣ; его классный наставникъ Клетеरъ; мѣсто въ классѣ—4-е изъ 15 учениковъ.

Въ 1824 г. была совершенна переформирована организація гимназіи и измѣнено раздѣленіе классовъ. Теперь Шмидтъ очутился въ 4-мъ классѣ гимназіи и занимаетъ 3-е мѣсто изъ 16-ти учениковъ.

Въ послѣдній годъ своего гимназического ученія онъ находится въ пятомъ—«высшемъ» классѣ. Его классный наставникъ—докторъ І. К. Нельдѣ, впослѣдствіи заслуженный директоръ гимназіи. Изъ 20 учениковъ Йоганнъ Каспаръ занимаетъ 6-е мѣсто.

Осенью 1826 года онъ сдастъ свой выпускной экзаменъ съ выдающимся успѣхомъ. Изъ 25 представлявшихся къ испытанію онъ выдержалъ третімъ, съ 15 балами и съ отмѣткой II (III), между тѣмъ какъ первое мѣсто было получено съ 5 балами и съ той же отмѣткой II.

Въ его выпускномъ свидѣтельствѣ, помѣченномъ 8-мъ сентября 1826 года, стоять отмѣтка «I» и примѣчаніе: «очень достойный».

Это выпускное свидѣтельство подписано тогдашнимъ директоромъ гимназіи, Георгомъ Андреемъ Габлеромъ. Къ сожалѣнію, класснымъ наставникомъ Шмидта никогда не былъ этотъ замѣчательный человѣкъ, некоторое время проведшій въ Шиллеровскомъ домѣ въ Веймарѣ, вдохновленный ученикъ Гегеля, нашедшій въ его ученіи «абсолютное освобожденіе своей мысли и познанія», и позднѣе приглашенный на его мѣсто въ Берлинъ. Шмидту, однако же, удалось воспользоваться его уроками.

Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, какъ высоки были уже тогда требованія, предъявляемые къ ученикамъ, служитъ фактъ, что даже Шмидтъ, считавшійся всегда однимъ изъ лучшихъ учениковъ, принужденъ былъ почти каждый годъ брать частные уроки. Такъ, въ 1819—23 гг. онъ беретъ уроки, главнымъ образомъ латинскаго языка, у своего однофамильца, но не родственника, гимназиста Шмидта; въ 1823—24 гг.—у своего прежняго класснаго наставника, профессора Киффера; въ слѣдующемъ году онъ пользуется нѣсколькими французскими уроками и уроками музыки, и самъ даетъ за это уроки по латыни; наконецъ, въ послѣдній годъ—также французскими уроками и уроками игры на фортепіано.

Таковъ путь, которымъ Йоганнъ Каспаръ Шмидтъ шелъ къ достижению своей первой жизненной цѣли; ему было двадцать лѣтъ, когда онъ достигъ ея; первая юность осталась уже позади него.

* * *

Приведенными ничтожными данными исчерпывается все, что мы можемъ сказать съ достовѣрностью о юныхъ годахъ Штирнера. Въ сущности, такія свѣдѣнія даютъ не больше того, что заключается въ словахъ: «онъ былъ хороший и прилежный ученикъ».

Йоганнъ Каспаръ Шмидтъ происходилъ изъ простой семьи, и въ его жилахъ текла чистая, безъ примѣсей, кровь оберфранковъ,—умѣренного, суроваго, умнаго, немногого неподвижнаго народа.

Его рожденіе пришло въ тотъ годъ, когда на городъ Байрейтъ обрушился со всей своей тяжестью ураганъ наполеоновскихъ войскъ.

По выраженію одного писателя-современника, 1806-й

годъ начался «печальнымъ событиемъ» и закончился «мрачными видами на будущее, полное неожиданностей.

Въ 1792 году маркграфство Байрейтъ перешло къ Пруссіи; въ 1806 году «достопамятномъ и послѣднемъ году» прусского владычества, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, оно подпало подъ власть Наполеона. Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ, по этому, родился прусскимъ подданнымъ: «Barussiae olim oppidum natus sum».

Начало новой войны съ тревогой было встрѣчено всѣми. Военный постой тяжелымъ бременемъ ложился на пріунывшій городъ. Въ этотъ годъ—оть Срѣтенія до Вальпургіева дня и до дня св. Мартина—кружка пива стоила отъ 3 до 4 крейцеровъ, фунтъ мяса отъ $9\frac{1}{2}$ до 11 крейцеровъ и мещь соли—8 крейцеровъ.

Въ 1809 году, когда, вслѣдъ за французами, пришли австрійцы, мать Шмидта, подобно многимъ другимъ жителямъ, покинула несчастный городъ, чтобы избавиться отъ непрерывныхъ волненій и беспокойствъ за свою жизнь и имущество. Она отправилась со своимъ вторымъ мужемъ въ далекую и чуждую Западную Пруссію. При первой возможности туда же былъ перевезенъ ребенокъ, остававшійся сначала въ Байрейтѣ.

Тамъ, на этой новой родинѣ, воспринимать онъ первыя впечатлѣнія жизни, и его первыя воспоминанія позднѣе неразрывно сплетались съ этимъ городомъ, на низкомъ берегу Вислы.

Въ годъ неслыханной дороговизны и голода вернулся онъ на старую родину. И теперь въ Байрейтѣ, который перешелъ за это время къ Баваріи и остался за ней, всего болынѣе чувствовалось отсутствіе мира.

Крестный отецъ и его жена приняли мальчика къ себѣ въ свою простую домашнюю обстановку. При

отъѣздѣ Шмидта у нихъ не было дѣтей, не было ихъ и теперь. Но что ждало его здѣсь, такъ это любовная заботливость, ибо, какъ это справедливо признается, люди, добровольно берущіе къ себѣ чужихъ дѣтей, обращаются съ ними, по меньшей мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и сами родители, у которыхъ дѣти явились, можетъ быть, противъ ихъ воли.

Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ получилъ свое образование въ прославленной гимназіи. Суровые, ученые мужи возложили на юные плечи всю подавляющую, необъятную тяжесть гуманитарного познанія.

И эти плечи выдержали вышавшее на нихъ бремя. Ровнымъ шагомъ достигъ подрастающей юноши своей первой жизненной цѣли.

Какъ складывался характеръ мальчика? Къ чему влекли его первыя склонности? Въ чемъ выражались его первыя жизненные стремленія? Чѣмъ и какъ питались они? Наслаждался ли онъ въ годы юности радостнымъ сознаніемъ растущей силы? Или уже и эти годы были омрачены призраками какого-нибудь душевного разлада?

Напрасны, напрасны все эти вопросы!

Какъ бы ясно и опредѣленно ни говорили вѣшнія данные, это—все-таки только мертвые цифры. Темной и скрытой остается за ними внутренняя жизнь, и тщетно пытаемся мы раскрыть ее. И мы принуждены разстаться съ мальчикомъ, не получивъ отвѣта на наши вопросы. Съ узкаго пути первыхъ лѣтъ его жизни намъ предстоить послѣдовать за юношой въ тотъ широкій міръ, который открывается передъ нимъ съ началомъ его университетскихъ занятій. Эти занятія вскорѣ приведутъ его, и настѣ вмѣстѣ съ нимъ,—въ тотъ городъ, гдѣ ему суждено было жить, творить и умереть,—въ Берлинъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

І. К. Шмидтъ студентъ въ Берлинѣ.—Семестръ въ Эрлангенѣ: поездка по Германіи.—Кенигсбергъ и Кульмъ.—Опять въ Берлинѣ.—Экзаменъ на званіе учителя.—Кандидатъ на должность учителя въ реальномъ училищѣ.—Обманутыя надежды на должность.—Семейные отношения и первый бракъ.—Учитель института для благородныхъ дѣвицъ.—Общий обзоръ.

Молодымъ двадцатилѣтнимъ студентомъ прибылъ Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ въ Михайловъ день 1826 года изъ Байрейта въ Берлинъ, о высшей школѣ котораго нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ другой начинающей студентъ, по имени Людвигъ Фейербахъ, писалъ отцу своему слѣдующее:

«...вѣроятно ни въ одномъ другомъ университѣтѣ не господствуетъ такое общее прилежаніе, такая склонность къ чему-нибудь высшему, чѣмъ одни студенческія исторіи, такое стремленіе къ наукѣ, такой покой и тишина, какъ здѣсь. Въ сравненіи съ здѣшнимъ домомъ труда, другіе университеты кажутся кабачками».

Поступивъ 18 октября 1826 года на философскій факультетъ, Шмидтъ жилъ, во время своего первого двухлѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, первый годъ на Розенталерштрассе, 47; а второй годъ, ближе къ университету,—Доротеенштрассе, 5.

Здѣсь черпаетъ онъ изъ первоисточника тогдашней науки: въ его студенческомъ свидѣтельствѣ, говорящемъ объ «очень прилежномъ» и «внимательномъ» посѣщеніи лекцій, передъ нами проходитъ рядъ блестящихъ имёнъ, носители которыхъ являются признанными авторитетами въ своей области,

Такъ, въ первый изъ своихъ четырехъ семестровъ въ Берлинѣ, Шмидтъ слушаетъ логику у Гейнриха Риттера, философа, известного своими оригиналыми работами по исторіи философіи; общую географію у его однофамильца, великаго географа Карла Риттера, и о Нидарѣ и метрикѣ у Бека, знаменитаго изслѣдователя древности и реторика.

Далѣе, на второмъ семестрѣ, посвященномъ философіи, онъ слушаетъ этику у Шлейермахера, «величайшаго нѣмеckаго теолога столѣтія» и, главнымъ образомъ, философію религії у Гегеля, того Гегеля, объ огромномъ, тогда еще не поколебленномъ, вліяніи котораго на все мышленіе того времени мы теперь не можемъ себѣ вовсе составить яснаго представленія.

Въ теченіе слѣдующаго зимняго семестра Шмидтъ еще подчиняется своеобразной прелести его чтеній: онъ слушаетъ у этого удивительного человѣка исторію философіи, психологію и антропологію или философію духа. Паряду съ этимъ онъ слушаетъ также Бека и Карла Риттера, — первого о греческихъ древностяхъ, послѣдняго — о географіи древней Греціи и Италии. А чтобы не запустить также своихъ теологическихъ занятій, онъ слушаетъ Марейнеке, правовѣрнаго праваго гегеліанца, о догматикѣ и значеніи новѣйшей философіи въ теологии.

И на послѣднемъ четвертомъ семестрѣ теология также занимаетъ первое мѣсто; Неандеръ, историкъ церкви и

противникъ Штрауса, читаетъ исторію церкви и о христианскихъ древностяхъ, Марейнеке—о теологической энциклопедіи и церковной символикѣ.

Усердный студентъ посвѣщаетъ до двадцати двухъ лекцій въ недѣлю, и, вѣроятно, именно за эти четыре семестра въ Берлинѣ онъ заложилъ прочный фундаментъ своему дальнѣйшему образованію.

* * *

Выступивъ изъ берлинского университета, 1-го сентября 1828 года, Іоганъ Каспаръ Шмидтъ отправился въ Эрлангенъ—городъ, откуда происходила его мать, и гдѣ еще навѣрное жили ея родственники. Записавшись въ студенты 20 октября, онъ между тѣмъ слушалъ только въ зимнемъ семестрѣ два курса: одинъ у известного теолога Георга Бенедикта Винера о посланіяхъ къ Коринтоянамъ, другой—у Христіана Каппа, философа, о логикѣ и метафизикѣ.

По прошествіи зимняго семестра, онъ дѣлаетъ на три съ половиной года перерывъ въ своихъ занятіяхъ и совершаетъ «продолжительное путешествіе по Германіи», единственное въ его жизни, которое продолжалось, вѣроятно, въ теченіе всего лѣта 1829 года. Не оставаясь, такимъ образомъ, въ Эрлангенѣ, онъ между тѣмъ числится тамъ студентомъ до 2-го ноября.

* * *

Возвратившись изъ своего путешествія, Шмидтъ осенью отправляется въ Пруссію, въ Кенигсбергъ, въ

знаменитый университетъ и записывается тамъ тѣмъ числомъ, когда выписался изъ студентовъ въ Ерлангенѣ. Онъ живетъ на Штайндампстрассе, 132. Но онъ не слушаетъ лекцій, не выправляетъ свидѣтельства, а живетъ, какъ онъ самъ говоритъ, «по домашнимъ обстоятельствамъ» годъ въ Кульмѣ у своихъ родителей, другой годъ, «также по семейнымъ условіямъ» снова въ Кенигсбергѣ, гдѣ онъ, осенью 1830 года, по его желанію, былъ, какъ полуинвалидъ, освобожденъ отъ отбыванія воинской повинности.

Нѣть основаній рѣшить опредѣленно, какого рода были эти семейныя обстоятельства, вынудившія его прервать свои занятія и удерживавшія его такъ долго въ далекой западной Пруссіи. Лишился ли онъ денежной поддержки, или же тогда уже проявились слѣды, позднѣе наступившей, душевной болѣзни его матери, и это вынудило егоѣхать въ Кульмъ,—неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ, во время этого невольнаго отѣыха, Іоганъ Каспаръ не запускаетъ «ни въ коемъ случаѣ своихъ философскихъ и филологическихъ занятій» и старается самостоятельно пополнить свое образованіе, причемъ это шло навѣрное, такъ же хорошо, а можетъ быть, и еще успѣшнѣе.

* * *

Только въ октябрѣ 1832 года, возмужалымъ двадцатишестилѣтнимъ человѣкомъ, возвращается онъ къ своимъ университетскимъ занятіямъ, и его тянетъ снова въ Берлинѣ, гдѣ онъ отсутствовалъ четыре года. Онъ нанимаетъ комнату на Почтовой улицѣ (Poststrasse), 9 и 28 ноября, на основаніи эрлангенскаго и прежняго

берлинского свидѣтельства о выходѣ изъ студентовъ, записывается въ второй разъ въ студенты.

Широкій, намѣченный имъ, планъ занятій указываетъ, какъ онъ серьезно относился къ своему вторичному поступленію и къ завершенію своихъ занятій: онъ собирается слушать лекціи о «главныхъ эпохахъ искусства», по «миѳологии древнихъ Германцевъ», «исторіи литературы», а также, по «исторіи Пруссіи»,想要 посещать публичные лекции Карла Риттера и лекціи обѣ Эсхилѣ. Но всѣ эти планы разрушаетъ продолжительная болѣзнь, которой онъ захворалъ, и которая позволила ему только съ слѣдующаго лѣтняго семестра приступить вновь къ слушанію лекцій.

Въ это лѣто 1833 года слушаетъ онъ также нѣкоторыя, имѣющія важное значеніе лекціи, а именно, у знаменитаго филолога и критика Лахмана, творца методической критики о Проперці, которому онъ, какъ известно, посвятилъ специальный курсъ; у гегеліанца Мишле (Michelet) о жизни, произведеніяхъ и философіи Аристотеля; и опять, какъ прежде, у Бѣка, теперь о республикѣ Платона. Всѣ эти лекціи онъ посещалъ съ большимъ прилежаніемъ. Вѣдь цѣлью его, какъ будущаго учителя гимназіи, къ которой онъ болѣе всего долженъ былъ стремиться, была классическая филология, и передъней должны были отступить на второй планъ его прежнія склонности къ другимъ предметамъ.

Зимою онъ еще числится студентомъ и собирается слушать у Тренделенбурга «о книгахъ Аристотеля de anima», у Раумера лекціи по всеобщей исторіи и у Мишле о метафизикѣ Аристотеля, но отказывается отъ этого намѣренія и самостоятельно готовится къ предстоящему экзамену: 27 марта 1834 года онъ выписывается изъ

числа студентовъ. Онъ могъ теперь представить свидѣтельство о прохожденіи требуемаго трехлѣтняго академического курса, прослушавъ семь семестровъ въ Берлинѣ, такъ какъ семестръ въ Эрлагенѣ не принимался въ разсчетъ въ Пруссіи, а въ Кенигсбергѣ онъ лекцій не слушалъ. И на этотъ разъ онъ не былъ «обвиненъ», въ «участіи» въ запрещенныхъ студенческихъ союзахъ.

* * *

Пропустивъ пасхальные каникулы, Шмидтъ явился 2 июня 1834 года въ королевскую научную испытательную комиссию для экзамена *pro facultate docendi*, представивъ свои школьныя и университетскія свидѣтельства и *curriculum vitae* на латинскомъ языке. Не менѣе, какъ по пяти предметамъ, требуетъ онъ повѣрочного испытанія въ старшихъ классахъ гимназіи, именно: по древнимъ языкамъ, по нѣмецкому языку, исторіи, философіи и наконецъ религії; а кроме того, и «по остальнымъ предметамъ также и для низшихъ классовъ», — требование, необычное даже въ тѣ времена, которое говорило, какъ обѣ увѣренности въ себѣ экзаменующагося, такъ и служило яснымъ доказательствомъ объема его познаній.

Прежде всего ему задали двѣ письменныя работы: «латинскій переводъ Оукідіда, VII, 78—87, съ грамматическими и экзегетическими толкованіями» и «о школьнѣхъ законахъ». Одновременно ему сообщили темы пробныхъ уроковъ: — Гораций, Epist. I, 14 и «о Гуссѣ и гусситахъ». Срокъ сдачи письменныхъ работъ ему дали отъ шести до восьми недѣль.

Но кандидатъ не могъ использовать этого срока. Въ августѣ вдругъ неожиданно явилась изъ Кульма въ Берлинъ его душевно-больная мать, и уходъ за нею

заполнилъ все его время, такъ что онъ вынужденъ былъ просить объ удлиненіи срока на четыре недѣли, что ему и разрѣшили.

Только къ концу года, 29 ноября представилъ онъ работы; его собственная болѣзненность также задержала на долгое время ихъ окончаніе, помѣшивъ и теперь представить ихъ лично. Поэтому, онъ просилъ также отложить пробныя лекціи и устные экзамены до новаго года. На это также согласились, и устныя испытанія были отложены до весны слѣдующаго года.

Шмидтъ представилъ обширныя работы: переводъ изъ Фукидида обнимаетъ 16, комментарій къ нему—23 страницы, а работа о школьныхъ законахъ—22. Заключеніе объ обѣихъ работахъ будетъ сообщено впослѣдствіи.

Между тѣмъ какъ переводъ Фукидида имѣть для насъ только относительный интересъ, работа о школьныхъ законахъ должна привлечь наше полное вниманіе. Въ этой работе передъ нами выступаютъ самостоятельныя мысли и воззрѣнія, которыхъ ближе знакомятъ насъ съ ихъ авторомъ, чѣмъ это возможно было до сихъ поръ.

Исходя изъ общаго представленія о законѣ, молодой кандидатъ говорить: «Въ законѣ нѣтъ произвола и нѣтъ случайности, онъ основанъ на природѣ предмета, ради которого онъ созданъ и тѣсно съ нимъ связанъ. Поэтому то все существующее, въ мірѣ-ли явленій или духа, представляясь въ томъ или иномъ своемъ видѣ, простымъ и только потому законченнымъ и содержательнымъ, въ то-же время есть иѣчто полное содержанія и, благодаря элементамъ, на которыхъ распадается,—также иѣчто многообразно-сложное.

Если выдвигаются эти различія и указывается на

нихъ, какъ, въ какомъ отношеніи и путемъ какого слянія они принадлежать къ единой сущности предмета, то въ этихъ своихъ проявленіяхъ самъ предметъ представляется такимъ, каковъ онъ есть въ своемъ, богатомъ по содержанію и разнообразію, единствѣ; и эти феномены, какіе показываетъ проявляющій себя предметъ, соответствуютъ его виѣшнимъ проявленіямъ или законамъ.

Никакой законъ слѣдовательно не навязанъ предмету извнѣ: законы тяжести являются проявленіемъ самого понятія тяжести».

«Школьные законы, переходить онъ къ своей темѣ, являются поэтому раскрытиемъ содержанія понятія объ ученикѣ. Определеніе этого понятія составляетъ содержаніе экзаменаціонной работы. Но тому, что бы даже попытаться составить собственно школьній уставъ, помимо отсутствія опыта, мѣшаетъ ему свойственная ему скромность»—пишетъ онъ съ забавной напускной серьезностью въ концѣ своей работы.

Понятіе «ученикъ» онъ разбираетъ строго индуктивнымъ путемъ, исходя изъ первого дѣтскаго возраста, изъ стадіи обособленности, чистаго «бытія для себя», и переходя къ предметному существованію, когда дитя отличаетъ себя отъ окружающаго и старается вмигъ овладѣть вещами. Затѣмъ слѣдуетъ важнѣйшій періодъ, періодъ возникновенія «я», самосознанія и отличія отъ другихъ, т.-е. общеніе, жизнь, проявленіе собственнаго «я» передъ другими явленіями и отношеніе къ нимъ. Дитя становится ученикомъ. Учитель для него образецъ совершенства. Онъ старается понять его и черезъ него прийти вообще къ пониманію. И этотъ періодъ пониманія заканчивается и перехо-

дить въ періодъ разсудка , начинающей съ университетской жизнью. Университетъ называется въ очень неточномъ смыслѣ высшей школой. «Вмѣсто учителя тутъ передъ «я» стоить задачей сама наука въ ея чистомъ видѣ и объектомъ ея является свобода».

Задачи учителя, школы и «законовъ» излагаются въ образныхъ выраженіяхъ, причемъ авторъ исходить всегда изъ природы предмета, т.-е. ученика, для которого эти задачи существуютъ, на сущности которого они основаны и съ которымъ связаны.

Подчеркиваніе я сверкаетъ во всей работе яркимиискрами, и уже въ ней проходитъ та главная мысль, которой суждено было позднѣе озарить яркимъ пламенемъ весь міръ.

И въ этомъ смыслѣ мы можемъ уже данную работу рассматривать, какъ фундаментъ, на которомъ мыслитель впослѣствіи построилъ свое произведеніе, хотя бы онъ тогда и не думалъ еще о немъ.

Какъ известно, И. К. Шмидтъ просилъ отложить словесныя испытанія, что и было разрешено. Наконецъ, въ пятницу 24-го апрѣля 1835 года они состоялись, затянувшись и на весь слѣдующій день.

Испытательная комиссія состояла изъ Адольфа Тренделенбурга, недавно назначенаго профессоромъ берлинскаго университета, Августа Мейнеке, известнаго филолога, критика стараго завѣта, бывшаго тогда директоромъ юахимтальской гимназіи и Фридриха Штерельке, профессора кельнскай реальнай гимназіи. Кромѣ того, участвовалъ въ комиссіи еще докторъ Агафонъ Бенари, известный филологъ, тогда старшій преподаватель классическихъ языковъ въ кельнскай реальнай гимназіи; предсѣдательствовалъ Ланге.

Обѣ пробныя лекціи имѣли мѣсто уже ранѣе, въ началѣ апрѣля. Четвертаго апрѣля Шмидтъ читалъ въ «примѣ» юахимтальской гимназіи историческую лекцію о «Гуссѣ и гусситахъ» и, вѣроятно, въ тотъ же день, о Гораци. Третья лекція прочитана была 28-го апрѣля въ «секундѣ» кельнскай реальнай гимназіи о «понятіи и употребленіи нѣмецкихъ союзовъ».

Въ первый день кандидата экзаменовалъ Мейнеке по религіи и древне-еврейскому языку и Тренделенбургъ — по исторіи и географії.

Отзыvъ послѣдняго подавалъ особенно благопріятныя надежды. Признавъ «весьма точное знаніе отдѣльныхъ обсуждавшихся предметовъ и ясное пониманіе общихъ отношеній» и добавивъ, что Шмидтъ въ своей пробной лекціи (о Гуссѣ и гусситахъ) проявилъ также «прекрасную способность изложенія», Тренделенбургъ приходить къ заключенію, что онъ несомнѣнно можетъ съ успѣхомъ преподавать въ низшихъ и среднихъ классахъ исторію, географію и «вообще, можетъ стать очень полезнымъ учителемъ исторіи, если онъ еще глубже и основательнѣе позаймется исторіей и именно по источникамъ». Относительно исторической пробной лекціи онъ высказалъ, кромѣ того, слѣдующее интересное сужденіе: «Кандидатъ не вступалъ въ разсужденія съ учениками, но ограничился связнымъ докладомъ, весьма удачнымъ по формѣ и содержанію... Плавность рѣчи, достойная удивленія, была такъ безупречна, что ея равномѣрность, которая казалась подготовленной и дѣланной, почти утомляла»...

Въ свою очередь, Мейнеке также воздаетъ должное способностямъ кандидата. Онъ подтверждаетъ его близкое знакомство съ общимъ содержаніемъ библейской исторіи,

легкость перевода предложенного ему текста изъ новаго завѣта (1 Кор., гл. 13) и знаніе христіанскихъ вѣроученій, «хотя ему не удавалось развить то или иное изъ выставленныхъ имъ положеній», равно и знакомство съ церковной исторіей и полагаетъ, что, хотя въ настоящее время ему можетъ быть поручено преподаваніе религіи только въ среднихъ классахъ, но, если онъ займется подробнѣе предметомъ, то «при его дѣльности и спекулятивной способности» онъ могъ бы съ полнымъ успѣхомъ преподавать этотъ предметъ и въ старшихъ классахъ гимназіи.

Въ древне-еврейскомъ языкѣ зато экзаменуемый проявилъ слабыя познанія и съ трудомъ могъ прочитать текстъ изъ стараго завѣта.

Слѣдующій день начался экзаменомъ Штрельке по математикѣ, слабомъ мѣстѣ кандидата, у которого были только сохранившіяся школьнія познанія, въ виду чего онъ и срѣзался. Такъ какъ математикъ Штрельке былъ одновременно учителемъ нѣмецкаго языка, то неблагопріятный результатъ экзамена по одному предмету, бросалъ также тѣнь на испытаніе по другому.

Испытаніе по философіи, которымъ руководилъ Тренделенбургъ, также не было такъ успешно, какъ этого можно было ожидать. На него, впрочемъ, уже произвела не малое впечатлѣніе работа о школьніхъ законахъ, о которой онъ сказалъ слѣдующее: «Авторъ дѣлаетъ попытку дедукціи изъ понятія, въ чемъ нельзѧ замѣтить вліянія новѣйшей философіи. Онъ, очевидно, привыкъ къ постепенному развитію и строгому выводу мыслей, хотя часто, вслѣдствіе немногого натянутыхъ выводовъ, понятія разсматриваются односторонне. Въ изложеніи кое-гдѣ желательна большая законченность

формы, потому что рѣзкость и отрывистость новѣйшихъ діалектическихъ изложеній не должна-бы служить образцомъ».

Но самый экзаменъ, который, хотя также доказываетъ «несомнѣнную способность вообще къ обращенію съ понятіями и выводами изъ нихъ», обнаруживаетъ, что «положительныя познанія въ исторіи философіи ни въ коемъ случаѣ не стоять на той же высотѣ, какъ эти способности», и что «кандидату недостаетъ болѣе широкаго пониманія математическаго метода и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе точнаго знанія многихъ логическихъ отношеній», такъ что съ этой стороны сомнительно, можно ли ему довѣрить преподаваніе философской пропедевтики и нѣмецкихъ сочиненій въ старшихъ классахъ, такъ какъ учитель долженъ вполнѣ владѣть областью научныхъ воззрѣній учениковъ.

Ко всему этому и прочитанная третья пробная лекція о «понятіи и употребленіи нѣмецкихъ союзовъ» также подверглась критической оценкѣ. «Если кандидатъ», говорить Тренделенбургъ, «и стремится философски проникнуть въ сущность предмета, то свободному и естественному міросозерцанію препятствуютъ у него предвзятыя философскія формы, произвольно навязываемыя имъ предмету. Онъ передавалъ ученикамъ дѣланыя и частью подтасованныя отличія и не умѣлъ естественно и живо развить понятія для самихъ учениковъ», которыхъ, «видимо, сбивала искусственность нѣкоторыхъ положеній».

Въ концѣ концовъ, Тренделенбургъ полагаетъ, что, если кандидатъ пополнить этотъ недостатокъ (въ исторіи философіи и математикѣ), то отъ него можно ждать «полезной дѣятельности» на обѣихъ аренахъ,—филосо-

фіи и нѣмецкому языку. Прежде всего, посовѣтовалъ онъ ему «пополнить указанные пробѣлы разумнымъ изученіемъ источниковъ, чтобы философское направление его мышленія получило прочную почву».

О, если бы Тренделенбургъ могъ предполагать, что «мышленіе» этого неизвѣстнаго молодого человека уже тогда можетъ быть вступило на путь, который, въ концѣ концовъ не благодаря изученію «источниковъ», но изученіемъ источниковъ самой жизни завоюетъ прочную почву въ такой области, о которой никогда не имѣли яснаго представлениія ни онъ самъ, ни другие, потерявшіеся въ небесахъ разныхъ, возможныхъ и невозможныхъ, умозрѣній!

Послѣднимъ экзаменаторомъ былъ опять Мейнеке, предметомъ были древніе языки. Если о переводѣ Єукидіа онъ отзывался одобрительно, опредѣливъ его, какъ ясный, простой, гладкій, прилежно и съ грамматической точностью исполненный, то менѣе доволенъ былъ онъ пробной лекціей изъ Гораций, въ которой онъ, признавая у кандидата пониманіе разбираемаго мѣста, осудилъ ограниченную дидактическую способность, слабость метода, неумѣніе уяснить ученикамъ смыслъ писателя и вялость и усыпительность преподаванія. И при устномъ экзаменѣ онъ нашелъ недостатокъ грамматическихъ познаній, необходимыхъ для преподаванія въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи, и только призналъ, что латинскій языкъ кандидатъ сдалъ письменно и устно съ похвальнымъ совершенствомъ.

Всѣ эти отзывы были еще разъ изложены 29 апрѣля 1835 г. въ экзаменаціонномъ свидѣтельствѣ, въ которомъ кандидату торжественно дается заслуженная *facultas docendi*.

Принимая во вниманіе необычный объемъ экзамена-

ціонныхъ предметовъ и предъявляемыя высокія требованія, нельзя не признать, что это было, хотя и не блестящій, но все-таки удовлетворительный результатъ. Наибольшіе пробѣлы оказались у Шмидта, въ такъ называемыхъ, экзаменаціонныхъ познаніяхъ, въ заученномъ для опредѣленной цѣли; въ его необыкновенныхъ способностяхъ никто изъ экзаменаторовъ не выражалъ сомнѣнія. Кромѣ того, результатъ давалъ право на должность, безъ чего, какъ и въ настоящее время, былъ бы необходимъ еще повѣрочный экзаменъ.

* * *

Въ скоромъ времени, по окончаніи экзамена, кандидатъ на должность учителя явился для отбыванія своего пробнаго педагогическаго года, избравъ для этого знаменитое королевское реальное училище въ Берлинѣ, тогдашній директоръ котораго Шпиллеке былъ одновременно директоромъ Фридрихъ - Вильгельмштадтской гимназіи и Елизаветинскаго училища.

Испрашиваемое Шпиллеке въ провинціальной школьній коллегіи разрѣшеніе для Шмидта было дано, и на Пасхѣ онъ началъ восьмичасовое преподаваніе латинскаго языка въ четвертомъ классѣ.

Какъ сказано, дебютировать въ качествѣ воспитателя въ реальному училищѣ было собственнымъ желаніемъ молодого учителя. Самъ всепѣло воспитанный еще по гуманитарной системѣ, онъ желалъ изучить у самаго источника другую сторону — реальное образованіе, хотя уже тогда онъ понялъ односторонность того и другого и положилъ основаніе тѣмъ воззрѣніямъ, которыя онъ, нѣсколько лѣтъ спустя, съ большой мѣткостью и ясностью изложилъ въ глубокосодержательной и имѣющей большое значеніе работѣ.

Указанное преподаваніе въ четвертомъ классѣ реального училища, по окончаніи пробнаго года, онъ продолжалъ добровольно еще полъ-года, до осени 1836 г. «изъ любви къ дѣлу и учебному заведенію».

Затѣмъ 1 ноября онъ покинулъ школу, которой онъ полтора года безвозмездно посвящалъ часть своихъ силъ.

* * *

Слѣдующую зиму съ 1836 по 1837 г. Іоганъ Каспаръ Шмидтъ былъ занятъ частными занятіями и только 4 марта 1837 г. хлопочеть онъ передъ «королевской высокочтимой училищной коллегіей Бранденбургской провинції» о платной должности. Въ [своемъ прошеніи онъ объяснилъ, что онъ не рѣшался раньше просить о «благосклонномъ снисхожденіи», такъ какъ считалъ своимъ долгомъ, кроме года пробныхъ занятій, посвятить еще годъ тому, чтобы возможно добросовѣстнѣе пополнить тѣ пробѣлы въ филологическомъ и философскомъ образованіи, которые обнаружились при его экзаменѣ. Послѣ того, какъ пополнилъ эти недостатки», говорить онъ далѣе «мое положеніе не позволяетъ мнѣ посвятить еще время древне-еврейскому языку и математикѣ» и заканчиваетъ увѣреніемъ, что онъ рѣшился посвятить этимъ предметамъ время, свободное отъ служебныхъ обязанностей».

На это серьезное, честное, говорящее о строгости къ себѣ, заявленіе, онъ 16 марта былъ кратко извѣщенъ, что въ данное время нѣтъ мѣстъ и занятій; «относительно послѣднихъ», впрочемъ, онъ можетъ обратиться къ директору гимназіи.

Сомнительно, чтобы онъ сдѣлалъ еще эту попытку; этому нѣтъ никакихъ доказательствъ и, во всякомъ случаѣ, это было безуспѣшно. Никогда онъ дѣйствительно

не имѣлъ должности при государственной школѣ и, вопреки утвержденіямъ лексиконовъ, приходится рѣшительно подтвердить: Шмидтъ *никогда* не былъ *учителемъ гимназии*. Если въ позднѣйшіе годы, когда онъ, вообще, давно прекратилъ воспитательную дѣятельность, онъ самъ себя такъ называлъ, то онъ только слѣдовалъ общему обычаю, который это название противополагаетъ званію сельского учителя.

При этомъ случаѣ надо устранить и другое заблужденіе. Какъ это ни было возможно и, вѣроятно, до смѣшного легко получить докторскую степень, Шмидтъ, какъ это доказано, никогда не дѣлалъ попытки въ этомъ направлении. Хотя онъ самъ вызвалъ это заблужденіе тѣмъ, что при заявлѣніи полиціи своего имени, онъ иногда присоединялъ это званіе; онъ никогда, однако, не былъ докторомъ философіи.

* * *

Въ настоящее время нельзя сказать, что предпринялъ Шмидтъ для добыванія средствъ къ жизни, когда надежды его не оправдались. Мы знаемъ, что въ это лѣто 1837 г. умеръ отъ старческой слабости въ Кульмѣ его отчимъ Баллерштедтъ, 76 лѣтъ отъ рода (19 июля), и болѣе чѣмъ вѣроятно, что эта смерть заставила его туда сѣѣздить.

Совершенно неизвѣстно также, взялъ ли онъ съ собой въ Берлинъ или оставилъ въ Кульмѣ свою мать, которая пережила и своего второго мужа и была назначена его наследницей, такъ какъ отъ этого брака, какъ известно родилась только одна дочь, умершая въ дѣтствѣ. Неизвѣстно также, исправилось ли, или ухудшилось въ послѣдніе годы душевное состояніе его матери, сколько и какъ она потомъ жила, — все это покрыто также

тайной, какъ и, вообще, его семейные отношенія, которых раньше вызывали такія непріятныя перерывы въ его занятіяхъ.

Во всякомъ случаѣ, мать его была теперь не только его ближайшей, но и единственной родственницей и, небольшое, правда наслѣдство отчима, который давно уже продалъ свою аптеку и жилъ въ Кульмѣ очень скромно съ женою, какъ частный человѣкъ, всецѣло предназначалось ему. Крестный отецъ его Штихтъ, чулочникъ изъ Байрейта, умеръ еще въ 1825 г., а въ началѣ 1838 года за нимъ послѣдовала его вдова, тетка по отцу Іоганна Каспара, который потерялъ въ ихъ лицѣ послѣднихъ ближайшихъ родственниковъ.

Нашъ интересъ возбуждаетъ другое семейное событие—новыя связи въ его жизни, завязанныя вмѣсто старыхъ, порванныхъ смертью,—егсъ первый бракъ.

Когда на Пасху 1833 г., послѣ болѣзни, Шмидтъ, снова съ полнымъ усердіемъ принялъ за ученіе, чтобы наконецъ, довести его до конца, онъ перѣхалъ съ Почтовой улицы (Poststrasse) на Новый рынокъ (Neuer Markt) въ домъ № 2. Тамъ жилъ онъ во второмъ этажѣ у городской акушерки Д. Л. Бюрцъ. У дочери ея (или сестры?), которая впослѣдствіи также стала акушеркой Каролины Фредерики Бюрцъ была незамужняя дочь Агнеса Клара Кунитунда Бюрцъ, родившаяся 26 ноября 1815 г. Между нею и новымъ квартирантомъ завязались въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ отношенія, которые только въ 1837 году повели къ браку.

7 февраля этого года Шмидтъ перемѣнилъ квартиру на Новомъ Рынкѣ, которую занималъ четыре года, на другую квартиру по Монастырской улицѣ, 5—6.

12-го декабря состоялся обрядъ вѣнчанія между нимъ и двадцати-двухлѣтней невѣстой,—также какъ и онъ, евангелическаго исповѣданія,—въ церкви св. Маріи въ Берлинѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 6-го апрѣля 1838 года, молодая чета перѣхала на Ораніенбургскую улицу, 86. Новобрачные вели тихую, беззаботную, спокойную жизнь. Они были давно знакомы, жили вмѣстѣ, и самый бракъ, въ сущности, не внесъ никакихъ особыхъ измѣненій въ ихъ вицѣнія отношенія.

Молодая женщина скончалась отъ преждевременныхъ родовъ, едва достигши 23-хъ лѣтнаго возраста.

Печальная смерть быстро и неожиданно загасила огонекъ тихаго счастья, если его можно такъ назвать, счастья, которое, вѣроятно, теплилось бы долгіе годы, если бы на него не дунуло холодное дыханіе рока.

Одинокій вдовецъ послѣ краткаго перерыва, вернулся къ прежней жизни. Старуха Бюрцъ съ дочерью, въ то время уже городской акушеркой, перемѣнили квартиру, на новую, находящуюся по Фридрихъ-штрассе 79, куда къ нимъ и перѣхалъ 5-го октября Шмидтъ, только что получившій мѣсто, о которому будетъ рѣчь впереди. Молодой вдовецъ жилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ, до новой женитьбы.

* * *

Отъ государственной службы Шмидтъ давно и окончательно отказался. Но такъ какъ онъ предназначенъ былъ къ учительской дѣятельности, то долженъ быть решиться принять какую-нибудь частную должность. Онъ нашелъ ее при «Учебномъ и воспитательномъ заведеніи для взрослыхъ дѣвицъ» (für höhere Töchter) госпожи Гроніусъ на Кельнскомъ рыномъ рынке, 4,

куда онъ поступилъ 1 октября 1839 года и работалъ пять лѣтъ безъ перерыва.

Школа была благоустроеннымъ, виднымъ частнымъ заведеніемъ для полузарослыхъ дѣвицъ изъ зажиточного круга, которыхъ воспитывала сама владѣлица съ сестрами, при помощи нѣсколькихъ учителей. Шмидтъ сначала преподавалъ въ первомъ классѣ два часа нѣмецкій языкъ. На экзаменѣ, бывшемъ 2 марта 1840 г. онъ проэкзаменовалъ своихъ 13 ученицъ по исторіи литературы, главнымъ образомъ, Шлезвигской нѣмецкой школы. Черезъ два года школа перешла къ бывшимъ воспитанницамъ госпожи Грошусь, сестрамъ Цеппъ. Шмидтъ совмѣстно съ начальницами, давалъ уроки во второмъ классѣ, а въ слѣдующемъ году преподавалъ также исторію въ первомъ классѣ семи ученицамъ.

Благодаря его всегда ровному, вѣжливому и спокойному обращенію, его очень любили и цѣнили и начальницы и ученицы, которыхъ онъ «заставлялъ писать часто большія сочиненія».

Къ изумленію ихъ, онъ неожиданно и везапно 1 октября 1844 г. отказался отъ мѣста. Съ тѣхъ поръ онъ никогда больше не занималъ общественной должности.

Какъ и при какихъ обстоятельствахъ это случилось, будетъ изложено въ другой главѣ такъ же, какъ и разсказъ о послѣдніхъ важнѣйшихъ годахъ его жизни.

* * *

Мы оглянемся еще на прошлое и въ общихъ чертахъ воскресимъ въ памяти годы, въ теченіе которыхъ шло внѣшнее развитіе этой жизни до того мгновенія, когда онъ такъ рѣзко сталъ отличаться и удаляться отъ другихъ.

Годы ученія и учительства, которые удалось возста-

новить безъ всякихъ пропусковъ, являются несомнѣнно важнѣйшей эпохой жизни Макса Штирнера. Они обнимаютъ будущее человѣка и настоящее его, доводя до порога общественной жизни. Онъ еще не открылъ къ ней дверь, но уже коснулся ея рукою.

Двадцатилѣтнимъ юношемъ, полнымъ радостныхъ надеждъ, поступаетъ онъ въ университетъ. Тридцатилѣтнимъ человѣкомъ онъ убѣждается, что всѣ усиія его юности не дали ему даже возможности получить мѣсто ради куска хлѣба.

Тревожная, неоднократно прерывавшаяся студенческая жизнь, самымъ блестящимъ пунктомъ которой является путешествіе по Германіи, въ общемъ полна безчисленныхъ печальныхъ моментовъ, благодаря давленію домашнихъ обстоятельствъ. Трудный экзаменъ, подготовку къ которому прерываетъ болѣзнь, едва ли приятный періодъ бесплатнаго пробнаго учительства—все это является содержаніемъ этихъ десяти лѣтъ.

Въ результатѣ страшный упадокъ духа. Послѣ первой неудачной попытки получить мѣсто, онъ никакихъ попытокъ, больше не дѣлаетъ. Мы знаемъ только о его безмятежной супружеской жизни, которая также вскорѣ была прервана смертью его жены.

За этимъ слѣдуютъ годы спокойной учительской дѣятельности въ частномъ заведеніи, годы, когда изрѣваетъ и готовится то, что мы получили, какъ плодъ этой жизни.

Какъ подготовлялась почва, на которой онъ выросъ, мы можемъ только предполагать. Его юность, равно какъ и годы ученія и учительства скрыты покровомъ, дающимъ только возможность видѣть вѣнчнія очертанія, но скрывающимъ внутреннее содержаніе. До сихъ поръ

объ этой жизни не свидѣтельствовалъ ни одинъ живой человѣкъ. Говорять только факты, но не люди. Лишь теперь, приблизительно съ 1840 г., выступаютъ они и озаряютъ молчаливый обликъ свѣтомъ и тепломъ. Все оживаетъ и пріобрѣтаетъ захватывающій интересъ, благодаря этимъ воспоминаніямъ.

Мы разстаемся съ учителемъ Іоганномъ Каспаромъ Шмидтомъ. Но прежде, чѣмъ обратиться къ человѣку, который снова является передъ нами, какъ Максъ Штирнеръ, мы должны внимательно и серьезно остановиться на томъ кризисѣ, который повліялъ на многіе годы его жизни и даль тѣхъ свидѣтелей, благодаря которымъ онъ сталъ намъ понятенъ, и которые служать рамой къ его сложившемуся позднѣе портрету.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Свободомыслящіе у Гиппеля». — Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія. — Погребокъ Гиппеля на Фридрихштрассе. — Первое появленіе «свободомыслящихъ». — Характеристика. — Ядро. — Остальные постыдни. — Три гостя. — Общественная дѣятельность «свободомыслящихъ». — Тонъ кружка. — Его значеніе.

Въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, въ домѣ № 94 на Фридрихштрассе, въ Берлинѣ, помѣщался (онъ и теперь еще помѣщается тамъ же, почти противъ подъѣзда Центральной гостиницы) одинъ изъ тѣхъ простыхъ, но удобныхъ и уютныхъ винныхъ погребовъ, образцомъ которыхъ, въ настоящее время могутъ служить такие же погреба знаменитаго Габеля на улицѣ «Подъ липами».

Имя владѣльца погреба было известно въ Берлинѣ среди людей, знаяшихъ толкъ въ винѣ. Уже старикъ Ж. М. Р. Гиппель долгое время велъ дѣло; послѣ него оно перешло на нѣсколько лѣтъ къ его вдовѣ, а отъ нея въ 1814 г. къ ея сыну, Якову Гиппелю.

Въ этомъ погребѣ въ то время, быть можетъ годомъ позже, стало собираться каждый вечеръ мужское общество, состоявшее изъ самыхъ разнообразныхъ

элементовъ, имѣвшихъ лишь одну общую черту: все они были болѣе или менѣе недовольны политическими и соціальными условиями своего времени и, съ большей или меньшей страстью, боролись противъ нихъ.

Эта крайняя «лѣвая» великаго умственного движенія тогдашняго времени получила название «свободомыслящихъ» (ибо въ то время все должно было имѣть кличку) и подъ этимъ именемъ достигла въ исторіи до мартовскаго періода извѣстной степени славы, связанной, главнымъ образомъ, съ дѣятельностью того или другого члена кружка.

* * *

Первое появленіе «свободомыслящихъ», впрочемъ, надо сказать, не связано съ Гиппелемъ. Но его погребъ такъ овладѣлъ расположениемъ этого кружка и такъ долго оставался неизмѣнно вѣренъ ему, такъ тѣсно переплелось имя Гиппеля съ именами его самыхъ интересныхъ гостей, что ему въ этой книгѣ по праву принадлежитъ мѣсто, которое онъ занялъ въ культурной исторіи того времени, хотя бы и скромными заслугами.

Въ первый разъ мы встрѣчаемся со «свободомыслящими» послѣ 1840 г., въ центрѣ Берлина, на старой Почтовой улицѣ. Тамъ, за церковью св. Николая, на углу Яичной улицы, находилась пивная, хозяиномъ которой одни называютъ Кернбаха, другіе же — Вальбурга; и въ этой-то просторной, но съ низкими потолками и «скудно освѣщенной» пивной происходять ихъ первыя регулярныя собранія. На той же Почтовой улицѣ, на углу, въ зданіи «старой почты», принадлежащемъ газетному издательству, указываютъ на винный погребъ, какъ на другое мѣсто, излюбленное нѣкоторыми изъ кружка и

имѣвшее, до переселенія къ Гиппелю, большую привлекательную силу для посѣтителей.

Но эти первые шаги теряются во мракѣ времени, и ихъ слѣды стерлись до безвѣстности.

* * *

Въ немногихъ словахъ дать характеристику «свободомыслящихъ» не совсѣмъ легко.

Одно можно утверждать, что они не составляли ферейна, хотя часто ихъ ошибочно и называли ферейномъ. Никогда у нихъ не было признаковъ такового: никогда у нихъ не было предсѣдателя, никогда не утверждали ни правилъ, ни уставовъ, которые обусловливали бы принадлежность къ ихъ кружку.

Возникнувъ безъ всякой опредѣленной цѣли, кружокъ держался лишь взаимными интересами своихъ членовъ. Наиболѣе интересенъ былъ тѣсный кружокъ, къ которому принадлежали постоянные посѣтители собраній, естественно составившіе «ядро», а отчасти также привыкавшіе интересоваться себѣ и къ своимъ именамъ своей отважной общественной дѣятельностью.

Но и дальнѣйшая периферія этого круга достаточно интересна, чтобы усугублять его славу. Число членовъ было чрезвычайно велико и, пробѣгая длинные ряды ихъ именъ, трудно разобраться въ этой смѣняющейся вереницѣ посѣтителей. На первомъ мѣстѣ, конечно, стояли либеральные журналисты, которыхъ должна была привлекать эта картина, въ своемъ богатомъ разнообразіи дававшая имъ любопытный материалъ — журналисты, кончившіе поздней ночью споры, начатые послѣ обѣда у Гиппеля или у Штэли; тамъ бывали писатели и поэты, которыхъ опьяняли рѣчи, гремѣвшія за столами и, казалось, заклинавшія грядущія времена, бывали юные студенты

имѣвшіе возможность слышать здѣсь вѣщи, которыхъ конечно, имъ не читались съ каѳедры.

Здѣсь можно было встрѣтить: умныхъ и трезвыхъ людей, которые, уставъ отъ словъ и ожиданій, вѣрили въ возможность осуществленія всѣхъ свободъ, въ случаѣ достиженія какой-либо одной, и въ качествѣ таковой избрали хотя бы свободу торговли; нѣсколько офицеровъ, интересы которыхъ не ограничивались женщиными и лошадьми, и которые имѣли мужество войти въ общество, пользовавшееся такой скверной репутацией въ сферахъ; большую пеструю толпу гостей самого разнообразнаго рода, приходившихъ, уходившихъ, вновь приходившихъ и остававшихся и, наконецъ, женщинъ,—хотя онъ и не заслуживаются вовсе послѣдняго мѣста,—съ которыми, конечно, обращались, не какъ съ женщинами, а какъ съ хорошими товарищами, и которыхъ не смущались и не конфузились при рѣзкихъ выраженіяхъ и крѣпкихъ словцахъ.

Большая часть общества состояла, по крайней мѣрѣ въ началѣ, изъ молодыхъ людей въ возрастѣ между 20 и 30 годами, и даже Бруно Бауэръ, одному изъ старѣйшихъ въ это время, едва было тогда больше 30-ти лѣтъ.

Но всѣ они страстно ждали новаго времени и пылко призывали его...

* * *

Кто же были эти «свободомыслящіе?» «Именъ я хочу, именъ!» Какъ уже было сказано, ~~были~~ отколовшіеся отъ радикализма вольнодумцы, которые, въ вѣчномъ разладѣ, съ окружающими ихъ условіями, собирались подъ этимъ

именемъ для непринужденной бесѣды и объединялись вокругъ одного человѣка, Бруно Бауэра, имя которого въ это время было широко известно и въ нѣкоторыхъ сферахъ даже казалось опаснымъ. Остроумный критикъ библіи былъ лишенъ приват-доцентуры на богословскомъ факультетѣ бонскаго университета и тотчасъ послѣ этого, весной 1842 г., вернулся въ Берлинъ, чтобы здѣсь въ ферайнѣ, со своимъ братомъ, Эдгаромъ, продолжать свою борьбу. Его отставка произвела огромное впечатлѣніе и остановила вниманіе общества на неустрашимомъ человѣкѣ. Снова собрались въ Берлинѣ «свободомыслящіе» вокругъ него, импонировавшаго своей славой и возрастомъ; Бруно Бауэръ, словомъ, можетъ заслуженно считаться настоящимъ ихъ главою, потому что при ознакомленіи съ ядромъ кружка «свободомыслящихъ» видно, что онъ занималъ первое, самое замѣтное мѣсто.

Отецъ Бауэра имѣлъ въ 20-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія на Голубиной улицѣ, близъ церкви Троицы, маленькую фаянсовую лавку. Онъ приѣхалъ въ Берлинъ изъ древне-бюргерскаго мѣстечка, Эйзенберга, чтобы имѣть возможность дать своимъ сыновьямъ хорошее воспитаніе. Эгбертъ и Бруно (родился въ 1809 г.) были еще дѣтьми; третій сынъ Эдгаръ, родился въ 1820 г., уже послѣ переселенія семьи въ Шарлоттенбургъ.

Бруно, несомнѣнно, самый способный изъ братьевъ, съ пытливымъ, критически-настроеннымъ умомъ, слушалъ въ Берлинѣ въ 1827 г. и въ послѣдующіе годы у Марейнеке и Шлейермачера теологію, но съ наибольшимъ рвеніемъ философію, конечно—у Гегеля. Въ начаѣ ярый гегеліанецъ стараго склада, онъ, какъ протеже министра Альтенштейна, принадлежалъ къ кружку мо-

лодыхъ людей, образовавшемуся вокругъ Беттины; этотъ кружокъ занимался составленіемъ лекцій для бѣднѣаго берлинскаго студенчества. Въ 1834 г. Бруно Бауэръ занялъ кафедру въ Берлинѣ на богословскомъ факультетѣ. Вскорѣ затѣмъ началъ онъ свою литературную дѣятельность критикой только что появившейся и возбудившей всеобщее вниманіе «Жизни Иисуса» Штрауса, критикой, исходящей изъ вѣры въ возможность примиренія «исторического откровенія» съ «свободнымъ самосознаніемъ».

Какъ скоро онъ отрѣшился отъ этой вѣры, показываютъ его критическая статьи, въ которыхъ онъ пошелъ быстрымъ темпомъ отъ старогегеліанизма, мимо Штрауса, къ критикѣ евангелическихъ синоптиковъ и къ разоблаченію внутреннихъ противорѣчій и полной несостоятельности гегелевской системы философіи въ анонимной брошюрѣ «Die Posaune des jüngsten Gerichts über Hegel, den Atheisten»; эта же критика привела его къ лишенію званія приват-доцента. Министръ Альтенштейнъ отказался отъ поддержки своего protеже, убѣдившись, что тотъ, все больше и больше, склоняется влѣво.

Бруно блестяще оправдалъ себя въ своемъ «правомъ дѣлѣ во имя свободы», и продолжалъ свой путь влѣво. Онъ устроилъ своему брату, Эгберту, къ Шарлоттенбургѣ табачный магазинъ и издательство, которое и печатало его книги и Эдгара, открывъ свою дѣятельность въ 1843—1844 годахъ изданиемъ «Allgemeine Litteratur-Zeitung».

Критическое движение, вызванное имъ къ жизни и находившееся подъ его руководствомъ, не щадившее ни друга, ни недруга, давало въ этомъ органѣ жестокія сраженія, въ которыхъ авторы съ большой силой и да-

рованіемъ защищали «абсолютное освобожденіе» личности, при чёмъ личность еще стояла на почвѣ «чистаго человѣчества». Но врагъ, противъ котораго велась борьба, постепенно становился „массой“: въ этомъ боевомъ словѣ критика, «ставшая критической» и «абсолютной», послѣ побѣды надъ теологіей, «вместо отдѣльныхъ формъ ограниченности и подчиненія» объединяла всѣ враждебныя «духу» стремленія.

«Массой» являлись, такимъ образомъ, и радикальная политическая стремленія либерализма 40-хъ годовъ, и пробуждавшееся къ тому времени соціальное движение, въ коммунистическихъ лозунгахъ котораго они справедливо замѣтили страшную угрозу «самосознанію» и свободѣ личности. Этотъ противникъ не долго заставилъ ждать отвѣта: Марксъ и Энгельсъ. Только что покинувшіе Берлинъ и «свободомыслящихъ», отвѣтили въ 1845 г. полнымъ яда памфлетомъ, «Die heilige Familie oder Kritik der kritischen Kritik, gegen Bruno Bauer und Consorten».

«Литературная газета», на материальной сторонѣ которой очень плохо отразилось ея критическое направление, не могла дольше существовать и, такъ какъ сама «масса» понемногу начала становиться «критической», Бруно Бауэръ обратился къ историческимъ и современнымъ работамъ; плодомъ его богатой и полезной дѣятельности въ этой области, при содѣйствіи Юнгница и его брата, Эдгара—былъ рядъ книгъ: послѣ революціи онъ снова вернулся къ критикѣ библіи, нѣкогда прославившей его имя.

Критическое движение остановилось. Самъ Бруно, наконецъ, объявилъ его «безмысленностью», и тогда его послѣдніе сбитые съ толку, сторонники отвернулись отъ него.

«Святое семейство», къ которому мы считаемъ нужнымъ вернуться,—такъ въ шутку назывался кружокъ, образовавшійся въ Шарлоттенбургѣ вокругъ Бауэра и состоявшій, большей частью, изъ немногочисленныхъ сотрудниковъ «Литературной газеты». Онъ часто подкрѣплялся и увеличивался членами изъ «свободомыслящихъ». «Святое семейство» существенно отличалось отъ послѣднихъ; въ немъ преобладалъ, и довольно значительно, женскій элементъ, и такія привлекательныя представительницы его, какъ напр., Луиза Астонъ, вносили не мало оживленія въ тихій, мірный домъ, где постоянно работали братья, въ то время какъ отецъ, живописецъ по фарфору, съ Эгбертомъ увязывалъ тюки книгъ, а старая мать Бруно занималась продажей сигаръ въ лавкѣ.

Эдгаръ, братъ Бруно, моложе его на 11 лѣтъ, также сначала по собственному влечению занялся богословіемъ, но затѣмъ, по практическимъ соображеніямъ, началъ изучать юриспруденцію. Онъ далеко уступалъ Бруно по уму и долгое время находился всецѣло подъ его влияниемъ. Только такимъ образомъ можно объяснить некоторые перемѣны въ его воззрѣніяхъ.

Какъ и Бруно, сотрудникъ ежегодниковъ Руге въ Галлѣ, онъ началъ свою литературную дѣятельность статьей въ защиту брата по поводу его отставки. Для нихъ обоихъ былъ, поэтому, закрытъ доступъ къ государственной службѣ въ Пруссіи навсегда.

Спустя годъ, его рѣзкая и горячая статья «Споръ критики съ церковью и государствомъ» навлекла на него продолжительный процессъ, кончившійся приговоромъ къ трехлѣтнему заключенію въ крѣпости; наказаніе это онъ отбылъ въ Магдебургѣ, начиная съ 1846 г.

Подобно Бруно, не менѣе плодовитый, хотя и не такой глубокій, онъ занялся въ крѣпости исторіей и, послѣ освобожденія, опять окунулся въ Берлинѣ въ революціонное движение.

Третьимъ изъ кружка «свободомыслящихъ» мы назовемъ писателя Людвига Буль. Если имена Бауэръ, особенно Бруно, теперь еще пользуются известностью, то Буль сейчасъ совершенно забытъ, и его сочиненія едва-ли когда либо снова увидятъ свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ «сильный, непреклонный духъ въ слабомъ тѣлѣ», несколько не уступалъ братьямъ въ критической остротѣ и, во всякомъ случаѣ, превосходилъ Эдгара въ проницательности и послѣдовательности. Онъ былъ первымъ, признавшимъ, что критика должна быть направлена не противъ той или иной формы государственного устройства, а противъ самой идеи государства, и тогда лишь можетъ привести къ какимъ либо практическимъ результатамъ. Это мнѣніе онъ высказалъ впервые въ своемъ «Берлинскомъ Ежемѣсячнике», (о которомъ еще будетъ рѣчь) послѣ того, какъ онъ неоднократно касался соціально-политическихъ вопросовъ въ своемъ запрещенномъ журналь «Патріотъ» (1842 г.), въ статьяхъ о конституціи и въ своей книжѣ о «владѣльческихъ и земельныхъ привилегіяхъ въ Пруссіи». Онъ прекрасно перевелъ, напр., «10 лѣтъ» Луи Бланы, причемъ онъ слово «Dieu» каждый разъ переводилъ словомъ „Vergnigung“, и, несмотря на быструю работу, былъ прекраснымъ стилистомъ: его переводъ мемуаровъ Казанова до сихъ поръ считается лучшимъ.

Буль былъ уроженцемъ Берлина, родился онъ въ 1814 году. Когда онъ не отбывалъ тюремнаго заключенія (послѣднее съ нимъ случалось часто, благодаря то статьямъ, то ироническому привѣтствию по адресу полиціи, причемъ

сидѣлъ онъ то 3 недѣли, то 3 мѣсяца, а разъ даже годъ) его всегда можно было видѣть у Гиппеля, гдѣ онъ былъ самымъ вѣрнымъ и самымъ шумнымъ посѣтителемъ.

Къ постояннымъ гостямъ Гиппеля принадлежалъ также литераторъ, докторъ Эдуардъ Мейенъ, который родился въ Берлинѣ въ 1812 г., изучаль тамъ же и въ Гейдельбергѣ философию и филологію и впослѣдствіи, посвятивъ себя исключительно литературной дѣятельности, былъ ревностнѣйшимъ сотрудникомъ различныхъ газетъ, редактировалъ «Литературную газету», позднѣе „Атенеумъ“, но не оставилъ по себѣ ни одного оригинального труда. Мейенъ былъ, уважаемымъ, честнымъ журналистомъ. Какъ ядовито могло быть его перо, онъ показалъ въ 1840 г. въ своей полемической статьѣ, направленной противъ профессора Лео, «заглохшаго пѣтиста». Мейенъ былъ между прочимъ, дядей поэта Альфреда Мейснера.

Физически, если не духовно, всѣхъ превосходилъ журналистъ Фридрихъ Зась, уроженецъ Любека, кото-раго прозвывали за б-ти футовый ростъ «длиннымъ Засомъ». Это былъ способный журналистъ: онъ подъ долго неразоблаченнымъ псевдонимомъ Александра Зольтведеля написалъ брошюру, давшую первый толчекъ къ образованію германскаго флота. Нѣкоторое время онъ издавалъ журналъ «Кормчій». Его значительный трудъ, изданный въ 1846 г., посвященъ былъ описанію Берлина; сочиненіе это не безъ достопріятствъ, но показываетъ, какъ мало надо было автору потратить усилий, чтобы стать на уровень развитія его друзей у Гиппеля. Но не это сочиненіе осталось въ памяти современниковъ: этой участіи удостоились его удачныя уличныя пѣсни, напр., пѣсни о бургомистрѣ Чехѣ и убийцѣ Кюнапфелѣ,

благодаря своему комизму и непринужденности. «Длинный Засъ» или, какъ его тоже звали, «Литерархосъ» былъ постояннымъ посѣтителемъ кофейни Штэли, и вѣль тѣсное знакомство со «свободомыслищими» для которыхъ онъ былъ мишенью шутокъ, какъ позднѣе и для «Кладерадатча».

Также журналистъ, но гораздо богаче одаренный, отчасти поэтъ, не безъ геніальныхъ порывовъ къ великому, былъ Германъ Маронъ. Изъ очень хорошей семьи, съ юности избалованный, безъ состоянія, которое позволило бы ему жить согласно его вкусамъ, онъ уже очень рано испыталъ разочарованія. Въ болѣе позднія времена, когда кружокъ уже началъ распадаться, онъ продолжалъ, повидимому, бывать у Гиппеля.

Нѣкоторое время усерднымъ посѣтителемъ погребка Гиппеля былъ, повидимому, также докторъ Артуръ Мюллеръ, редактировавшій въ 1848 г. журналъ «Вѣчный свѣтильникъ».

Кромѣ того, среди «свободомыслящихъ» бывалъ лейтенантъ Сенъ Поль. Его послали въ Кельнъ цензоромъ «Рейнской газеты», но онъ предпочелъ бывать по вечерамъ, по пріятельски, у ея редакторовъ. Когда она все-таки прекратилась, онъ вернулся въ Берлинъ. Онъ былъ самымъ экспансивнымъ изъ всего кружка, и его мало занимали тенденціи критики, которая только доставляла ему развлеченіе. Послѣднимъ изъ «идра» мы назовемъ Карла Фридриха Каппена. Онъ былъ учителемъ въ гимназіи и преподавалъ въ началѣ сороковыхъ годовъ въ старшихъ классахъ реального училища св. Доротеи. Долгіе годы ходилъ онъ къ Гиппелю, связанный узами дружбы съ главарями кружка. «Было бы невѣроятно, если бъ слабое эхо безумно геніальныхъ рѣчей, говорившихся на собраніяхъ, не звучало иногда

въ разговорахъ учителя съ учениками», говорить одиъ изъ его учениковъ, съ благодарностью вспоминая объ этомъ прекрасномъ, всѣми уважаемомъ человѣкѣ.

Коллега Кэпена, иѣкій Мусакъ, также часто бывалъ съ нимъ у Гиппеля, но о немъ, кромѣ его имени, ничего больше неизвѣстно.

* * *

Если мы теперь отъ этого «ядра» собраній у Гиппеля перейдемъ къ остальнымъ членамъ кружка, то слѣдуетъ отмѣтить что иѣкоторые изъ нихъ, по крайней мѣрѣ временами, такъ же часто, и даже чаще первыхъ, бывали у Гиппеля, и потому заслуживали бы, какъ и выше перечисленные, болѣе обстоятельной характеристики. Но ихъ имена, или не такъ часто, упоминались, или же они не возбуждали въ такой мѣрѣ къ себѣ интереса, какъ перечисленные уже члены кружка.

Периферія кружка—почти необозримая толпа... Было бы напраснымъ трудомъ даже попытаться выяснитъ, когда, какъ часто и сколько времени каждый изъ этой пестрой толпы бывалъ у Гиппеля. Вотъ одинъ, который, быть можетъ, былъ лишь два раза, чтобы затѣмъ на всегда исчезнуть; у другого прошли годы между первымъ и послѣднимъ посѣщеніемъ; третій короткое время правильно приходилъ, такъ правильно, какъ никто; четвертый, приходилъ, когда ему угодно было... И все они приходять и уходятъ въ теченіе долгихъ 10-ти лѣтъ!..

Поэтому почти невозможно дать иѣчто большее, нежели простой перечень именъ.

Чтобы иѣсколько облегчить обзоръ ихъ, имена эти были, насколько возможно, разбиты на группы; благодаря этому, можно было прослѣдить, какъ члены одной группы, какъ напр. группы Ритли переходили къ другой группѣ—«свободомыслящихъ», или какъ отъ «свободомыслящихъ» откололась самостоятельная группа, образовавшая ферейнъ «Свободной Торговли». Точно также то, что позднѣе изъ материальныхъ соображеній дѣлалось сообща, называлось общимъ именемъ, какъ напримѣръ, основаніе газеты. Что при этомъ случайному перечисленіи многихъ именъ, не имѣлась въ виду какая либо «классификація», конечно, лишнее и говорить.

Упомянуто о нихъ будетъ лишь вкратцѣ, и на нихъ обращается второстепенное вниманіе. О большинствѣ изъ нихъ въ дальнѣйшемъ будетъ сказано гораздо больше. На всѣхъ даже мимолетное посѣщеніе «свободомыслящихъ» оставляло извѣстный отпечатокъ, и лишь у немногихъ исчезалъ онъ съ теченіемъ времени совершенно. Немногіе остались еще живы: одни умерли въ нищетѣ и неизвѣстности, другие достигли кое чего и добились «почестей и чиновъ». Но всѣ они разошлись и разсѣялись по свѣту, и только немногіе изъ оставшихся въ живыхъ сохранили еще связи другъ съ другомъ.

Наиболѣе обильно было число журналистовъ, посѣявшихъ Гиппеля. Они состояли частью изъ завсегдатаевъ кондитерской Штэли, каждый день засѣдавшихъ въ ея знаменитой «красной комнатѣ», частью, изъ людей не имѣвшихъ опредѣленныхъ радикальныхъ политическихъ убѣждений и ходившихъ туда просто изъ любопытства.

Одинъ изъ способнѣйшихъ и, безъ сомнѣнія, энер-

гичнѣйшій изъ нихъ, хотя и не игравшій соотвѣтствующей роли, былъ Густавъ Юліусъ, умершій такимъ молодымъ въ Лондонѣ,—основатель «*Berliner Zeitungshalle*», куда такъ охотно ходили въ годы революціи,—и такъ часто упоминавшейся въ исторіи того времени читальни на Жандармскомъ рынкѣ.

Затѣмъ идутъ: докторъ Карль Науверкъ, тихій и прилежный консервативный приватъ-доцентъ университета, авторъ статьи «Объ участіи въ государствѣ», Гвидо Вейсъ—поздише основатель журнала «*Wage*»; Адольфъ Штрекфусь, принявшій активное участіе въ революціи; Федоръ Вель, редакторъ журнала «*Wespen*»; Максъ Конгеймъ, молодой журналистъ; Альбертъ Френкель, одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ «*Gartenlaube*»; Адольфъ Вольфъ, по прозванию «черный Вольфъ»,—его звали также Шенфлисъ,—авторъ «Хроники революціи»; Людвигъ Кеппе изъ Дессау, братъ бывшаго ангальтскаго министра; Юнгницъ, сотрудникъ Бруно Баэура въ его «Замѣчаніяхъ къ исторіи новаго времени»; Юліусъ Левенбергъ, позже сотрудникъ «*Vossische Zeitung*»; и, наконецъ, Г. Вахенгаузенъ, авторъ обращенія «Къ немецкимъ студентамъ».

Кромѣ журналистовъ, у Гиппеля можно было видѣть много поэтовъ, приносившихъ воодушевленіе и черпавшихъ его въ вѣчно воодушевленномъ кружкѣ. Всѣ они были увлечены горячкой тѣхъ дней и принимали живое участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, занимавшихъ людей того времени. Тамъ бывалъ Рудольфъ Готшаль, который, изгнанный изъ Кенигсберга за своихъ «Бѣглецовъ отъ цензуры» и «Ульриха - фонъ - Гутена»,—отбывалъ въ 1844 г. свой годъ военной службы въ Берлинѣ—въ гвардіи; нѣсколько ранѣе, въ 1843 г., бывалъ имѣвшій

уже 24-хъ лѣтъ отъ роду, степень доктора, Вильгельмъ Гордонъ, пѣвшій здѣсь свои первыя пѣсни о «Пушки и колоколѣ» и наблюдавшій здѣсь дѣйствующихъ лицъ для своихъ «*Demiurgos*»; Карль Бэкъ, геніальный пѣвецъ «Ночей», который уже издалъ свое «Собраніе стихотвореній», замѣченіе всѣми въ Берлинѣ; молодой, въ настоящее время забытый поэтъ, Отто-фонъ-Венкстернъ, который учился въ Бонѣ; наконецъ, теперь совершенно забытый Рейнгольдъ Зольгеръ, талантливый авторъ, къ сожалѣнію, неоконченного «Ганса фонъ Кацебингенъ», отправившійся съ Конштомъ въ Америку и тамъ умершій.

Среди поэтовъ слѣдуетъ упомянуть и о И. Л. Клейнѣ—драматургѣ и издателѣ «*Modenspiegel*», (какъ разъ въ то время выпала въ свѣтъ его «*Zenobia*»), и, наконецъ обѣ еще интересной личности — Альбертъ Дулькѣ — авторѣ драматического стихотворенія «*Orla*».

Нѣкоторые изъ членовъ «свободомыслящихъ» принадлежали и къ другимъ кружкамъ или основывали таковые между собой, найдя, при болѣе близкомъ знакомствѣ другъ съ другомъ, общіе для себя интересы.

Изъ «Ритли»—литературно-научнаго ферейна, упражнявшагося въ то же время усердно въ «возвышенныхъ глупостяхъ»,—постоянно переходили молодые, одаренные люди къ «свободомыслящимъ», гдѣ они выступали въ качествѣ весьма желанныхъ гастролеровъ или надолго примыкали къ этому кружку. Назовемъ Титуса Ульриха—молодаго автора «Пѣсни пѣсней»; музыкального критика и юмориста Эриста Коссака; Генриха Ульке, съ юношескимъ воодушевленіемъ воспринимавшаго каждую новую идею свободы.

Посыщениа этихъ членовъ ферейна «Ритли» относятся къ 1844—46 гг.

Частью вышедшіе изъ союза «Ритли, позднѣйшіе основатели и сотрудники «Кладерадатча»—были также, болѣе или менѣе, усердными посѣтителями Гиппеля. Прежде всего,—Давидъ Калишъ, дѣйствительный отецъ «Кладерадатча» и «Berliner Posse», пользовавшійся большой популярностью у «свободомыслящихъ» за свое остроуміе и сумѣвшій изъ ихъ рѣзкой критики извлечь кое-какую пользу.

Затѣмъ, его родственники: Рудольфъ Левенштейнъ, мнемонистъ и авторъ чудныхъ дѣтскихъ пѣсенъ, и Эрнестъ Домъ, посѣщавшій Гиппеля лишь въ позднѣйшіе годы, ставши въ 1849 г., по возрожденіи «Кладерадатча», во главѣ его. Наконецъ, позднѣйшій иллюстраторъ этого журнала, карикатуристъ берлинской жизни, Вильгельмъ Шольцъ, заходившій туда, впрочемъ, лишь нѣсколько разъ.

Къ слѣдующей группѣ можно отнести тѣхъ, которые объединились въ «союзъ свободной торговли», благодаря связавшей ихъ общей идеѣ.

Между ними на первомъ планѣ стоить Юлій Фаухнеръ, котораго слѣдуетъ даже отнести къ «ядру», такъ какъ онъ долгое время былъ постояннымъ и далеко не скучнымъ посѣтителемъ Гиппеля. Онъ родился въ 1820 г. въ одномъ изъ угловыхъ домовъ на перекресткѣ Фридрихштрассе и «Улицы подъ липами», въ Берлинѣ. Его отецъ принадлежалъ къ французской колоніи, къ потомкамъ прежнихъ эмигрантовъ. И въ самомъ Юліѣ было больше римскаго, нежели германскаго. Это былъ человѣкъ яснаго, мѣткаго ума, мягкаго юмора и кипучей живости,—натура въ высшей степени одаренная, явившаяся всегда и вездѣ душой общества.

Въ 1845 г. онъ женился на приемной дочери шапочника Зоммерброта—Каролинѣ; годъ спустя, онъ прѣѣхалъ изъ Берлина въ Штеттинъ, а оттуда, послѣ беспокойныхъ поѣздокъ съ агитационной цѣлью, обратно въ Берлинъ, гдѣ, послѣ революціи и сталъ издавать «Вечернюю Почту», одну изъ наиболѣе интересныхъ, радикальнѣйшихъ и интереснѣйшихъ газетъ, когда-либо существовавшихъ. Такъ какъ она со всѣхъ сторонъ атаковала самодержавный строй, то правительство, разумѣется, сумѣло сдѣлать ея существованіе невозможнымъ, и Фаухнеръ уѣхалъ въ Лондонъ, вмѣстѣ съ докторомъ Мейеномъ тоже принимавшимъ участіе въ газетѣ.

Къ «союзу свободной торговли», душою которой онъ былъ, принадлежали еще нѣкоторые изъ многихъ другихъ посѣтителей Гиппеля: литераторъ, д-ръ Бенцигъ, известный подъ псевдонимомъ Г. Бета, въ качествѣ позднѣйшаго, ревностнаго сотрудника «Gartenlaube»; «толстакъ» Штейнъ; Джонъ Принсъ-Смитъ, известный промышленникъ и д-ръ Виссъ, долгое время состоявший въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ главарями «свободомыслящихъ» у Гиппеля, начавший было вмѣстѣ съ Руге издавать «Реформу» и уѣхавшій затѣмъ въ Америку гдѣ онъ состоялъ редакторомъ американской гимнастической газеты до тѣхъ поръ, пока не вернулся въ Европу.

Затѣмъ слѣдуютъ соединившіеся позднѣе для изданія «Национальной Газеты» и для сотрудничества въ ней: прежде всего, д-ръ Фридрихъ Цабель, бывшій тогда еще учителемъ въ высшей школѣ, главный ея основатель и, позднѣе, руководитель; Отто Михаелисъ, промышленникъ и позднѣе основатель союза; Отто Вольфъ, уѣхавшій въ Штеттинъ въ качествѣ редактора; Теодоръ Мюнге, впервые выступившій на литературномъ поприщѣ,

какъ романистъ своимъ «Toussaint», и Адольфъ Рутенбергъ, старый членъ студенческой общины и врагъ всякаго философствованія, фельетонистъ, прѣхавшій изъ Кельна, послѣ закрытія тамошней «Рейнской Газеты».

Затѣмъ позднѣйшіе сотрудники «Национальной Газеты»: братья Адольфъ и Отто Гумпрахтъ изъ Эрфурта, одинъ—этнографъ, другой—музыкальный критикъ.

Приходили туда и были даже вначалѣ усердными посѣтителями кружка и соціалисты, пока ихъ дѣятельность не заставила ихъ покинуть Берлинъ, а столь ненавистная имъ «критика» не сдѣлала ихъ пребываніе въ кружкѣ невозможнымъ.

Такъ, въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ появляются здѣсь фигуры Карла Маркса и его друга Фридриха Энгельса, затѣмъ, романиста Эрнеста Дронке, автора книги о «Берлинѣ» и повѣстей «Изъ народа», который вскорѣ долженъ былъ бѣжать въ Англію изъ-за преслѣдованій полиціи.

Изъ другихъ лицъ, бывавшихъ у Гиннеля, въ качествѣ временныхъ посѣтителей, и увеличивавшихъ въ теченіе года, то чаще, то рѣже, количество гостей своимъ появлениемъ, заслуживающіе упоминанія слѣдующіе: Германъ Растеръ, тогда — еще молодой студентъ, позднѣе известный, редакторъ «Шипois Staatszeitung», въ Чикаго; Александръ Каппъ, тоже молодой студентъ-юристъ; „длинный забулдыга“, Иеронимъ Трунъ, учитель музыки, не признанный геній; архитекторъ Фраеслебенъ изъ Дессау, впослѣдствіи — одинъ изъ «латинскихъ крестьянъ» въ Техасѣ; Энно Зандеръ, принимавшій участіе въ баденскомъ восстаніи; В. фонъ-Нейманъ, его двоюродный братъ; эстетикъ Максъ Шаслеръ; книготорговцы Корнеліусъ и Твітмаеръ; В. Каспари; фонъ-Ферстеръ, умныи

діникъ; Вальтеръ Ропе, позднѣе пасторъ; докторъ Густавъ Левенштейнъ; бургомистръ Церманъ, жившій позже въ Потсдамѣ; Максъ Шмітъ, молодой художникъ изъ Веймарі; баронъ фонъ-Гауди; Алківіадъ Фаухперъ, братъ Юлія, очень ограниченный умственно человѣкъ, каждый вечеръ напивавшійся до безчувствія.

Назовемъ еще нѣсколькихъ имёнъ, безо всякихъ къ нимъ примѣчаній: нѣкій фонъ-Лейтнеръ изъ Австріи, юристъ Нерпстъ, Карлъ Нобакъ, и нѣкій Вальдекъ,—но не прославившійся своимъ процессомъ старшій совѣтникъ палаты.

Въ революціонное время много новыхъ лицъ появлялось въ кружкѣ «свободомыслящихъ»; знатоку исторіи того времени иные, пожалуй, показались бы знакомыми, но ихъ образы исчезали такъ же быстро, какъ появлялись, а мы и безъ того уже назвали много имёнъ.

Но, спросятъ нась, бывали же и женщины у «Гиннеля»? Разумѣется, и мы видимъ ихъ сидящими не принужденно, безъ жеманства, за столомъ, среди шумной компаніи, требующей отъ нихъ ума и такого же мужества, какъ отъ каждого другого посѣтителя, когда приходилось, безъ всякой сентиментальности обсуждать какой-нибудь животрепещущій вопросъ.

Къ сожалѣнію, кромѣ одной, о которой намъ еще придется много говорить, мы знаемъ только немногихъ. Была тутъ жена д-ра Висса, демократка съ головы до ногъ; какая-то замужняя дама, по прозвищу «актриса», имя которой тщетно разыскивалось, и Каролина Зоммербродтъ, жена Раухнера. Многіе мужчины приводили съ собой своихъ возлюбленныхъ, такъ напримѣръ, Буль—свою подругу, известную подъ насмѣшливой кличкой «Мирабо». Наконецъ, назовемъ еще Луизу Астонъ. Она была одной

изъ оригинальныхъ фигуръ того времени. Одаренная сильнымъ страстнымъ темпераментомъ, она очень молодой вышла замужъ за англичанина и вскорѣ развелась съ нимъ; о ней много говорили уже до ея прѣзда въ Берлинъ. Ея привлекательная внѣшность и умѣніе одѣваться, — при чёмъ она часто облекалась въ мужской костюмъ, — ея непринужденная, и умѣлая манера держать себя и здѣсь обратила на нее вниманіе многихъ. Въ 1846 году, когда ее выселили за знакомство съ радикальными кругами, она проживала нѣкоторое время въ окрестностяхъ Берлина и лишь позднѣе опять вернулась въ столицу.

Впрочемъ, она рѣдко появлялась среди «свободомыслящихъ». Ея сочиненія особеннаго значенія не представляютъ и мало говорятъ объ оригинальности ея личности, которая кажется, больше проявлялась въ ея внѣшнихъ чертахъ.

* * *

За «круглымъ столомъ» появлялись часто и такие гости, которые, проѣздомъ черезъ Берлинъ, заинтересованные славой «свободомыслящихъ», желали воочію убѣдиться въ справедливости слуховъ и лично познакомиться съ той или другой знаменитостью. Сохранились свѣдѣнія о трехъ такихъ случайныхъ посѣщеніяхъ известныхъ личностей, но, къ сожалѣнію, надо сказать, что, ни одна изъ этихъ трехъ величинъ не выдерживала даже въ теченіе одного вечера пребыванія среди «слишкомъ свободныхъ» для нихъ, — и быстро улетучивалась.

Однимъ изъ такихъ любопытныхъ былъ Арнольдъ Руге. Онъ явился однажды вечеромъ, въ началѣ ноября 1842 г., съ издателемъ Отто Вигандомъ изъ Лейпцига и со своимъ братомъ Людвигомъ, жившимъ близъ Валь-

бурга, на Почтовой улицѣ. Ему хотѣлось встрѣтиться, лицомъ къ лицу, съ людьми, съ которыми онъ, какъ издатель «Hallische Jahrbücher», уже такъ давно былъ въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ. Онъ засталъ все общество въ сборѣ. Объ этомъ посѣщеніи Людвигъ Руге впослѣдствіи рассказывалъ: «вначалѣ было довольно мирно, и Арнольдъ служилъ центромъ разговоровъ. Мало по маду, чѣмъкоторые освобождались отъ филистерской натянутости. Руге обсуждалъ съ Бауэромъ, Науверкомъ и Кашнеромъ проектъ «Вольного университета», — при тогдашихъ условіяхъ, вещь невозможную. Больѣе молодымъ, вначалѣ молча слушавшимъ, это надоѣло; они стали возражать и впали въ свой обычный тонъ. Свобода настроенія дошла до разнуданности. Арнольдъ сидѣлъ безмолвный и мрачный, словно окаменѣвшій. Гроза должна была разразиться, потому что въ немъ все кипѣло. Вдругъ онъ поднялся и воскликнулъ громкимъ голосомъ.

«Вы хотите быть свободными и сами не замѣчаете, что пошли вязнете въ смрадной лужѣ. Грязью не освобождаютъ ни людей, ни народовъ. Очистите себя прежде самихъ, а потомъ толкуйте о великихъ задачахъ!» Надменный человѣкъ, чрезвычайно переопѣненное умственное развитіе котораго не соответствовало его видѣнію въ то время, ушелъ съ тѣмъ, чтобы никогда больше не возвращаться. Разумѣется, взрывъ негодованія этого проповѣдника въ пустынѣ возбудилъ лишь чрезвычайное оживленіе у оставшихся, и легко понять всю горечь, излившуюся потомъ на «свободомыслящихъ» со стороны человѣка, оскорблennаго въ своихъ святыхъ чувствахъ. Если этотъ незначительный эпизодъ и не былъ раздути во «всеобщую городскую газету», то всетаки онъ способствовалъ лишенію «свободомыслящихъ» со стороны человѣка, оскорблennаго въ своихъ святыхъ чувствахъ.

бодомыслящихъ» доброй славы, тѣмъ болѣе, что они сами, разумѣется, и не считали нужнымъ реабилитироваться. Арнольдъ Руге, однако, былъ увѣренъ, что этотъ инцидентъ вызвалъ расколъ въ кружкѣ.

Второй посѣтитель держалъ себя менѣе глупо, нежели Руге; онъ просто молча ушелъ, недовольный тѣмъ, что вокругъ него происходило. Это былъ Георгъ Гервегъ, авторъ «Gedichte eines Lebendigen», который, во время своего тріумфального путешествія по Германіи, въ 1842 г., попалъ также въ Берлинъ, гдѣ онъ хорошо былъ принятъ королемъ, хотя его стихотворенія, незадолго передъ тѣмъ, были запрещены въ Пруссіи. Онъ оставался у «свободомыслящихъ» лишь недолгое время, читалъ, по желанію, нѣкоторые изъ своихъ стихотвореній съ обычнымъ увлеченіемъ, и затѣмъ уѣхалъ. Въ своемъ отзывѣ о кружкѣ, онъ говорить о его «polissonirie», находясь, очевидно, сильно подъ вліяніемъ Руге, который говоритъ, что Гервегъ даже сочинилъ стихи на ихъ «распущенность».

Во всякомъ случаѣ, молодой, прославленный, въ то время уже довольно таки избалованный поэтъ чувствовалъ себя не особенно хорошо среди откровенныхъ критиковъ.

Потомъ говорили, будто «свободомыслящіе» хотѣли воспользоваться пощеніемъ Гервега въ демонстративныхъ цѣляхъ: повсюду велись горячіе споры о томъ, былъ ли вообще среди нихъ поэтъ, или нѣтъ, и существованіе ихъ снова сдѣлалось прочнымъ. «Свободомыслящіе» были, какъ потомъ выразился однажды Бруно Бауэръ, призракомъ 1842 года; и онъ правъ, когда говорить, что Гервегъ долженъ былъ бы изучить ихъ лучше, чѣмъ онъ это сдѣлалъ, чтобы имѣть право такъ судить о нихъ.

Третій посѣтитель, проведшій у нихъ такъ же лишь единственный вечеръ, былъ гораздо менѣе известный поэтъ, Гофманъ фонъ Фаллерслебенъ. Бреславльскій профессоръ въ отставкѣ, онъ, какъ странствующій бардъ, обѣжалъ нѣмецкія провинціи и въ 1844 году попалъ также въ Берлинъ. Чести и этого посѣщенія удостоился опять таки не Гиппель, а «кабачекъ на Почтовой улицѣ».

Гофманъ утверждаетъ, что оба Бауэра находились въ «невмѣняемомъ состояніи», и что, слушая ихъ «грубыя и пошлые выраженія, онъ чувствовалъ себя такъ непріятно», что долженъ былъ удалиться. Такъ какъ уже первый упрекъ звучить въ его устахъ нѣсколько странно, то, безъ сомнѣнія, были еще и другія причины, способствовавшія удаленію важнаго риѳомоплета.

Но, какъ сказано выше, «свободомыслящіе» не обращали никакого вниманія на критику, направленную противъ нихъ; такая критика давала имъ только лишній поводъ посмѣяться.

* * *

Посѣщеніе такихъ гостей, какъ трое послѣднихъ, способствовало, повидимому, въ весьма значительной степени тому, что о «свободомыслящихъ» распространилась слава въ обществѣ, и притомъ, слава совсѣмъ нелестная, а въ прессѣ—надо, конечно, помнить въ какой прессѣ!—едва ли можно было встрѣтить хоть одно добре слово о «бандѣ Гиппеля».

Что при этомъ слѣдуетъ отнести на счетъ сенсаціи, мы увидимъ дальше. А пока мы спросимъ, какое, вообще говоря, дѣло публикѣ до поступковъ и поведенія частнаго общества?

Дѣло было такъ. Какой-то, очевидно досужій, корреспондентъ «Кенигсбергской Газеты» помѣстилъ въ ней,

въ началѣ іюня 1842 года большую статью, въ которой сообщалось о возникновеніи кружка, «цѣль котораго со-стоить въ томъ, чтобы возстановить знаменитые год-штейнскіе «филалеты» конца прошлаго столѣтія»: по-его словамъ, этотъ кружокъ носить теперь название «сво-бодомыслящихъ». «Затѣмъ этотъ корреспондентъ наболталъ приблизительно слѣдующее: подобно вышеупомянутымъ «филалетамъ», «свободомыслящіе» отвергаютъ библію и не даютъ, вмѣсто старыхъ традицій, никакого новаго символа вѣры, а восхваляютъ единственно лишь авто-номію духа; вообще-же, новый кружокъ во всѣхъ пун-тахъ сходится со старымъ, кроме отношенія къ госу-дарственной власти, рѣшивъ въ этомъ вопросѣ с самаго начала выступить болѣе рѣшительнымъ обра-зомъ; его члены должны публично отречься отъ церкви, чтобы пассивнымъ отношеніемъ не навлечь на себѣ подозрѣнія въ лицемѣрии и т. д.

Само собой разумѣется, что вся эта чепуха возникла либо въ головѣ голоднаго газетнаго писаки, либо бы-передана ему какимъ нибудь шутникомъ изъ Гишеля, чевъ и принята невѣждой за чистую монету.

Изъ Берлина стало известно и въ Кенигсбергѣ, ч въ «здѣшнихъ кругахъ» о «новомъ кружкѣ», вообще, ч чего не знаютъ.

Несмотря на это, «Франкфуртскій журналъ», въ св-очередь, далъ провести себя, и еще болѣе основательно. Въ статьѣ отъ 7 іюня былъ приведенъ даже якобы «св-воль вѣры» «свободомыслящихъ». Теперь, когда известны подлинные взгляды этого, столь радикального, общества, такой документъ кажется настолько безмыслиемъ, что приходится допустить, что здѣсь произошло какое грубое смѣщеніе или извращеніе. Ибо, если «Кенигсбе-

ская газета» пошлась на удочку какого то пройдохи, то «Франкфуртской» — были подсунуты, очевидно, обрывки какой то религіозной секты. Такъ, въ этомъ символѣ вѣры встрѣчаются такія, напримѣръ, выраженія: «вѣруемъ въ единаго всемогущаго, всевѣдущаго Бога, творца неба и земли, отца всѣхъ...» и въ концѣ: «мы празднуемъ съ фітской радостью въ честь единаго Бога..., да будетъ она милостивъ къ намъ, теперь и вѣчно».

Публика никогда не вѣрила серьезно въ существованіе этого кружка, и цѣли его были ей совершенно не ясны.

Все, что доходило до всеобщаго свѣдѣнія, ограничи-валось краткими замѣтками, разсчитанными, конечно, главнымъ образомъ, на то, чтобы нагнать на филистера ужасъ передъ безпутными намѣреніями этихъ отчаянныхъ людей и представить ихъ въ дѣйствительности такими, какими рисуются въ его воображеніи люди, «отрицаю-щие все святое, какъ божеское, такъ и человѣческое».

Такой роли «свободомыслящіе», какъ таковые, никогда не играли.

Если нѣкоторые члены этого кружка въ революціон-ное время принимали участіе въ движеніи, то они дѣ-лали это на свою отвѣтственность: общество до такой степени потеряло этотъ кружокъ изъ виду, что никогда не связывало съ нимъ этихъ именъ.

Кружокъ этотъ былъ бы въ настоящее время совсѣмъ забытъ, если бы воспоминанія о нѣкоторыхъ его членахъ, не вызывали и не поддерживали интереса къ мѣстамъ ихъ встречъ и пребыванія.

* * *

Что же происходило у Гишеля?

Дѣйствительно ли въ этомъ кружкѣ царилъ такой разнудзанный тонъ, какъ обѣ этомъ говорили, или всѣ

эти слухи въ значительной степени основывались на, болѣе или менѣе, преувеличеннѣхъ и предвзятыхъ сужденіяхъ?

Върнѣе всего, слѣдуетъ допустить послѣднее.

Прежде всего нужно замѣтить, что тонъ бывалъ весьма различенъ, въ зависимости отъ числа и интересовъ собравшихся.

Случалось и такъ, что гости, приходившіе къ Гиппелю, находили Бруно Бауэра, съ азартомъ играющимъ въ карты съ кѣмъ-нибудь изъ присутствовавшихъ, и это продолжалось по нѣсколько часовъ. Играли обыкновенно въ трефъ-маріажъ; изрѣдка можно было услышать какое-нибудь слово, и лишь изъ трубокъ поднимались густыя облака дыма, да, время отъ времени, кто-нибудь дѣлалъ замѣчаніе. И какъ приходилъ, такъ и уходилъ этотъ маленький, неуклюжій человѣкъ; его примѣру слѣдовали и другіе, которые также тихо весь вечеръ развлекались каждый по своему.

Посѣтители такого вечера съ изумленіемъ спрашивали: «и этимъ занимаются люди, отмѣченные печатью геніальности?—Да вѣдь это—настоящіе филистеры!»

Бывало, конечно, и иначе, въ особенности, когда среди собравшихся преобладала молодежь. Тогда длиннымъ столомъ не оставалось ни одного свободнаго мѣста, и вечеръ проходилъ въ оживленномъ, громкомъ разговорѣ: кто-нибудь дѣлалъ замѣчаніе, другому это замѣчаніе не нравилось,—онъ возражалъ, третій ему отвѣчалъ, и, такимъ образомъ, завязывался оживленный разговоръ. Подолгу никто не говорилъ, каждый старался выражаться короче. Лишь Бруно Бауэра, его обыкновенно, рѣзкую, тяжелую рѣчь, слушали нѣсколько дольше. Но всякий говорилъ то, что думалъ, ни о чёмъ

не умалчивалось, и всякий выражалъ свои мысли, не стѣсняясь формой выраженія. Нужно было лишь ясно обосновать высказываемую мысль.

Само собой разумѣется, что все подвергалось самой строгой критикѣ. Со многими вопросами кончали однимъ словомъ: «дрянь!» Не стѣснялись и еще болѣе сильныхъ выражений. Когда такой разговоръ, начатый на одномъ концѣ стола, захватывалъ все собраніе и становился все оживленіе и громче, тогда человѣкъ, попавшій случайно къ Гиппелю и сидѣвшій за соседнимъ столомъ,—человѣкъ, которому становилось нѣсколько не по себѣ отъ всѣхъ этихъ словъ гегелевской школы, изъ которыхъ онъ ни одного не понималъ,—могъ бы съ ужасомъ спросить себя, куда же онъ собственно попалъ?

Правда, нѣкоторые вечера проходили такъ весело, что о серьезнѣ разговорѣ тогда не могло быть и рѣчи; правда и то, что иногда одинъ старался перебить другого, рассказывая непристойности и циничные анекдоты; въ такихъ случаяхъ бывало нерѣдко, что Эдгаръ Бауэръ, какъ шаловливый школьнікъ, катался по полу, или Людвигъ Буль такъ далеко выходилъ за предѣлы приличія, что его поведеніе не могло найти для себя никакого оправданія.

Но нельзя сказать, чтобы эти вечера постоянно кончались такимъ образомъ. По большей части, они проходили весьма оживленно и непринужденно.

Друзья собирались въ погребкѣ, помѣщавшемся на Фридрихштрассе 94, въ подвалномъ этажѣ; войдя въ дверь и повернувъ направо, они попадали въ просторную неотдѣланную комнату, посерединѣ которой стоялъ длинный столъ; за этимъ столомъ они и располагались, гдѣ было свободное мѣсто, и гдѣ кому нравилось. Кто хо-

тѣль, толь принімалъ участіе въ разговорѣ, конечно не «представляясь»: часто можно было долго разговаривать съ кѣмъ нибудь и лишь потомъ случайно узнать, кто твой сосѣдъ; у кого же не было охоты говорить, толь молчалъ. Всѣдѣ за ними, входилъ туда Гиппель, всегда молчаливый, но всегда внимательный, становился въ свой уголъ и лишь наблюдалъ за своими гостями, подавая имъ то, что было нужно.

Въ тѣ тревожные годы никогда не бывало недостатка въ темахъ для разговора: беспощадная цензура, которая давала безчисленные поводы для освѣщенія господствовавшаго тогда произвола; все болѣе распространявшееся движеніе соціализма и ростъ его въ различныхъ странахъ; начинавшееся движеніе противъ евреевъ; религіозное и студенческое движеніе; личная, безпрерывная борьба съ авторитетами,—вотъ нѣкоторыя изъ этихъ темъ, не говоря уже о сотнѣ другихъ.

Пили, въ общемъ, умѣренно, и если бывали случаи опьяненія, то они составляли исключеніе; конечно, иной посторонній наблюдатель могъ усмотрѣть уже въ страстномъ оживленіи того или другого члена признаки опьяненія!

Но въ проказахъ и насмѣшкахъ нѣкоторые изъ «свободомыслящихъ» были неистощимы. Относились ли шутки къ случайно попавшему въ кружокъ постороннему гостю, добровольно предлагавшему себя въ качествѣ мишени, или носили общий характеръ, всегда высмѣивалась глупость и односторонность, причемъ участники перекрестной бесѣды не щадили и другъ друга.

Гиппель пользовался потому еще особыеннымъ расположениемъ «свободомыслящихъ», что ссужалъ ихъ часто деньгами. Когда же и его великодушно приходилъ ко-

чецъ, и онъ отказывалъ въ дальнѣйшемъ кредитъ, тогда «свободомыслящіе» сердились на него и направлялись «подъ липы», гдѣ они держали военный совѣтъ, приводившій обыкновенно къ неожиданному результату: рѣшили «стрѣлять» «подъ липами». Такая геніальная мысль появлялась, вѣроятно, прежде всего въ головѣ «Чернаго волка», и онъ первый приводилъ ее въ исполненіе. Какъ только онъ замѣчалъ человѣка, казавшагося ему подходящимъ для его цѣли, онъ направлялся къ нему, снималъ шляпу и съ покорнымъ видомъ говорилъ: «Могу я попросить у васъ бездѣлицу, хотя бы всего одинъ талеръ. Гиппель не даетъ больше, а мы очень хотѣли бы выпить еще по бокалу»...

Говорятъ, что въ первый вечеръ имъ особенно повезло: какъ разъ, однимъ изъ первыхъ былъ незнакомецъ, которому понравилась эта острота, и онъ отправился со всей компанией обратно къ Гиппелю, гдѣ просидѣли до разсвѣта и выпили не одну кружку пива. Въ первый вечеръ, говоримъ мы, ибо эта шутка совершенно серьезно повторялась нѣсколько разъ: всѣ расходились въ разныя стороны, уговаривались сойтись снова на углу какой-нибудь улицы и черезъ полчаса встрѣчались всѣ въ условномъ мѣстѣ, чтобы сосчитать, какова общая добыча; затѣмъ отправлялись въ какой-нибудь погребъ, чтобы тамъ при общей радости обмѣнять добычу на живительную влагу. Хотя и не всегда находился «пріятный незнакомецъ», все же удавалось собрать иной разъ до десяти талеровъ, и ужъ всегда хоть что-нибудь.

Лѣтомъ такие набѣги, часто при большомъ числѣ участникоіхъ, устраивались на «Шпандауеръ Бокъ», а также на Трептовъ и другія окрестности Берлина.

Въ исключительныхъ случаяхъ отправлялись въ Ке-

тень. Тамъ, по примѣру «свободомыслящихъ», образовался «союзъ посѣтителей погребовъ»; вечера у нихъ проходили еще болѣе беспорядочно, чѣмъ самые «оживленные» вечера у Гиппеля. Стоило появиться тамъ «свободомыслящимъ», какъ ихъ веселье доходило до высшихъ предѣловъ, и весь міръ опрокидывался «вверхъ дномъ», поскольку, конечно, это находилось въ ихъ власти; черезъ нѣсколько дней и ночей, въ теченіе которыхъ веселье не прекращалось, «свободомыслящіе» возвращались снова въ Берлинъ.

Такъ проводили время «свободомыслящіе»...

Мы поймемъ ихъ поступки правильно лишь въ томъ случаѣ, если не забудемъ объ одной вещи: всѣ эти люди жили въ полной надеждѣ на то, что въ скоромъ времени они вступаютъ въ царство свободы. А такъ какъ страстно желаемая свобода все не наступала, то поведеніе ихъ было такимъ, какимъ оно было въ годы мрака: порывистымъ, полнымъ причудъ и противорѣчий. Но этотъ кажущійся недостатокъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преимуществомъ этихъ юношески свѣжихъ людей; именно то и составляетъ наибольшую привлекательность этого общества, что настроеніе каждого члена въ любой моментъ могло выливаться въ непринужденной формѣ. Если они и не были дѣйствительно «свободными», то всѣ они искренно стремились къ тому, чтобы казаться такими...

* * *

Въ этомъ постоянномъ стремленіи къ свободѣ и заключается значеніе этого кружка. Никогда критикъ, матери всякаго прогресса, не придавалось такого значенія, какъ членами кружка въ то время; никогда она не была такъ неумолима и никогда раньше она не шла такъ

далеко, какъ тогда. Она налагала свое оружіе на такія понятія, которыя до тѣхъ порь считались незыблѣмо установленными. Ея честность была такъ же велика, какъ и неустранимость. Она была еще далека отъ конечной цѣли: то, что она пріобрѣтала, было не многимъ больше того, что она давала.

Но среди «свободомыслящихъ» былъ одинъ, который хотѣлъ всѣхъ ихъ возвысить до себя..

Мы знаемъ, какъ создалась плохая репутація «свободомыслящихъ», Слагодаря гостямъ, которые не могли играть въ этомъ, ничего не щадившемъ кружкѣ той роли, на какую они разсчитывали, и потому чувствовали себя какъ бы «отвергнутыми», а также благодаря тѣмъ, которые, вообще, не находили никакого смысла въ этой свободной, дерзкой и, зачастую, безудержной жизни и смотрѣли лишь на вѣшнюю, не всегда ровную поверхность этой жизни.

Объ этомъ кружкѣ существуетъ масса анекдотовъ, но всего рѣже можно услышать слово справедливой оцѣнки его значенія. И все-таки, многіе, можетъ быть, сотни людей, принимали въ немъ участіе, и каждый пережилъ въ немъ, хотя бы и немногіе, часы духовнаго подъема, слышалъ свободное, и потому хорошее, слово и уходилъ изъ него не бѣднѣе, чѣмъ пришелъ,—если даже говорить объ «идеалахъ».

Благодаря одной лишь внутренней притягательной силѣ, этотъ замѣчательный кружокъ продержался въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, богатаго кипучимъ содержаніемъ. Уже одно это говоритъ въ его пользу.

Онъ былъ хорошей школой строгой логичности и неустранимаго мышленія въ такое время, когда все старое, казалось, рушилось, уступая мѣсто новому. И когда

старое снова появлялось въ другой формѣ, все, приобрѣтное въ тѣ дни все-таки продолжало тихо и неизмѣтно развиваться, и въ новомъ видѣ оно становится уже нашимъ достояніемъ.

Поэтому, не будеть преувеличеніемъ, если мы скажемъ: едва ли въ исторіи какого-нибудь народа — не исключая даже эпохи французскихъ энциклопедистовъ — сходился кружокъ людей, столь значительный, радикальный и равнодушный къ тому, что о немъ говорилось, какъ кружокъ «свободомыслящихъ», собиравшійся у Гиппеля, въ Берлинѣ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Это былъ кружокъ, можетъ быть, не вполнѣ достойный, но и не недостойный человѣка, который былъ однимъ изъ вѣрѣйшихъ его членовъ и служилъ наиболѣшимъ для него украшеніемъ, — человѣка, благодаря которому онъ получилъ значеніе и интересъ для потомства; имя «свободомыслящихъ», наряду съ его именемъ, не будетъ забыто въ будущемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Имя Штирнера.—Выѣшній обликъ.—Личность и характеръ.—Штирнеръ среди «свободомыслящихъ».—Газетный корреспондентъ.—Первые литературныя работы.—Второй бракъ.—Исторія вѣничанія.—Марія Денгардъ.—Годы супружества.

Въ этомъ кругу «свободомыслящихъ» въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, встрѣчается фигура Макса Штирнера.

Максъ Штирнеръ,—такъ Іоганна Каспара Шмидта еще студентомъ звали его товариши, благодаря его необыкновенно высокому лбу (Stirn — лобъ), такъ онъ подписывалъ свои первыя, появившіяся въ печати, работы, такъ звали его въ кругу знакомыхъ, такъ онъ себя называлъ, и такъ онъ подписалъ свой трудъ, увѣковѣчившій его имя...

Штирнеръ,—такъ будемъ и мы называть его въ этой книгѣ.

* * *

Каковъ же былъ теперь Максъ Штирнеръ? Какова была его внѣшность? Какой былъ у него характеръ? Какія особенности? Словомъ,—что это былъ за человѣкъ? Вотъ вопросъ, къ которому до сихъ поръ нельзя было близко подойти, такъ какъ не было свидѣтелей, могущихъ дать

на него отвѣтъ; но теперь, когда Штирнеръ вступаетъ передъ нами въ «кругъ живыхъ», вопросъ этотъ долженъ быть нами внимательно и всесторонне разсмотрѣнъ.

Максъ Штирнеръ былъ человѣкъ средняго роста, скрѣе даже ниже средняго роста, стройный, худощавый: во внѣшности его ничего примѣчательнаго не было. Одѣвался онъ очень просто, но тщательно и съ безупречной опрятностью, и весь его скромный видъ говорилъ о человѣкѣ безъ всякихъ виѣшихъ претензій. Многіе называли его денди, но есть же, какъ мы знаемъ, люди, называющіе каждого мало-мальски прилично одѣтаго человѣка франтомъ, каковымъ Максъ Штирнеръ ужъ, конечно, не былъ. Онъ походилъ скрѣе на учителя средне-учебнаго заведенія, на преподавателя въ пансионѣ благородныхъ дѣвицъ. Впечатлѣніе это усиливалось еще серебряными очками, которыя онъ часто снималъ, причемъ, на переносицѣ его обозначался глубокій слѣдъ.

Халатность въ костюмѣ его никогда не замѣчалась, даже въ позднѣйшіе годы, когда онъ очутился одинокимъ, въ тискахъ нужды, и не обращалъ уже прежняго заботливаго вниманія на свою внѣшность.

Онъ носилъ короткіе бѣлокурые усы и баки, гладко бриль подбородокъ. Бѣлокурые, съ краснымъ отливомъ волосы обрамляли крѣпкій и выпуклый, необычайно высокій, выдающійся лобъ.

Изъ-за очковъ не мечтательно, не пронизывающе, а спокойно и кротко глядѣли на людей и на вещи свѣтлые, голубые глаза. Вокругъ красиваго, тонкаго рта часто играла привѣтливая улыбка, съ годами однако измѣнившаяся и выдававшая внутреннюю иронію; скрытую склонность къ насмѣшкѣ въ немъ подмѣчали, впрочемъ, многіе. Эта черта, толкуемая какъ озлобленіе

не обозначалась въ немъ еще рѣзко въ тѣ годы, когда онъ появлялся въ кругу «свободомыслящихъ», и ни въ какомъ случаѣ не проявилась когда-либо въ обидномъ для кого нибудь смыслѣ.

У него былъ довольно круглый носъ, рѣзко очерченный, и нѣсколько заостренный; такой-же энергичный подбородокъ. Особенно красивы были у Штирнера руки: бѣлые, выхоленные, тонкія, «аристократическая» руки...

Въ общемъ, весь его внѣшній обликъ былъ очень симпатиченъ,—самоувѣреный, спокойный, безъ торопливыхъ угловатыхъ движений, и пожалуй, даже съ нѣкоторымъ отпечаткомъ педантичности.

Какъ это ни прискорбно, но не существуетъ ни одного его портрета, который могъ-бы углубить, укрѣпить въ воображеніи его образъ.

* * *

Внѣшности Макса Штирнера вполнѣ соотвѣтствовали весь складъ его души и характера, основной чертою котораго было невозмутимое спокойствіе и сдержанность.

Ко всемъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться, онъ относился съ одинаковой безусловной любезностью, никогда не поддавался чувству раздраженія, гнѣва; единственное, сохранившееся письмо, писанное его рукой, хотя и очень краткое, говорить все-же достаточно о его предупредительности. Ненавязчивый ни на словахъ, ни въ дѣйствіяхъ, не кичливый, не тщеславный, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и симпатіей, и ни разу не было случая, чтобы онъ кого-либо въ чемъ нибудь упрекнулъ, или сказалъ что-нибудь недоброжелательное за «спиной ближняго», что свидѣтельствуетъ

о душевномъ изяществѣ,—качество, на которое очень немногіе могутъ претендовать.

И у Штирнера не было ни одного личнаго врага. Такъ какъ онъ всей своей жизнью и личностью не наршивался на чье либо участіе и ни съ кѣмъ особынно не сближался, то избѣгъ этой участіи.

Но не имѣя ни одного врага, онъ не имѣлъ также ни одного близкаго друга. При его изысканности, всякая фамильярность, также какъ сентиментальная изліянія юношеской дружбы, должны были казаться ему чѣмъ-то ужаснымъ, а въ позднѣйшіе годы онъ, очевидно, не нуждался въ повѣренномъ для того, что самостоительно и монтило созрѣвало въ его душѣ.

Самое лучшее и глубокое онъ, однако, съ ошеломляющей чистосердечностью высказалъ; но не къ окружающимъ, не къ близкимъ онъ обратился со своимъ словомъ, а къ тѣмъ, кого не зналъ и въ комъ все-же видѣлъ, быть можетъ, своихъ лучшихъ друзей...

Да и кто могъ-бы дать ему такую духовную дружбу, которой онъ не оставилъ-бы позади себя, на своемъ длинномъ пути?—Самыхъ передовыхъ людей своего времени онъ встрѣчалъ почти ежедневно, но всѣ они, въ большей или меньшей степени, оказались въ кругу тѣхъ интересовъ, которые подверглись его уничтожающей критикѣ. Кромѣ группы, «свободомыслящихъ», — у него никакихъ другихъ знакомствъ не было, и надо полагать, такъ какъ всѣ его личныя отношенія были непродолжительны, и никакихъ послѣствій не имѣли—что онъ никакихъ другихъ связей не завязывалъ и всю свою жизнь прошелъ одиноко,—такъ-же, какъ и его мысль.

Эта своеобразная замкнутность его характера отмѣчаетъ также и всю его частную жизнь. О немъ ничего

не знали,—о его средствахъ къ жизни, наклонностяхъ его радостяхъ и печалахъ. Онъ таилъ ихъ въ себѣ, никогда не говорилъ о нихъ, никогда ихъ не высказывалъ.

Во всемъ складѣ его характера была какая-то безмолвная уклончивость, предупреждавшая всякие назойливые, любопытные вопросы. Да и кромѣ того, каждый изъ членовъ кружка былъ такъ много занятъ собою!

Штирнеръ любилъ, повидимому, и дѣйствительно уважалъ очень немногихъ людей, и, вѣроятно,—не безъ основанія. Толпа была для него безразлична, какъ и всѣя интересы, и, онъ, вѣроятно, очень часто переживалъ чувство, о которомъ упоминаетъ, впрочемъ, одинъ только разъ: такое чувство, точно онъ находится въ домѣ умалишенныхъ, среди однихъ глупцовъ. Онъ выбралъ единственное, оставшееся ему средство: всячески избѣгалъ глупцовъ и игнорировалъ ихъ. Отсюда и его привѣтливое, но все же холодное спокойствіе, которое въ оживленномъ обмѣнѣ мыслей, правда, часто переходило въ нескрываемый интересъ къ предмету бесѣды, но ни когда не переступало границъ откровенности.

Штирнеръ, вѣроятно, былъ, въ сущности, въ высшей степени чуткой, тонкой натурой. Онъ сдѣлалъ однажды одному своему другу признаніе, столь рѣдкое въ его устахъ и столь характерное, что обойти его молчаніемъ невозможно. Онъ рассказалъ этому другу, что его жена однажды во снѣ безсознательно раскрылась, и съ тѣхъ поръ онъ не могъ болѣе прикоснуться къ ней.—Загадку, представляемую его сношеніями въ теченіе долгихъ лѣтъ съ грубоватымъ кружкомъ у Гиппеля, мы попытаемся разгадать позднѣе.

Его равнодушіе къ разнымъ мелочамъ, которые дру-

гихъ людей живо интересуютъ, часто объяснялось, какъ слабость, пассивность, какъ отсутствіе у него энергіи и силы сопротивленія. Что онъ совершенно не былъ приспособленъ къ шумной, раздражающей жизненной суетѣ и борьбѣ, такъ, чтобы всегда выходить изъ нея побѣдителемъ, что онъ часто пальцемъ о палецъ ударила не могъ, чтобы измѣнить ходъ вещей, и отъ грубыхъ требованій дѣйствительности уходилъ въ тишину внутренней жизни,—это не подлежать никакому сомнѣнію; онъ слѣдовалъ только влечению своей души. Что онъ былъ-бы счастливѣе, если-бы пошелъ противъ себя, такое предположеніе, въ отношеніи человека, глубже кого-бы то ни было проникшаго въ мотивы людскихъ поступковъ, во всякомъ случаѣ, нуждается въ доказательствахъ. Штирнеръ никогда не выпускалъ изъ своихъ рукъ узды своей жизни; но онъ часто ослаблялъ ее и представлялъ себя волѣ судьбы.

Этого безстрастнаго, по внѣшности, человека считали неспособнымъ на какую-либо страсть, и ничто не говорить за его способность увлекаться, если обойти молчаніемъ нѣкоторыя мѣста его произведенія. Быть можетъ, у него и не было страстей. Но во всякомъ случаѣ, въ немъ ничего не было грубаго и пошлаго.

У него не было страстей, не было и честолюбія и тщеславія. Такъ какъ понятія людей о чести не были его взглядами, то и чувства ихъ не могли быть его чувствами. И если его честолюбіе не устремлено было на мелкія цѣли, то одинъ разъ за то онъ далъ ему такое огромное удовлетвореніе, какое немногимъ выпадаетъ на долю. Дешевые успѣхи дня его не прельщали, а одинъ его успѣхъ, огромный успѣхъ у потомства былъ обеспеченъ. И это онъ, конечно, зналъ.

Потребностей у него почти не было никакихъ. Умѣренный въ ъѣдѣ, питьѣ, онъ, повидимому, вполнѣ довольствовался простотой, въ которой былъ воспитанъ. Ц единственная роскошь, которую онъ позволялъ себѣ были хороши сигары: онъ много курилъ, почти весь день. Какъ «ничто» было положено имъ въ основу своего дѣла, такъ и сердце его ни къ чему не было привязано на столько, чтобы это могло его раздавить или лечь на него тяжкимъ гнетомъ,—ни къ людямъ, ни къ мелочамъ повседневной жизни. И если онъ ни одному человѣку не далъ счастья, то онъ никому никогда не причинилъ и малѣйшаго горя. Въ прежнія времена такого человека звали мудрецомъ.

Человѣкъ, созданный, какъ очень немногіе, чтобы быть свободнымъ среди свободныхъ, и осужденный на скованную жизнь среди господъ и рабовъ!—И все-же это былъ человекъ, гордый и увѣренный, какъ очень немногіе, рвавшій съ себя людскія цѣни, жившій среди людей, безъ презрѣнія и ненависти, но и безъ состраданія и любви, и постольку удовлетворявшій потребностямъ жизни, поскольку онъ ихъ признавалъ.

Таковъ передъ нами Штирнеръ, безъ внутренняго и внѣшняго противорѣчія, простой, ровный и великій, безъ тѣни наружной тревоги. Все, что живеть въ его произведеніи, живеть въ немъ: непоколебимое сознаніе того, что даетъ жизни глубокій смыслъ.

Онъ не возбуждаетъ пламенной любви и благоговѣнія. Но кто любить свободу, долженъ полюбить и человека, который, слѣдуя ея законамъ и такъ проявляя себя, какъ это дѣлалъ Штирнеръ, встаетъ передъ нами тѣмъ симпатичнымъ образомъ, какимъ онъ является среди другихъ современниковъ.

Когда, именно, Штирнеръ вступилъ въ кружокъ «свободомыслящихъ», съ полной точностью едва-ли можно сказать, но, судя по тому, что онъ не зналъ Карла Маркса, бывавшаго также у Гиппеля и въ началѣ 1841 года уѣхавшаго изъ Берлина, это было очевидно въ половинѣ или въ концѣ того-же года.

Во всякомъ случаѣ, онъ бывалъ уже на постоянныхъ собрaniяхъ у Вальбурга, на Почтовой, и потомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ былъ аккуратнѣйшимъ посѣтителемъ „гиппельскаго“ кружка.

Принадлежалъ онъ, конечно, къ «ядру»; съ Бауэрами,—особенно съ Бруно,—Булемъ, Мейеномъ, Энгельсомъ, Муссакомъ и другими, онъ былъ знакомъ хорошо и, съ большинствомъ изъ нихъ, даже на «ты».

Особенно друженъ онъ былъ, повидимому, съ Кеппеномъ и Германомъ Марономъ; и также съ Артуромъ Мюллеромъ.

Но близкой дружбы у Штирнера, какъ мы уже говорили, не было ни съ кѣмъ.

Какимъ образомъ онъ встрѣтился впервые съ кружкомъ, тоже съ точностью сказать нельзя. Произошло-ли это черезъ Бруно Бауэра, котораго онъ зналъ еще студентомъ, такъ какъ и тотъ въ 1837 году сидѣлъ у ногъ Гегеля и молился на него?—Привели-ли за собой первыя его работы болѣе близкое знакомство съ кружкомъ, или, скорѣе, нѣкоторые талантливые люди побудили его взяться за перо и сотрудничать въ тѣхъ-же газетахъ?

Достаточно сказать, что это-единственный кружокъ, въ который онъ вошелъ за всю свою жизнь; въ немъ онъ нашелъ необходимое ему общество, и на многихъ про-

изводило такое впечатлѣніе, что его болѣе привлекаетъ прямо общество это, само по себѣ, нежели духовное съ ними родство.

Послѣднее весьма вѣроятно, особенно если вспомнить, какъ онъ былъ щепетиленъ во вѣнчихъ своихъ отношеніяхъ. А въ этомъ кругу, какъ въ никакомъ другомъ, онъ могъ свободно встрѣчаться съ людьми, интересовавшими его своими взглядами.

Насколько, обыкновенно, и шумно, и суetливо бывало, обыкновенно, у Гиппеля, настолько же скроменъ и сдержанъ бывалъ всегда Штирнеръ. Онъ очень рѣдко принималъ участіе въ страстныхъ спорахъ и никогда въ скабрезныхъ, разнужденныхъ разговорахъ, которыми они часто оканчивались. Никто никогда не слыхалъ отъ него какое-либо рѣзкое, грубое или пошлое слово, что у Гиппеля, именно, далеко не было рѣдкостью. Онъ сидѣлъ въ этомъ, вѣчно оживленномъ, кружкѣ, какъ человѣкъ, умѣющій пользоваться жизнью, спокойный, улыбающійся, пріятный, отъ времени до времени вставляя мѣткое замѣчаніе или шутку, показывавшія какъ онъ, слѣдя за дымомъ своей сигары, внимательно слѣдить, въ то же время, за ходомъ бесѣды.

Но онъ былъ далеко не молчаливый человѣкъ. На-противъ, онъ охотно бесѣдовалъ со своимъ случайнымъ сосѣдомъ, и этотъ часто имѣлъ возможность удивляться знаніямъ, которыя Штирнеръ обнаруживалъ въ каждой области. «Онъ неохотно философствуетъ», говорили одни. «Когда онъ философствуетъ, то уже, непремѣнно, о Фейербахѣ», говорили другие.

О себѣ Штирнеръ говорилъ неохотно, почти никогда, и всякое откровенничанье было ему чуждо. Большинство, не имѣвшіе понятія объ истинномъ значеніи его лич-

ности считали тихаго, простого, скромнаго Штирнера безбиднымъ, мало выдающимся человѣкомъ, не подозрѣвая, что таится въ немъ, и смотрѣли на него свысока до тѣхъ поръ, пока онъ уже позднѣе не приковалъ къ себѣ всеобщаго вниманія.

Въ сумасбродныхъ затѣяхъ у „свободомыслящихъ“ его имя не упоминалось, но онъ и на нихъ смотрѣлъ со своей обычной снисходительностью, какъ и на все, происходившее тамъ, потому что онъ никоимъ образомъ не могъ портить кому либо настроеніе. Напротивъ, онъ принимать даже самъ участіе въ лѣтнихъ прогулкахъ въ Шпандинеръ-Бокъ, въ Трентовъ и другія мѣста.

И вообще, онъ отнюдь не былъ необщителенъ и не брезгалъ часто выпить чашку самимъ сваренного кофе въ студенческой каморкѣ того или другого изъ своихъ юношескихъ почитателей. Сочельникъ 1847 года онъ провелъ у венгерскаго переводчика и писателя Кертбени, причемъ вечеръ закончился довольно продолжительнымъ дебошемъ. Не отказывался онъ и отъ другихъ приглашеній, съ присущей ему безкопечной любезностью, съ какой относился и ко всѣмъ своимъ посѣтителямъ, и всегда бывалъ вездѣ желаннымъ гостемъ,—не назойливый, не мѣшающій, обходительно-пріятный, охотно смиюющійся удачной шуткѣ, не являясь никогда центральной фигуры и не гоняясь за этимъ.

До 1846 года Штирнеръ былъ, впрочемъ, также аккуратнымъ посѣтителемъ знаменитой «красной компании» въ кофейнѣ Штелли, на Жандармскомъ рынке, гдѣ собирались въ то время всѣ беспокойныя, буйныя способныя головы берлинскаго газетнаго міра, и гдѣ онъ встрѣчалъ за кофе многихъ изъ тѣхъ, которыхъ въ тотъ же вечеръ встречалъ у Гиппеля.

Чаще всего, бывалъ онъ, однако, у Гиппеля. Здѣсь лежать нити, связывавшія его съ вѣнчнимъ міромъ, здѣсь видѣли его всѣ, вспоминавшіе о немъ позднѣе, здѣсь находилъ онъ людей, которыхъ «использовалъ», не причиняя имъ боли...

Таковъ былъ во вѣнчной жизни Максъ Штирнеръ въ то время, когда внутри его безпрестанно бродили мысли, съ которыми онъ боролся, пока не укротилъ ихъ и не одолѣлъ,—виначалъ лишь въ своихъ подготовительныхъ работахъ; таковъ же онъ былъ и позднѣе, оставаясь всегда вѣрнымъ самому себѣ.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, Штирнеръ корреспондировалъ изъ Берлина въ двухъ ежедневныхъ газетахъ, игравшихъ въ исторіи того времени огромную и громкую роль.

Первая была «Рейнская политическая, торгово-промышленная газета», издававшаяся съ 1-го июня 1842 года въ Кельнѣ молодымъ д-ромъ Карломъ Марксомъ,—самый рѣзкий и яркій органъ молодого радикализма того времени, который велъ отчаянную кампанію противъ, плановъ реакціи и, въ концѣ концовъ, бессильный бороться дальше противъ ея преслѣдованій, прекратился 31-го марта 1843 года, послѣ трехъ мѣсячнаго существованія. Газета эта возродилась лишь въ революціонный годъ въ видѣ «Рейнской газеты», и вскорѣ вновь была закрыта. Фрейлигратъ воспѣлъ ее въ своей знаменитой прощальной пѣснѣ, называя ее «гордымъ мятеjnымъ трупомъ»...

За какой подписью печатались корреспонденціи Штирнера разузнать не оказалось возможности. Вѣроятнѣе всего предположеніе, что онъ подписывался буквой, представляющей собою какъ бы соединеніе M и S,

встрѣчающейся и въ «Лейпцигской газетѣ», гдѣ Штирнеръ также сотрудничалъ, а также подъ статьями его, какъ берлинскаго корреспондента.

Но это предположеніе опровергается болѣе значительными фактами: одна статья, появившаяся за означенной подписью, «Отношеніе государственной власти къ представительствамъ подданныхъ» — разборъ книги директора берлинскаго статистического бюро, I. Гофмана, въ 200-мъ и 207-мъ номерахъ отъ 19-го и 29-го июля 1842 года,—правда, принадлежитъ, очевидно, Штирнеру. Но подъ другой, болѣе длинной статьей, печатавшейся въ десяти номерахъ, «Пересмотръ французскаго законодательства», кроме этой подписи имѣются еще инициалы автора C. St., которые, ни въ коемъ случаѣ, не указываютъ на Штирнера. Эту послѣднюю статью, впрочемъ, и по содержанію только съ большой осторожностью можно приписать Штирнеру.

Противорѣчить предположенію, относительно указанной подписи Штирнера, также и слѣдующее немаловажное обстоятельство: за этой подписью были напечатаны статьи о концертахъ въ пѣвческой академіи, о театральныхъ представленіяхъ, о гамбургскомъ пожарѣ и одна очень длинная статья о романѣ Сеальсфильда; а приписать все это Штирнеру болѣе чѣмъ невѣроятно. Врядъ ли также принадлежитъ перу Штирнера и другая обстоятельная статья, за этой подписью, «О периодической литературѣ въ великомъ герцогствѣ гессенскомъ», не говоря уже о томъ, что статья эта прислана изъ Гессена, а Штирнеръ въ то время находился въ Берлинѣ.

Съ такимъ же вѣроятіемъ, можно приписать Штирнеру знакъ Ш, если не придавать значенія повторенію

этого знака въ «Лейпцигской газетѣ» и считаться исключительно съ содержаніемъ, но и здѣсь нѣть ничего безусловно доказанного: за этой подписью имѣются многочисленныя, большей частью, краткія берлинскія корреспонденціи политическаго и злободневнаго характера, между прочимъ, и о прошумѣвшей въ то время карикатурѣ пѣменскаго Михеля (которая, скажемъ кстати, даже Штирнера вывела изъ его обычной невозмутимости), обзоръ журнала «Патріотъ», даже замѣтка о кружкѣ «свободомыслящихъ», но среди нихъ не было ни одной, которая не могла бы, съ такимъ же вѣроятіемъ, быть приписана какому либо другому изъ остроумныхъ и бойкихъ журналистовъ гиппельскаго кружка или «красной комнаты» въ кофейнѣ Штелли.

Вторая газета, въ которой корреспондировалъ Штирнеръ, была „Leipziger Allgemeine Zeitung“. Основанная Брокгаузомъ въ 1837 году, она поставила своей цѣлью, предоставить всѣмъ сѣвернымъ партіямъ возможность высказывать свои мнѣнія. Въ Пруссіи она читалась съ трепетомъ, страхомъ и жадностью, достигла вскорѣ широкаго вліянія и, съ неслыханной дотолѣ смѣлостью, критиковала тамошнее положеніе вещей. Составъ ея соудниковъ въ Берлинѣ состоялъ, большей частью, изъ сотрудниковъ „Рейнской газеты“.

Упомянутая выше подпись, состоявшая изъ комбинаціи буквъ M. и S, встрѣчается здѣсь впервые 22-го января 1842 года, подъ одной берлинской корреспонденціей, и затѣмъ въ теченіе всего 1842 года, вплоть до конца марта 1843 г., когда газета была закрыта и, на слѣдующій же день, вышла опять, подъ другимъ названіемъ «Deutsche Allgemeine Zeitung». Появлявшіяся за упомянутой подписью сообщенія, принадле-

жавшія несомнѣнно одному и тому же перу, касались преимущественно новыхъ законовъ и указовъ, министерскихъ рескриптовъ, цензурныхъ постановлений, и проч.: въ ихъ краткомъ, сжатомъ содѣржаніи нѣтъ ничего такого, что говорило бы именно объ авторствѣ Штирнера, а не о чьемъ-либо иномъ.

Имя Штирнера ни разу не появлялось въ «Leipziger Allgemeine Zeitung», и врядъ ли хоть одна изъ казанныхъ подпись можетъ быть съ достовѣрностью ему приписана.

Мы не будемъ останавливаться дальше на тщетныхъ предположеніяхъ, требующихъ еще основательной пропѣрки и, оставивъ Штирнера-корреспондента, перейдемъ къ его болѣе значительнымъ первымъ литературнымъ работамъ, представляющимъ, какъ бы предвѣrie къ большому труду его жизни.

* * *

Первые литературные работы, съ которыми Максъ Штирнеръ выступилъ въ печати и которые подписаны были его псевдонимомъ, появились въ «Рейнской газетѣ» въ 1842 году. Ихъ было всего три, если не считать нѣсколько незначительныхъ фельетонныхъ статей.

Первая, обстоятельная и значительная работа Штирнера озаглавлена: «Ложный принципъ нашего воспитанія, или гуманизмъ и реализмъ», и появилась въ приложеніяхъ къ четыремъ нумерамъ,—100, 102, 104 и 109-му, отъ 10, 12, 14 и 19-го апрѣля. Какъ педагога, его должна была прельстить попытка развить въ наиболѣе близкой области свои идеи личной самоцѣнности индивида. «Школьный вопросъ—вопросъ жизни. Неужели мы—существа, которыхъ можно только дрессировать, или же мы можемъ стать творцами нашей позднѣйшей жизни?—такимъ вопросомъ начинаетъ онъ свои очерки, которые

связываетъ съ однимъ сочиненіемъ Теодора Гейнсіуса. Этотъ послѣдній пытается примирить оба крупныя, рѣзко враждебные другъ другу течения гуманизма и реализма на воспитательномъ принципѣ. Штирнеръ сохраняетъ тѣ же названія, хотя они и мало удовлетворяютъ его, и разбираетъ методы обоихъ направленій и ихъ выводовъ.

«Старая классическая культура гуманистовъ, дожившая до минувшаго столѣтія, и, развивавшаяся параллельно съ ней, другая культура, опиравшаяся, прежде всего, на знаніе библіи, были въ сущности лишь формулами, которые черпали свои соки изъ античнаго міра и въ видѣ результата, достигли лишь безодержательной изысканности.

Одновременно съ гуманистами въ эпоху реформаціи мы видимъ реалистическое теченіе, и, чѣмъ больше падаетъ авторитетъ первого, тѣмъ болѣе утверждается второе, доведшее до кульминаціонной точки идею человѣческихъ правъ: равенства и свободы. Какъ гуманистическое ученіе не могло отдѣлаться отъ формализма, такъ и реалистическое безсильно было выключить изъ своихъ рамокъ, «практическаго человѣка». Для того, чтобы не раздѣлить общей гибели, они должны были объединиться въ цѣляхъ эстетического ученія.

Но и въ этомъ случаѣ они оба погибнутъ. Воспитаніе довѣряется тому, кто представляетъ собою больше, нежели они оба,—не философу, съ которымъ умираетъ періодъ реформаціи, но тому новому принципу, благодаря которому на обломкахъ знанія вырастаетъ воля, потому чтоъ этому все и сводится: чтобы знаніе претворилось въ волю. За эпохой свободы мысли, наступить эпоха свободы

воли, и въ ней самостоятельные, свободные люди будущаго станутъ сознательными, а не только благоразумными людьми.

Въ настоящее время ищутъ не силу оппозиціи, а смиреніе, «полезныхъ гражданъ», а не самодѣятельныхъ индивидуумовъ. Что въ настоящее время даетъ еще реализмъ?—конечно, не ученыхъ, «а въ высшей степени культурныхъ, образованныхъ людей», «самодовольныхъ рабовладѣтелей и рабовъ», не свободныя, а лояльныя души, людей принциповъ, а не «принципіальныхъ людей».

Вѣчные характеры, вновь создающіеся въ вѣчномъ самообновленіи, тогда лишь будутъ возможны, когда все воспитаніе будетъ сведено къ одной цѣли: личность!

Когда знаніе будетъ не внушенное, а личность самостоятельно будетъ проявляться, когда будутъ культивироваться не только стремленія къ знанію, но и стремленія къ волѣ, когда ребенокъ будетъ учиться самому важному—самопознанію, тогда мы достигнемъ новой цѣли.

Неужели есть опасеніе что съ этимъ новымъ принципомъ погибнетъ власть?—Но «у цѣльного человѣка нѣтъ потребности власти». Вырождающееся въ дерзость прямодушіе ребенка разбьется о скалу «моей» собственной свободы.

Въ этомъ образованіи—всеобщемъ, ибо въ немъ объединяется низшій съ высшимъ,—мы впервые обрѣтаемъ всеобщее равенство, равенство свободныхъ людей: только свобода есть равенство.

Быть можетъ, намъ нужно новое имя для нового принципа. Хорошо, назовемъ тогда слѣдующихъ ему—*персоналистами*, и повторимъ еще разъ то, къ чему все это свѣдится: знаніе должно умереть, чтобы возродиться

вновь и, въ видѣ воли, ежедневно вновь создавать себя какъ свободную личность».

Такъ заканчивается изслѣдованіе о «ложномъ принципѣ нашего воспитанія», которое мы смѣло можемъ поставить на ряду съ «Единственнымъ». Здѣсь говорить уже съ совершенной ясностью великий мыслитель, со всей своей неотразимой отвагой и простотой, своимъ своеобразнымъ языкомъ. Оригинальный творецъ совершенно новыхъ точекъ зрѣнія, уже здѣсь онъ высказываетъ свои конечные задачи въ одной части той необозримой области, которую онъ позднѣе заключилъ своимъ трудомъ во всей ея шире. Съ какой величавой непринужденностью распоряжается онъ своимъ материаломъ, съ какой беспощадностью отбрасываетъ все, что стоитъ на его пути. Да, здѣсь чуть ли не ярче и увлекательнѣй звучитъ его призывъ къ самоутвержденію личности, нежели позднѣе, когда желѣзная логика часто сковываетъ слова.

Первая изъ его работъ, съ которой онъ выступилъ публично, всегда останется его самой значительной и удачной. Можно ли было удивляться, что человѣкъ, такъ глубоко и оригинально понимавшій принципъ воспитанія, не находить себѣ мѣста на каѳедрѣ душныхъ классовъ государственныхъ дисциплинарныхъ учрежденій?

Вторая значительная статья Штирнера въ «Рейнской газетѣ» появилась въ приложеніи къ № 165-ому, 14 июня, подъ названіемъ «Искусство и религія». Она вызвана была анонимнымъ трудомъ Бруно Бауэра, въ которомъ тотъ началъ свою скрытую борьбу противъ Гегеля, озаглавленномъ: «Ученіе Гегеля о религіи и искусствѣ, съ точки зрѣнія вѣры». Эта работа Штирнера—не большая, но представляетъ огромное значеніе. «Гегель, говорить

Штирнеръ, совершенно вѣрно отличаетъ искусство отъ религіи, потому что, съ воплощениемъ идеала въ словѣ ли, образѣ, въ представлениі, или въ иной художественной формѣ, совершаются развоеніе человѣка въ художникѣ: человѣкъ отдѣляется отъ самого себя,—въ немъ зарождается религія. Этотъ религіозный человѣкъ стоитъ предъ идеаломъ художника, какъ передъ своимъ вторымъ «я», передъ объектомъ, съ которымъ его разумъ находится въ вѣчной, радостной и мучительной борьбѣ, потому что религія—дѣло разума! Какъ геній художника можетъ развернуться только въ свободѣ, такъ религія доступна для каждого. И любовь ея, «самая суть религіи», въ сущности,—не что иное, какъ разумъ: это доказываетъ, напримѣръ, любовь ребенка къ своему «предмету», къ матери. Объектъ необходимъ для всякой любви. Но этотъ объектъ можетъ оставаться тайной и долженъ вѣчно обновлять свое обаяніе, чтобы не разсѣяться. И съ разумомъ произойдетъ то, что съ любовью: тайна превращаетъ дѣло разума въ дѣло сердца.

Поэтому искусство, создавшее этотъ объектъ, какъ идеаль, не должно стоять позади религіи, потому что религія имѣеть въ виду вновь поработить объектъ, который художникъ, всей силой и душевной полнотой своей, довелъ до величавой формулы: примирить Бога съ людьми, признать къ себѣ идеаль. Это ему никогда не удастся, его терзаютъ муки вѣчной тоски—каждый новый геній искусства облагораживаетъ и обновляетъ старый объектъ новыми свѣжими формами, но искусство не только не освѣщаетъ его, оно постоянно отнимаетъ его у религіи. Оно силой требуетъ у нея свой объектъ и вѣчно съ ликованьемъ обновляетъ его. Поэтому, искусство стоитъ всегда въ концѣ каждой религіи для того, чтобы всегда вновь «создавать религію».

Философія чужда и искусству, и религіи; если одна изъ нихъ создаетъ объектъ, а другая опирается на себя самое, то философія кладетъ на обѣихъ свою «сокрушающую длань и полной грудью вдыхаетъ свободу». Она занята только собою, и ей нѣтъ никакого дѣла до объекта.

Она ищетъ только разума, т.-е. самое себя. Но довольно обѣ этомъ, потому что, говорить Штирнеръ, въ его планы на этотъ разъ вовсе не входитъ «разсужденіе о философіи».

Мы видимъ, какъ неразрывно связаны для него искусство и религія; несмотря на взаимную борьбу, одна создаетъ другую, и обѣ вѣчно, другъ въ другѣ, обновляются. Побѣда философіи—свобода означаетъ у Штирнера—гибель обѣихъ.

Что религія давно уже предчувствуетъ свою гибель доказываетъ ея такъ долго длящаяся отчаянная, смертельная борьба. О томъ, какую усталость испытываетъ искусство въ своемъ безконечномъ, истощающемъ ея силы состояніи, слишкомъ ясно говорятъ ея попытки самообновленія въ послѣднее время.

Когда оно освободится отъ вампира религіи, когда оно будетъ искать свои объекты не вѣ ся, а въ себѣ самъ, когда искусство, словомъ, станетъ жизнью,—тогда оно еще сможетъ себя спасти.

Исключительная способность Штирнера видѣть всѣ обстоятельства въ самой отдаленной перспективѣ, умѣніе отличать значительное отъ незначительного и пользоваться, однако, незначительнымъ для достиженія значительного, выступаетъ прежде всего и въ этой работѣ, которая несомнѣнно представляетъ больше цѣнности нежели все, что написано было по этому предмету Генрихомъ Штирнеромъ.

гелемъ и Бруно Бауэромъ, потому что одна фраза генія, глубоко понимающаго міръ и людей и ведущаго ихъ къ новымъ цѣлямъ, стоитъ больше, нежели безчесленныя усилія талантовъ, которые всепѣло отдаютъ себя жизни и людямъ, и бессильны освободить себя.

Третья статья Штирнера появилась въ приложениі къ 207 номеру, отъ 26-го іюля. Это—критика «Кенигсбергскихъ эскизовъ Карла Розенкранца». Уже передъ тѣмъ, 12-го мая въ 132 номерѣ, когда ему предложено было написать предисловіе къ имѣвшему появиться труду, Штирнеръ написалъ о немъ теплую, красивую статью. Когда, вслѣдъ за этимъ, вышла книга, онъ посвятилъ ей подробный, сочувственный разборъ. По его мнѣнію, его собственное пребываніе въ Кенигсбергѣ было слишкомъ непродолжительно, и съ тѣхъ порь прошло слишкомъ много времени — Штирнеръ, какъ намъ известно, былъ тамъ въ 1829 году—для того, чтобы онъ могъ должнымъ образомъ освѣтить автора своей критической статьей, но все-же онъ попытается это сдѣлать. Изложивъ иѣкоторыя мѣста книги, Штирнеръ останавливается на личности автора. Блестящимъ сравненіемъ, которое, обыкновенно, такъ удавалось ему, онъ указываетъ ему на его положеніе въ наши дни, въ дни идеинаго раскола, и выясняетъ его взгляды, выраженные въ разбираемой книжѣ, дѣлая это безъ всякой рѣзкости и стараясь иѣсколькими горькими истинами скорѣе пріохотить читателя къ чтенію ея, чѣмъ расхолодить его. Но Розенкранцъ, однако, остался недоволенъ критикой: въ своемъ дневникѣ онъ пишетъ, что освободившій путемъ «звѣздной магіи, какъ говорятъ цыгане, фразеръ, свой атеизмъ считаетъ, не болѣе, не менѣе, какъ философіей». И это потому, что Штирнеръ слишкомъ трезво отнесся къ его

эскизамъ и рѣзко указалъ ему на то, что онъ не принадлежитъ къ передовымъ людямъ современности. Розенкранцъ, повидимому, и почувствовалъ себя уязвленнымъ.

Остальные статьи, подписанныя именемъ Штирнера хотя не представляютъ особаго значенія, заслуживаютъ однако вниманія, благодаря своей самостоятельности. Обѣ напечатаны были въ видѣ фельетона, безъ заглавія. Первая статья, въ № 135-омъ написана по поводу одной читальни и цензурныхъ разрѣшений—«слово это, быть можетъ, наиболѣе мѣтко характеризуетъ тогдашнюю свободу печати»—и, главнымъ образомъ, обѣ одномъ «теологическомъ трудѣ», касавшемся положенія теологовъ въ нѣмецкихъ университетахъ.

Штирнеръ, впрочемъ, не разбираетъ обстоятельно затронутаго вопроса, такъ какъ этого не позволяютъ обстоятельства, не вступаетъ въ споръ съ авторомъ и заканчиваетъ замѣчаніемъ, что его краткая статья потому напечатана въ отечественной газетѣ, что она служить «доказательствомъ облегченного высочайшей волей страха предъ цензурой».

Вторая небольшая замѣтка напечатана въ № 158, отъ 7-го іюня, и разбираетъ выпущенную тѣмъ же книгоиздательствомъ брошюру «О юридическомъ факультетѣ Берлинскаго университета». Штирнеръ радуется благопріятнымъ результатамъ «свободы печати» и полагаетъ, что, если всѣ послѣдуютъ хорошему примѣру, то можно надѣяться, что «окоченѣвшая» столица не отстанетъ далеко отъ «быстроногой провинціи». Обстоятельного разбора онъ, впрочемъ, и обѣ этой брошюрѣ не даетъ, но присоединяется къ возраженію автора г-ну Савини относительно его положенія о «позднѣйшемъ

усвоені» юридического призванія, говорить, что, какъ данное положеніе, такъ и предыдущая «историческая» или вѣрнѣе, не-философская школа одинаково «механичны» и поэтому очень нуждаются въ предложенной авторомъ реформѣ факультета.

Кромѣ двухъ упомянутыхъ газетъ, Максъ Штирнеръ участвовалъ только въ одномъ еще периодическомъ изданіи. Въ 1844 году Людвигъ Буль выпустилъ въ Мангеймѣ «первый и единственный» выпускъ «Берлинского ежемѣсячника», небольшой томикъ въ 330 страницъ.

Происхожденіе этого маленькаго предпріятія настолько характерно для тогдашнихъ условій печати и цензуры, что мы считаемъ долгомъ посвятить ему нѣсколько строкъ. Въ срединѣ 1843 года издатель и редакторъ проектируемаго предпріятія представили въ цензуру программу и три статьи, назначенныхъ для первого номера, затѣмъ опять представили въ цензуру еще три статьи, но получили решительный отказъ, т.-е. печтанье было имъ запрещено. Поступившія въ главное управлениe по дѣламъ печати жалобы оставлены были безъ послѣдствія. Буль тогда напечаталъ первый и единственный томъ въ Мангеймѣ у Генриха Гоффа, на свой собственный счетъ. Книги въ размѣрѣ двадцати листовъ тамъ цензурѣ не подлежали... Онъ предположилъ своей книжкѣ обращеніе къ читателямъ, въ которомъ заявляетъ, что у него не было вовсе никакихъ иллюзій: «мы знали — говорить онъ, — что сила, опирающаяся на правительственную власть, не потерпитъ разлагающаго анализа всѣхъ существующихъ учрежденій, поэтому именно мы и поставили себѣ задачей подвергнуть критикѣ всѣ оплоты и благовидные предлоги власти: государство, законъ, право, законный порядокъ, законный ходъ чѣль. религію, націо-

нальность, патріотизмъ. Но чтобы все это, — продолжаетъ онъ говорить о своей программѣ, — чтобы все это могло совершилось на глазахъ власти, — мы, конечно, не могли высказатьсь вполнѣ откровенно! Если мы и не могли показать истинный обликъ государства и изобразить его, какъ воплощеніе неволи, мы все же достигли, полагаемъ, того же самаго результата, отмѣтивъ всѣ существующія государственные формы и конституціи, какъ несоответствующія понятію обѣ истинной всеобщей свободѣ».

Слова эти доказываютъ, какъ далеко шагнула въ то время критика. Она отважно подходила къ освященной вѣкамъ идеѣ государства. Въ программѣ, между прочимъ, говорилось: «мы намѣрены подвергнуть разбору всѣ основныя цѣли и задачи государства и самое понятіе государства»... Можно только глубоко пожалѣть, что предпріятіе не окрѣпло. Для нась отрадно, что сохранился, по крайней мѣрѣ, первый и единственный выпускъ журнала и, вмѣстѣ съ нимъ, обѣ статьи Штирнера.

Первая изъ двухъ статей, подписанная именемъ Штирнера, озаглавлена: «Бѣглыя замѣтки обѣ образцомъ государствѣ». Послушаемъ, прежде всего, сужденія мудрыхъ судей цензуры надъ ней. Согласно ихъ отзыву, «статья содержитъ въ введеніи сравненіе развивающей въ извѣстной статьѣ Штейна политической идеи о свободѣ и равенствѣ съ мыслями, лежащими въ основѣ французской революціи. За этимъ введеніемъ слѣдуетъ изложеніе собственныхъ воззрѣній автора на чистую свободу и абсолютное самоопределѣленіе. Въ заключеніе, авторъ заявляетъ, что его теорія не примирима не только съ существующими государственными принципами, но и съ любовью и вѣрностью, на которыхъ она зиждется. Этимъ онъ самъ себѣ про-

износить приговоръ. Направленіе всей статьи, согласно пункту IV, 1 названного законоположенія (законоположенія о цензурѣ), зловредно. Такой же тенденціей окрашено и введеніе къ статьѣ, которое, само по себѣ, за исключениемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, могло бы быть еще, пожалуй, допущено къ печати, но стоить въ такой тѣсной, неразрывной связи съ вытекающими изъ нея положеніями, что, благодаря проходящей черезъ него главной мысли, должно раздѣлить судьбу всего произведенія». Печальная судьба быть судимымъ подобными людьми и омертвеченнымъ ими!

Хотя цензурный судъ любезно избавилъ нась отъ труда передачи содержанія, считаемъ, однако, нужнымъ добавить, что Штирнеръ подробно останавливается на известномъ письмѣ Штейна. Въ двухъ пунктахъ авторъ письма сходится съ цѣлями французской революціи: въ ученіи о равенствѣ, т.-е. въ томъ, чтобы всѣхъ низвести на одинаковую ступень подчиненія, и въ ученіи о свободѣ,—свободѣ исполненія долга, моральной свободѣ, гражданской свободѣ революціи.

Штирнеръ рассматриваетъ затѣмъ центральную точку этой послѣдней свободы: долгъ любви. Въ революціонной свободѣ, выростающей изъ принципа агоистического, человѣкъ самоопредѣляется, «исходя изъ самого себя», въ любви онъ дѣлаетъ это, только исполняя волю другого. Это—большая разница между любящимъ и благоразумнымъ. Побѣда любви—это безволіе. Не-любящіе возстаютъ и крѣпнутъ духомъ, они недовольны и смеются надъ прекрасными словами: спокойствіе—первый гражданскій долгъ...

Штирнеръ здѣсь даетъ какъ бы только прелюдію къ болѣе широкой работѣ, которая должна была бы быть по-

священа вопросамъ гуманистического государства, послѣдней и совереннѣйшей формы государства. Но лейт-мотивъ уже звонко звучитъ и въ этихъ немногихъ страницахъ.

Вторая статья Штирнера въ ежемѣсячникѣ Буля, это—критический разборъ романа Евгенія Сю «Парижскія тайны».

Чтобы объяснить вниманіе, оказанное Штирнеромъ такому произведенію, надо принять въ соображеніе, что романъ Евгенія Сю въ то время возбудилъ огромный интересъ и въ Германіи; онъ шелъ по рукамъ въ безчисленныхъ переводахъ и всюду проглатывался съ одинацовой жадностью. Въ настоящее время непонятно, конечно, какъ это давно забытое, запыленое, многотомное произведеніе, находящееся лишь въ кое-какихъ еще библиотекахъ и удовлетворяющее лишь только какихъ-нибудь бѣлошвейкъ, могло произвести такое огромное впечатлѣніе. Но надо имѣть въ виду, что Евгеній Сю, своимъ сенсаціоннымъ романомъ, впервые ввелъ въ изящную литературу соціальный элементъ, поставилъ чувствительную бѣдность въ тѣсное соприкосновеніе съ людьми, разматривавшимися, какъ высшая порода человѣчества, и отвелъ послѣдней, на ряду съ ними, такое мѣсто, какое до сихъ порь ей никогда не отводилось.

Къ книгѣ въ то время почти вездѣ отнеслись вполнѣ серьезно, ея потрясающія невозможности также увлекали, какъ ея внутренняя бесодержательность, и всѣхъ опьянила необычайная фантазія французовъ. Даже въ общедоступной газетѣ Бауэра появилась огромнѣйшая статья Шелига, въ которой вполнѣ серьезно подвергалось критикѣ то, что совершенно ея не заслуживало.

Статья Штирнера объ этомъ романѣ, вѣроятно, была

написана раньше; она обнаруживает въ Штирнерѣ самыя блестящія черты его ума. Съ рѣзкой ироніей бичуетъ онъ лживую сентиментальность буржуазіи, которая—съ слезой состраданья на глазахъ—берется обращать грѣшниковъ, возвращать порокъ на путь добродѣтели и отверженныхъ въ объятія общества.

«Думали ли вы когда-нибудь, вы, добрые, стоять ли добро дѣйствительно того, чтобы къ нему стремиться? Не пустая ли это мечта, живущая только въ вашемъ воображеніи?»

Такъ ставить Штирнеръ вопросъ и показываетъ на каждой отдельной фигурѣ романа, къ которымъ авторъ—безъ вдумчиваго, проникновенного отношенія къ складу общества—прилагаетъ одну и ту же мѣрку нравственности, къ чему ведутъ эти усиія добрыхъ привести дурныхъ къ добру. И результаты получаются поразительные. Всѣ эти попытки, доказываетъ Штирнеръ, это цѣлебныя средства, примѣняемыя не къ больному, а къ мертвому тѣлу, это—«улучшеніе того, что больше улучшить нельзя». «Наше время не больное, а усталое и старое, поэтому не мучьте себя и его, и дайте ему умереть».

Такъ заканчивается первый литературный опытъ Штирнера, предшествовавшій его большому труду.

Ни для «Галльскихъ» и «Нѣмецкихъ ежегодниковъ» Арнольда Руге, ни для «Литературной газеты» Баузра онъ никакихъ статей никогда не писалъ. Одинъ лишь разъ еще, насколько намъ известно, его имя появилось на столбцахъ газеты. Онъ сдѣлалъ это въ цѣляхъ самозащиты противъ нападокъ, направленныхъ на его произведеніе. Но это войдетъ уже въ рамки слѣдующей статьи, которая будетъ посвящена исключительно разсмотрѣнію этого произведенія. Здѣсь мы должны еще посвятить нѣсколько

словъ самому крупному событию въ его жизни—второму браку Штирнера съ Маріей Денгардтъ.

* * *

Штирнеръ, повидимому, еще въ кружкѣ свободомыслящихъ часто встрѣчался съ молодой женщиной, съ которой познакомился въ домѣ покойнаго основателя «Национальной газеты», доктора Фридриха Цабеля. Марія-Вильгельмина Денгардтъ родилась 1 июня 1818 года въ Гадебушѣ, вблизи Шверина, отъ аптекаря Гельмунта-Людвига Денгардта и его жены—Маріи, урожденной Брюнгель, и 7-го июля крещена была по евангелическо-лютеранскому обряду. Выросла она въ состоятельной буржуазной семье, давшей ей хорошее образованіе, и въ ранней юности страстно увлеклась освободительными стремленіями того времени, ярко охарактеризованными въ забытой нынѣ, но въ то время проглатывавшейся женщинами книгѣ Гуцкова «Wally die Zweiflerin», — стремленіями, во всякомъ случаѣ, у Жоржъ-Зандъ никогда не нашедшими полнаго воплощенія.

Совсѣмъ еще молодой девушки она, противъ воли своихъ родителей, отправилась въ Берлинъ, стремясь къ содержательной, интересной жизни, которая недоступна была ей въ тѣсныхъ, гнетущихъ условіяхъ ея родного города. Первые несомнѣнныя слѣды ея пребыванія въ Берлинѣ выступаютъ лишь въ годъ ея брака съ Штирнеромъ, въ 1843 году. Съ 21-го января до 4-го апреля она жила на Александристрассѣ, 22, у учителя англійскаго языка Турнбуля, у которого брала уроки; съ 30 августа до 21 октября (въ теченіи этого промежутка она уѣзжала) на Фридрихтрассе у обойщика Ф. Боднижа. Достовѣрно однако также известно, что она въ 1838 году,

уже 20 лѣтней дѣвушкой жила въ Берлинѣ, и не впервые. Отецъ ея рано умеръ.

Бракосочетаніе Маріи Денгардтъ съ Максомъ Штирнеромъ состоялось 21-го октября 1843 года, въ квартире жениха, Ново-Кельнскай, 23. Оно состоялось съ согласія ея матери. Въ эту квартиру Штирнеръ перѣхалъ за нѣсколько дней до женитьбы, 11-го октября, проживъ 5 лѣтъ на Фридрихштрассе, 89 и затѣмъ почти 10 лѣтъ въ семье своей первой жены.

Въ этомъ домѣ, принадлежащемъ Шепкке молодые супруги жили все время вплоть до разлуки.

* * *

По поводу исторіи вѣнчанія Штирнера писалось и говорилось такъ много—гораздо больше, чѣмъ о всей его жизни,—что эту исторію его жизни не только нельзя обойти молчаніемъ, но необходимо даже отвести ей особое мѣсто и приложить всѣ усилия, чтобы вѣрно освѣтить ее. Это не очень легко, такъ какъ всѣ указанія на нее и воспоминанія о ней очень разнорѣчивы.

Обыкновенно въ памяти людей дольше всего удерживается анекдотическое, переходя изъ уста въ уста оно нѣсколько видоизмѣняется, и, въ концѣ концовъ, чуть-ли не сплошной вымыселъ является перевоплощеніемъ одной изъ бывшихъ дѣйствительностей. Такъ было и съ рассказомъ объ этой свадьбѣ, поднявшимъ такие столбы филистерской пыли и вызвавшимъ столько негодованія и смѣха. Безъ всякихъ романическихъ прикрасъ и тѣмъ не менѣе очень интересная, свадьба эта представляется въ такомъ видѣ:

Обрядъ вѣнчанія совершенъ былъ оберъ-консисторскимъ совѣтникомъ Маротомъ въ «Новой киркѣ», въ Берлинѣ, весьма популярнымъ въ городѣ лицомъ, которое

было избрано Бруно Бауэромъ въ виду его либеральныхъ взглядовъ. Утромъ 21 октября въ комнату жениха собрались свидѣтели и гости; никто изъ нихъ, какъ рассказывали, не былъ притащенъ изъ винного погреба, настроеніе ничѣмъ не отличалось отъ обычнаго; свидѣтелями были Бруно Бауэръ и Буль, гостями, насколько известно, Вильгельмъ Йорданъ, молодой поэтъ, Юлій Фаухерь, ассесоръ Кохіусъ и молодая англичанка, пріятельница невѣсты; кроме того, вѣроятно было еще нѣсколько другихъ друзей и знакомыхъ.

Буль, когда пасторъ вошелъ въ комнату, старательно наложилъ поверхъ рубашки свой поношенный пиджакъ; играли въ карты, но при появлѣніи пастора, игру прекратили. Невѣста заставила себя немного ждать. Она появилась, къ глубокому изумленію пастора, въ простомъ платьѣ безъ міртоваго вѣнка и фаты. Когда онъ спросилъ біблію, публика нѣсколько замялась: ея подъ рукой не оказалось. Между тѣмъ начался быстрый и, разумѣется, довольно торопливый ея при такихъ обстоятельствахъ, обрядъ вѣнчанія.

Гости поглядывали въ окна, вмѣсто того, чтобы слушать, соотвѣтствующую обстоятельствамъ, сухую, холодную рѣчь пастора. Съ вопросомъ о кольцахъ возникло новое затрудненіе. Кольца, вообще, по разсѣянности, даже не были заказаны.

Тогда Бруно Бауэръ (по воспоминаніямъ Йордана—самъ Штирнеръ, но всѣ другіе очевидцы говорятъ о Бауэрѣ) вытащилъ свой длинный вязанный кошелекъ какіе тогда носили, высыпалъ скромную сумму мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, и вынувъ изъ кошелька два мѣдныхъ кольца,—передалъ ихъ пастору, замѣтивъ, что они также

хорошо, пожалуй, даже лучше, могут скрѣпить бракъ, нежели золотыя.

Этими мѣдными кольцами Максъ Штирнеръ и Марія Денгардтъ и были обвѣнчаны...

Пасторъ, приглашенный къ свадебной трапезѣ и по слѣдовавшему затѣмъ ужину, поблагодарили и ушелъ, а свадьба продолжалась съ обычнымъ свадебнымъ весельемъ, пожалуй даже еще веселѣе. Молодые супруги не исчезли съ пира, не уѣхали въ свадебное путешествіе, а очень долго оставались вмѣстѣ со своими веселыми гостями.

Исторію съ кольцами одни раздули въ «преднамѣренную демонстрацію», другіе же, напротивъ, объясняли ее, какъ вполнѣ возможную, естественную случайность. Но тѣмъ не менѣе, она скоро приняла самыя чудовищныя формы, передавалась изъ уста въ уста, и тогда, какъ одни съ положительной увѣренностью говорили о гардинныхъ кольцахъ, которыми пришлось вѣнчать молодыхъ, другіе говорили о неслыханномъ оскорблении святыхъ устоевъ.

Но вся эта исторія въ сущности, была вызвана лишь полнымъ равнодушіемъ дѣйствующихъ лицъ къ вышнему обряду, въ ихъ глазахъ не имѣвшему никакаго внутренняго значенія, и совершенному ими лишь воизбѣжаніе внѣшнихъ неудобствъ.

Супруги вели тихую, скромную жизнь и жили по-прежнему, какъ жили до вѣнчанія.

Познакомившись съ Штирнеромъ, мы естественно переносимъ интересъ и на его молодую жену. Она привлекала къ себѣ вниманіе очень многихъ людей, и образъ Маріи Денгардтъ не трудно нарисовать: это былъ во всѣхъ отношеніяхъ симпатичный образъ.

Стойная, привлекательная блондинка средняго роста

съ роскошными волосами, которые она причесывала по тогдашней модѣ—*à la neige*—длинными, закрывавшими виски локонами, съ нѣжнымъ розоватымъ цвѣтомъ лица, быстрая, энергичная, очень умная, хотя и не одаренная особыми талантами, она неотразимо привлекала къ себѣ мужчинъ скрѣпѣ своей свѣжестью и простотой, не юди красотой, потому что красавицей она въ сущности не была. Она сознавала свое обаяніе, по крайней мѣрѣ, поняла его въ Берлинѣ.

Она получила отличное воспитаніе, умѣла держать себя и въ свѣтскомъ обществѣ, и держала себя всегда серьезно и съ тактомъ, а у Гишеля, среди свободомышляющихъ, гдѣ ее называли Маріусъ Денгардіусъ такъ же непринужденно, какъ и всякий другой гость. Достовѣрно известно, что она курила папиросы: ее видали нерѣдко съ длинной трубкой въ студенческихъ квартирахъ, она отлично играла на билліардѣ и входившее тогда въ употребленіе въ Берлинѣ мюнхенское пиво пила также охотно и изъ такихъ же большихъ кружекъ, какъ и мужчины. Но несомнѣнно, дѣлала это она не удовольствія ради, а изъ той же жажды свободы, побуждавшей ее, въ сущности «буржуазную», благовоспитанную дѣвицу сбросить съ себя всѣ черты и формы филистерства.

Часто утверждали, что она вела такую жизнь только въ угоду своему мужу. Это — неправда. Она уже охвачена была жаждой свободы, когда еще не знала Штирнера. Эта жажда свободы привела ее въ Берлинъ, къ беззащитному участію въ мужскихъ пирушкиахъ, къ студенческимъ похожденіямъ, нерѣдко кончавшимися ночными конкурсіями въ притоны, гдѣ, разумѣется, дебоширили до тѣхъ поръ, пока ихъ не выгоняли.

Въ томъ, что первое ея стремленіе привело ее дальше, чѣмъ она хотѣла, Штирнеръ не былъ повиненъ. При его спокойно пассивномъ характерѣ даже и допустить нельзя, что-бы онъ могъ уговорить или склонить ее на что нибудь, противорѣчивающее ея собственному желанію и волѣ.

Но несомнѣнно также и то, что она съ самаго начала не поняла своего мужа. Вѣроятно, ея шумные, говорливые собутыльники у Гипшеля, среди которыхъ она, почти ребенокъ еще по душевному складу и неопытности, такъ непринужденно чувствовала себя, (она часто слушала темныя рѣчи, намеки и пошлости —не понимая ихъ, и потому только и могла спокойно слушать ихъ),—вѣроятно, эти свободомыслящіе казались ей много свободнѣе, нежели ея спокойный мужъ, предоставлявшій ей полную свободу дѣйствій. При ея незнаніи людей она могла въ душѣ свалить на него позднѣе вину другихъ, если вообще можетъ здѣсь быть рѣчь о чьей нибудь винѣ.

Но, быть, можетъ и это, повидимому, самое вѣроятное,—она тогда никогда не задумывалась надъ тѣмъ что руководило одними въ ихъ рѣчахъ, что побуждало другихъ молчать, беззаботно отдавалась веселому потоку, въ который увлекала ее молодежь: сквозь мутную завѣсу позднѣйшихъ переживаній, застлавшую эти дни, она не могла, конечно, запутавшись въ своихъ мукахъ раскаянья, разобраться въ своемъ прошломъ.

Она смѣло и охотно вступила въ этотъ кругъ, потому что ей нравилось тамъ, она по доброй волѣ усвоила его, не тонъ конечно,—для этогоу нея было слишкомъ много вкуса,—но его свободные и во всѣхъ проявленіяхъ красивые, даже великолѣпные, только мало

продуманные по отношенію къ жизни взгляды. Она гордо и отважно слѣдовала только своимъ наклонностямъ.

Въ глазахъ филистеровъ ея свободный образъ дѣйствій и свободы, которую предоставлялъ ей Штирнеръ могутъ казаться ужасными, въ нашихъ глазахъ они оба отъ этого только выигрываютъ. Взаимная опека такъ мало имѣла общаго съ характеромъ этихъ людей, бракъ которыхъ былъ лишь слабой легкой цѣпью, чисто внѣшнимъ образомъ связавшей ихъ. И бракъ этотъ разстроился не изъ за «невѣрности жены»—это звучитъ даже забавно—но исключительно изъ за осложнившихся отношеній, которыя обоихъ ихъ угнетали. Душевная изысканность Маріи Денгардтъ не позволяла ей распространяться, говорить о дѣлахъ, касавшихся ея одной, и по внѣшности она была всегда и для всѣхъ неприступной женщиной которую невозможно, нельзя было оскорбить ни мыслю, ни желаніемъ... Однѣ, впрочемъ, разъ, она устроила настоящій скандалъ: она не поняла сначала двухсмысленного значенія какого-то замѣчанія, но когда ей объяснили въ чемъ дѣло, ея негодованіе разразилось бурной сценой.

Всѣми уважаемая, всѣми любимая, какъ и самъ Штирнеръ она была безспорнымъ женскимъ украшеніемъ «кружка», когда появлялась въ немъ, хотя она не была тамъ единственной женщиной, какъ намъ известно. Изъ женщинъ, бывавшихъ въ «кружкѣ», ближе всѣхъ была съ ней жена д-ра Висса, а также Каролина Фаухеръ.

ГЛАВА V.

«Единственный и его собственность». — Появление книги. — Арестъ и освобождение. — Успѣхъ книги. — Разборъ ея содержанія. — Опытъ ея оцѣнки. — Критика. — Возраженія Штирнера. — Царство разума и индивидуумъ. — Общий обзоръ.

Въ кругу «свободомыслящихъ» давно уже говорили, что Максъ Штирнеръ работаетъ надъ объемистымъ произведеніемъ, что онъ нагромоздилъ уже кучу листовъ, которая все растеть, „воспринимая своеобразную ткань его мыслей».

Однако, никто не могъ сказать ничего болѣе опредѣленного относительно этого произведенія. Самъ Штирнеръ никогда не касался вопроса о немъ, онъ ни разу никому не показалъ и не далъ прочесть ни одной страницы своей работы. Иногда только онъ показывалъ на свой пульть, гдѣ хранилось, скрытое отъ постороннихъ глазъ его «я», лишь этимъ намекая на тайну своей жизни.

Самое существование произведенія могло, конечно, оказаться басней, многие такъ и думали, какъ вдругъ въ первыхъ числахъ ноября 1844 года оно неожиданно появилось, въ полномъ свѣтѣ гласности, подъ заглавіемъ «Единственный и его собственность».

Первоначально, какъ видно изъ приведенного примѣчанія Штирнера, оно должно было называться «Я», Штирнеръ оставилъ потомъ это заглавіе лишь для второй части своего сочиненія.

Онъ подписался именемъ, стоявшимъ на его первыхъ работахъ, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ въ кругу своихъ знакомыхъ; на заглавномъ листѣ

стояло имя одной изъ наиболѣе уважаемыхъ книгоиздательскихъ фирмъ Германіи,— Отто Вигандъ, въ Лейпцигѣ. Это былъ неустрешимый издатель, пользующійся широкой извѣстностью, издатель большинства самыхъ значительныхъ радикальныхъ сочиненій того времени: онъ издавалъ Руге и Фейербаха и былъ самъ всей душой на сторонѣ освободительного движения своего времени. Годомъ изданія былъ 1845-ый годъ. Между Штирнеромъ и Вигандомъ закязались дружескія отношенія. Вигандъ высоко цѣнилъ нового автора и часто отзывался о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Штирнеръ былъ въ Лейпцигѣ еще въ 1844 г., вѣроятно, для того, чтобы переговорить съ Вигандомъ о подробностяхъ изданія труда всей своей жизни.

Свое довѣріе къ этому сочиненію Вигандъ доказалъ тѣмъ, что издалъ его съ большой тщательностью. Первое изданіе «Единственного» одно изъ лучшихъ изданій его фирмы: великолѣпный томъ почти въ пятсотъ страницъ, на отличной блестящей бумагѣ, съ широкими полями, четкимъ крупнымъ шрифтомъ, напечатанъ почти безъ опечатокъ. Это первое изданіе превосходитъ два послѣдующія во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь оно стало рѣдкостью. Въ то время оно стоило $2\frac{1}{2}$ талера, въ свѣтлой обложкѣ.

На книгѣ было слѣдующее посвященіе: «Моей возлюбленной Маріи Денгардтъ». Эта возлюбленная уже годъ была его женой.

* * *

Власть искони вѣковъ стремилась подавить враждебныя ей мысли и помѣшать ихъ распространенію. Въ Пруссіи, съ возвращеніемъ Фридриха Вильгельма IV, тиски наглой

и безмысленной цензуры какъ будто ослабѣли, но, послѣ опубликованія письма Гервега къ королю, всякия вольности прекратились, и стало еще тяжелѣе, чѣмъ раньше. Въ Саксоніи, съ 1843 года тоже началась безпримѣрная реакція. Книги, болѣе чѣмъ въ 20 листовъ, были тамъ свободны отъ предварительной цензуры, но тѣмъ скорѣе имъ угрожала опасность запрещенія и конфискаціи, противъ которыхъ не было никакой судебной защиты.

Чтобы хоть отчасти избѣжать этого, лейпцигскіе издатели прибѣгли къ крайнему средству. Въ то время, какъ, сейчасъ же по выходѣ изданія, въ окружное управление представлялся обязательный экземпляръ, на углу одной изъ ближайшихъ улицъ уже стояла повозка, нагруженная готовыми къ отправкѣ экземплярами. Какъ только квитанція о полученіи была въ рукахъ издателей, повозка тотчасъ же пускалась вскачъ, чтобы развести книжку по складамъ и, такимъ образомъ, затруднить надзоръ за ней, если будуть приняты мѣры преслѣдованія.

Подобная же участъ постигла и произведеніе Штирнера. Окружное управление въ Лейпцигѣ сейчасъ же наложило на книгу запрещеніе и еще успѣло задержать 250 экземпляровъ.

Но уже черезъ нѣсколько дней министерство внутреннихъ дѣлъ прекратило преслѣдованіе, руководствуясь тѣмъ, что книга «слишкомъ нелѣпа», чтобы быть опасной. Весьма интересные мотивы решенія, которыми обѣщало подѣлиться «Всеобщее обозрѣніе прессы» въ № отъ 4 ноября 1854 года, къ сожалѣнію никогда не были опубликованы, и, такимъ образомъ, глубокая мудрость высокочтимаго учрежденія никогда не будетъ опѣнена

по достоинству. Ясно одно, что Штирнеру, подробно разбиравшему вопросъ о свободѣ печати, блестяще удалась его предосторожность, съ помощью которой онъ «обманулъ» государство, что и входило въ его планы съ самаго начала. «Пусть народъ не пользуется свободой печати, — я прибѣгаю къ хитрости или къ насилию, но желаемое я печатаю и разрѣшеніе для этого беру только у себя и у своего умѣнія».

И дѣйствительно, онъ добылъ его для себя, и въ то время, какъ невиннѣшняя макулатура была изъята изъ обращенія и томилась подъ надзоромъ, «опаснѣшія» книжка, самаго крайняго направленія, свободно переходила изъ рукъ въ руки, какъ тогда, такъ и теперь.

Штирнеръ смѣло и мудро перешагнулъ съ своимъ сокровищемъ всѣ границы. Онъ добылъ свободной мысли свободное проявленіе. Кто имѣетъ большее право сказать, что больше сдѣлалъ для свободы печати?

* * *

Книга произвела потрясающее впечатлѣніе. Она вызвала, какъ теперь говорятъ, сенсацию.

Всѣ умы были заняты новымъ сочиненіемъ, такъ внезапно вынырнувшимъ изъ глубокаго мрака на яркій свѣтъ дня. Къ Рождеству 1844 года книга перебывала во многихъ рукахъ и преимущественно у тѣхъ, кто несъ всѣ свои симпатіи на встрѣчу усиѣхъ радикализма того времени. Особенно молодежь жадно набросилась на смѣлое произведеніе.

Но, какъ и слѣдовало ожидать, отзывы о книжѣ были самые разнообразные. Одни не находили словъ для выраженія своего восторга, видѣли въ ней разсвѣтъ новой мысли и новой жизни и называли Штир-

нера геніальнимъ писателемъ; другіе же бросали книжку, глумясь надъ нею и возмущаясь подобнымъ «вздоромъ»: они не находили другого выраженія для сочиненія, дерзнувшаго потрясти основы нравственности и общественности. Большинство же молчало, не зная, что сказать, но всѣ догадывались, что имѣютъ дѣло съ выдающейся личностью.

Одни, самые отсталые, называли Штирнера «advocatus diaboli» за то, что онъ посягнулъ на «вѣчные устои», на право, долгъ, обычай, на вещи, даже не подлежащія, по ихъ мнѣнію, человѣческой критикѣ. Были и другие, болѣе либерально относившіеся къ этимъ понятіямъ, но и они ужасались, считая таковыя основой существующаго порядка вещей и чувствуя, что почва ускользаетъ у нихъ подъ ногами. Имъ, не видѣвшимъ другого выхода, оставалось одно— объяснить появившійся феноменъ желаньемъ автора подшутить надъ читателями, и успокоиться на томъ, что онъ просто посмѣялся надъ ними и надъ самимъ собой.

«Подумайте только, какимъ діаволомъ можетъ быть человѣкъ!» восклицали одни. «Нѣть, ни одинъ человѣкъ не можетъ быть такимъ дурнымъ», утѣшали себя другие. Одни видѣли подтвержденіе справедливости своего мнѣнія о книгѣ въ юдкой насмѣшкѣ Штирнера, другие— въ его ясной ироніи.

Либералы виляли. Политики смѣялись: какой разумный человѣкъ будетъ оспаривать, что государство— необходимое условіе порядка и отрицать эту необходимость? соціалисты бралились: доктрина ихъ была чувствительно задѣта; наконецъ, и гуманисты почувствовали серьезное беспокойство: они создали себѣ «человѣка», прекраснаго, обновленнаго, величественнаго, бо-

гоподобнаго, и вдругъ ихъ творенье такъ безпощадно разбито! И они рѣшительнѣе всѣхъ выступили на защиту своего послѣдняго идеала, борясь за его спасеніе. Неутомимо выступать противъ одного препятствія за другимъ было во всѣ эти годы гордостью «критики», «критического теченія», «абсолютной» критики, при чёмъ никто не хотѣлъ сознаться въ неудачѣ своихъ попытокъ. При малѣйшемъ указаніи на это, «критика» становилась на дыбы. Но въ то время она уже вступила въ стадію саморазложенія. Ея силы были исчерпаны, и ея работа,— работа подготовительная, была— сдѣлана. Она погибла отъ удара, который нанесъ ей Штирнеръ.

Вполнѣ естественно, что и въ кругу «свободомыслящихъ» мнѣнія расходились. Велико было общее изумленіе, когда ихъ незамѣтный товарищъ заговорилъ такъ громко и рѣшительно. Ближайшіе знакомые Штирнера, слѣдившіе за его первыми произведеніями, могли еще ждать отъ него чего-нибудь выдающагося; но болѣе далеко стоящіе были застигнуты совершенно врасплохъ, обнаруживъ въ немъ великий и острый умъ: они привыкли видѣть въ Штирнерѣ обыкновеннаго человѣка и зачастую смотрѣли на него свысока. Теперь же, очень часто вокругъ Штирнера и его идей группировались всѣ интересы кружка «свободомыслящихъ». Что же касается до самаго Штирнера, то онъ оставался совершенно равнодушнымъ ко всему происходящему. Что могла значить внѣшняя слава для его внутренняго горделиваго самосознанія? Итакъ, Штирнеръ сдѣлался достопримѣчательностью кружка. Его имя называлось рядомъ съ именемъ Баузера и другими славными именами. Приходили въ Гиппелю только для того, чтобы взгля-

нуть на «единственаго» и убѣдиться, что въ действительности онъ совсѣмъ не такъ плохъ, какъ самъ себя рисуетъ въ своей книгѣ.

Бруно Бауэръ былъ глубоко задѣтъ тѣмъ, что Штирнеръ превзошелъ его и вступилъ на новый путь, куда онъ не могъ за нимъ слѣдовать. Но онъ сдерживалъ свое непріязненное чувство и никогда не проявлялъ его, точно также, какъ никогда не дѣлалъ и попытки возразить Штирнеру на его книгу.

Іхъ виѣшнія отношенія остались дружескими, но действительное отчужденіе уже замѣчалось многими. Оно не могло пройти незамѣченнымъ, найдя себѣ такое рѣзкое выраженіе въ печати. Но до полнаго разрыва между ними не дошло.

Философія Штирнера не представляетъ собою, такъ называемой, «системы», она не можетъ создать школы, которую будутъ разрабатывать и обосновывать прилежащіе ученики. Штирнеръ былъ учителемъ, но ни одно его слово не могло быть предметомъ школьнаго обученія. Каждый находить въ немъ, то, что хочетъ и что можетъ найти, но никто не можетъ сдѣлаться его ученикомъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова: при первой попыткѣ своенравный учитель безжалостно отбрасываетъ ученика на путь самостоятельнаго мышленія. Несомнѣнно, что Штирнеръ всегда будетъ воодушевлять молодежь и будить ея мысль, но высшее наслажденіе «Единственнымъ» доступно лишь зрѣлому человѣку, умѣющему противопоставить правду жизни иллюзіямъ молодости.

Многіе удивлялись Штирнеру, но, какъ это ни странно, никто не понялъ его вполнѣ. Никто не охватилъ значенія его книги во всемъ ея объемѣ. Ее оцѣнивали

то съ той, то съ другой точки зрења, но никогда не исчерпывали ея глубины. Когда же началось забвенье, никто не нарушилъ громкимъ голосомъ молчанья наступившихъ десятилѣтій.

Его скоро забыли. Съ приближеніемъ революціи, общественное вниманіе все исключительнѣе приковывалось къ ней, возлагало все большія надежды на грядущее могучее разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній, и пока гремѣло оружіе, заглохли живые голоса недавняго прошлаго и на многіе годы воцарилась тишина.

Естественно, что при такихъ условіяхъ виѣшній успѣхъ сочиненія Штирнера не могъ быть великъ.

Тысяча экземпляровъ первого изданія расходилась въ теченіе десятилѣтія; только единичныя руки протягивались за забытой книгой.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ приемъ, оказанный «Единственному». Какъ отнеслась къ нему критика того времени и выдающіеся современники, будетъ рѣчь впереди.

* * *

Обратимся теперь къ самому произведенію, составляющему главный предметъ нашего изслѣдованія.

Что оно собой представляетъ? Что оно даетъ? Въ чёмъ его величие, его значеніе, что дѣлаетъ его бессмертнымъ?— Однимъ словомъ, гдѣ тайна его могущественнаго вліянія «на нась»?

На всѣ эти вопросы возможенъ, естественно, единственный правильный отвѣтъ. Только глубокое и постоянное изученіе можетъ насть приблизить къ ихъ разрѣшенію. Ничто не замѣнить этой работы и связаннаго съ ней наслажденія.

Передъ неистощимыми сокровищами «Единствен-

наго» бессильно всякое описание. Систематическая, последовательная передача его содержания немыслима, такъ какъ Штирнеръ въ противоположность планомѣрному построению произведения въ его цѣломъ, постоянно прерываетъ ходъ своихъ мыслей, возвращаясь назадъ, забѣгая впередъ, чтобы разносторонне освѣтить предметъ изслѣдованія.

Онъ чувствуетъ и знаетъ это самъ. Еще въ началѣ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что не будетъ стѣсняться способомъ изложения.

Въ своемъ короткомъ введеніи къ книгѣ Штирнеръ смѣло бросаетъ въ лицо смущенному читателю: «вотъ я!».—И вскорѣ эгоистъ величаво выступаетъ передъ нами уже на первыхъ страницахъ, посвященныхъ изученію первобытного человѣка. Еще не исчезъ призракъ прошлаго, а эгоистъ уже заявляетъ о своей силѣ, о своей самобытности, и неопределенность облика не скрываетъ насъ его «единственности».

А когда «человѣкъ» кажется уже побѣжденнымъ и развертывается побѣдоносное «я», Штирнеръ, какъ Ахилль, волочить трупъ побѣженаго черезъ поле битвы, и лишь достигнувъ цѣли, исполненный жизненныхъ силъ, триумфаторъ оставляетъ насъ передъ безжизненнымъ, безглеснымъ врагомъ.

И все-таки, Штирнеръ не повторяется. Иѣть, онъ неистощимъ, какъ природа, всегда разнообразная, поражающая новизной въ своихъ кажущихся повтореніяхъ. Владѣнія Штирнера такъ же велики и обширны, какъ и владѣнія природы и предѣль ихъ, какъ у нея, въ нихъ самихъ.

Тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не сдѣлать попытки, по крайней мѣрѣ, въ общихъ и бѣглыхъ чертахъ намѣ-

тить руководящія мысли произведенія. Поэтому, не касаясь пока языка, стиля и т. п. «Единственного» и не дѣлая попытокъ произвести оцѣнку этой книги, мы будемъ вмѣстѣ медленно переворачивать страницу за страницей, останавливая бѣгло свои взоры на вершинахъ, пока мы не спустимся въ долины, не проникнемъ вглубь необъятнаго пространства его владѣній...

Излишне предупреждать, что, по возможности, мы будемъ предоставлять слово самому Штирнеру.

* * *

Все должно быть моимъ дѣломъ, за исключеніемъ моего собственнаго дѣла: «презрѣніе эгоистамъ!».

Но я буду учиться у великихъ эгоистовъ—у Бога, у человѣчества, у султана,—они создаютъ изъ «ничего», они существуютъ сами по себѣ. Я повторю за ними: мое я для меня выше всего!

Какъ они, я буду творить изъ «ничего»!

* * *

Произведеніе дѣлится на двѣ большія части: первая называется «Человѣкъ», вторая—«Я».

Неутомимая критика того времени извлекла изъ тьмы временъ «человѣка», какъ высшій и послѣдній идеалъ.

«Человѣкъ,—это наивысшее существо», говорить Фейербахъ. «Человѣка лишь теперь открыли», говоритъ Бруно Бауэръ. Итакъ, «присмотримся внимательнѣе къ этому новооткрытыму высшему существу», говоритъ смѣло Штирнеръ. Что такое человѣкъ, въ его прошломъ и настоящемъ? Какое отношеніе существуетъ между этимъ понятіемъ и мной?

Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, Штирнеръ мысленно пробѣгаєтъ жизнь отдельнаго человѣка отъ ея зарожденія до периода полной зрѣлости. Онъ изображаетъ намъ борьбу ребенка за самоутвержденіе, какъ борьбу реалиста, имѣющаго дѣло только съ вѣшними предметами. Какъ истинный реалистъ, ребенокъ борется съ вѣшнимъ міромъ, когда не проникаетъ въ сущность его. У юноши—идеалиста арена борьбы изъ вѣшняго міра переносится въ область духа. Юноша борется съ разумомъ, завоевывая у него чистое мышленіе; такимъ образомъ, онъ обрѣтастъ въ себѣ духъ и начинаетъ сознавать свою самобытность. Наконецъ, побѣда зрелага мужа—эгоиста знаменуетъ собою торжество личнаго интереса надъ идеаломъ. Отнынѣ «Я» ставится выше всего. Эгоистъ сознаетъ себя властителемъ своей мысли и всего окружающаго. Отвлеченнное понятіе «Я» становится живымъ, облекаясь въ плоть и кровь, и въ этомъ воплощеніи проявляется во второй разъ его самобытность.

Наши предки прошли ту же стадію развитія, что и отдельный человѣкъ. Штирнеръ вызываетъ яркіе образы людей старого и новаго времени. Передъ нами проходятъ древніе—это, тѣ-же дѣти. они—реалисты и язычники; люди новаго времени—мечтатели, идеалисты, христіане; продуктомъ самаго послѣдняго времени являются свободные люди, но и имъ далеко еще до высшаго типа человѣка—эгоиста. Какъ и на людяхъ новаго времени, на нихъ лежитъ глубокій отпечатокъ христіанства, они лишь новѣйшіе среди новыхъ.

Чтобы утвердить свое господство въ новомъ времени, человѣческій духъ прошелъ долгій путь развитія въ древности. Вдали перикловскихъ временъ софисты,

вооруженные силой разума, борятся противъ рутины установленнаго порядка. Основатель этики Сократъ борется съ софистами во имя образованія, воспитанія сердца. Значеніе Сократа умираетъ лишь съ древнимъ міромъ; затѣмъ выступаетъ житейская мудрость стоиковъ и римлянъ, благополучіе (Hedone) эпікурейцевъ и полный разрывъ съ міромъ скептиковъ.

Въ результатѣ этой гигантской работы древнихъ, человѣкъ позналъ себя, какъ духъ. Съ утвержденіемъ духовности, начинается эра христіанства, и на сценѣ появляются люди новаго времени.

Пропасть, лежавшая между старымъ и новымъ міромъ исчезла. Въ своихъ поискахъ за правдой древніе сами перебросили мостъ новымъ людямъ, но ихъ усиленія привели ко лжи. Съ оружиемъ въ рукахъ противопоставляли себя язычники вѣшнему міру вещей и стремились подчинить себѣ міровой порядокъ. Въ ихъ величайшей побѣдѣ надъ міромъ древніе были обмануты новыми людьми. Для новыхъ міръ—ничто, Богъ властитель міра—все. Постигнуть Бога стало задачей двухъ послѣдующихъ тысячелѣтій, какъ постигнуть міръ было задачей древнихъ. Лозунги борьбы перешли къ теологии.

Исторія этой борьбы пошла по тому же пути, какъ и у древнихъ. Въ столѣтіе, предшествовавшее реформаціи, порабощенный разумъ сбросилъ путы и радостно отдался свободной игрѣ. Реформація коснулась и области сердца и поколебала его христіанскія основы; это выражилось въ томъ, что христіанская любовь къ человѣку постепенно уступила мѣсто любви къ его отвлеченному духу.

«Что-же такое духъ?—Онъ является создателемъ

известного духовного мира.» Возникая изъ «ничего» онъ самъ—свое первое твореніе, какъ мыслящий человѣкъ является созданіемъ своей первой мысли. Для тебя—духъ центръ всего существующаго, въ противоположность эгоисту, ставящему въ центръ всего самого себя. «Ты живешь не для себя, но для своего духа, для своей идеи...» Духъ—твой Богъ.

Но я и мой духъ находимся въ вѣчномъ противорѣчіи другъ къ другу. Онъ господствуетъ по ту сторону жизни, я—на землѣ. Напрасны стремленія перемѣстить небо на землю,—потому что «мое Я—не Богъ, но и не человѣкъ, не высшее существо, но и не моя сущность...»

Сдѣлавъ это отступленіе въ сторону изслѣдованія сущности духа, Штирнеръ возвращается къ своимъ новымъ людямъ, изслѣдуя на нихъ вліянія духа.

«Духъ подобенъ тому привидѣнію, котораго никто изъ насъ никогда не видѣлъ, но въ существованіи котораго мы не имѣемъ права сомнѣваться, такъ какъ о немъ намъ разсказывали лица, заслуживавшія полнаго довѣрія,—наши «бабушки», напримѣръ. Весь міръ наполненъ подобными призраками твоего воображенія. Святость, правда, сіяніе которой падаетъ и на тебя, являются для тебя чѣмъ-то внѣшнимъ, чуждымъ. «Оторванность отъ жизни—признакъ «святого». Но для того, кто не вѣритъ ни въ какое высшее существо, будь то Богъ или человѣкъ, одинаково благочестивы атеистъ, преклоняющійся передъ человѣкомъ, и христіанинъ, прославляющій Бога.

Въ теченіе тысячелѣтій трудился человѣкъ надъ задачей,—доказать дѣйствительность призрака («бытие Бога» во всѣхъ его формахъ). Онъ пережилъ страшныя

муки Данаидъ въ своемъ стремленіи дать имя всему непостижимому въ явленіяхъ. Человѣкъ сталъ ужаснымъ призракомъ для самого себя. Онъ самъ и созданія его духа пугаютъ его всюду, показываются, какъ привидѣнія, изо всѣхъ угловъ.

Правда, причина этого страха въ нашемъ мозгу. Насъ мучить засѣвшее въ немъ безуміе. Оно засѣло еперь во многихъ, очень многихъ головахъ. Кажется, что весь міръ превратился въ домъ умалишенныхъ, гдѣ сумасшедше ведутъ дикий хороводъ вокругъ своихъ навязчивыхъ идей, и глупая толпа ликуетъ вмѣстѣ съ ними. Свои навязчивыя идеи они считаютъ по истинѣ святыми, фанатично преслѣдя еретиковъ, не признающихъ ихъ нравственныхъ заповѣдей. Ихъ Богъ—нравственность и законность. Ихъ идейные противники, выступивши на сцену за послѣднее время, бессильны поколебать ихъ, такъ какъ и они не решаются покинуть почву «мѣщанской нравственности.» Осужденные проклятымъ половинчатости либералы повисли въ воздухѣ между своей свободной волей и обычной нравственностью.

Торжество нравственности не что иное, какъ новая смѣна властелина. Теперь мы говоримъ: «вотъ жизнь, достойная человѣка», какъ раньше говорили: «святая жизнь». Мы любимъ того или другого человѣка, не ради него самого, а сообразуемся при томъ съ человѣческими и божескими законами.

Мы напичканы самоотверженіемъ, самоотреченіемъ, безкорыстiemъ, всѣми разнообразными проявленіями внушенаго намъ безумія. Наші чувства возстаютъ противъ него, борятся съ нимъ, но въ благочестивомъ ужасѣ передъ судомъ нашей старческой разсудитель-

ности мы не даемъ имъ овладѣть собою и покорно винтываемъ въ себя всякой вздоръ.

Іерархія духа длится до нашихъ дней. «Іерархія, это—иго мысли, господство духа».

Маленькая экскурсія въ область антропологии открываетъ послѣднюю страницу въ изслѣдованіи сущности понятія «духъ». Описанныя уже времена античной древности съ ихъ зависимостью отъ вещей и христіанство, поработщенное мыслию, сопоставляются съ эпохами не-гритянства и монгольства, воплощенного въ китайцахъ. Когда же придутъ кавказцы поработить тѣхъ и другихъ взять приступомъ небо, заселенное духами, и уничтожить его? Когда умретъ духъ, станетъ дѣйствительностью самобытность.

Ибо *мнъ*, эгоисту, суждено возвратить духъ въ его прежнее «ничто!»

Коснувшись сперва святости нравственности и безсильного малодушного страха передъ ней, Штирнеръ указываетъ намъ на іерархію, какъ на господство мысли и духа. Въ своихъ, наиболѣе деспотическихъ, проявленіяхъ она являеть собою тріумфъ философіи («философія не дастъ ничего болѣе высшаго»). Передъ нами развертывается могущество духовной іерархіи, огромное вліяніе ея торжествующихъ поповъ на болѣзnenныя идеи філандропизма, во всѣхъ его многочисленныхъ проявленіяхъ, которымъ они обыкновенно сообщаютъ ложный смыслъ, и ихъ вліяніе на существующую связь между нравственностью и человѣческимъ страхомъ. Правда и сомнѣніе, такъ можно было бы назвать общія положенія, по которымъ развивалась исторія философіи и религіи, если бы за послѣднее время не прозвучало новое слово «свобода», которое и сдѣлалось теперь ея руководящимъ

началомъ. Мы освобождаемся отъ власти реально существующихъ объектовъ, выдвигая, вмѣсто нихъ, ихъ отвлеченные понятія. Къ этому процессу сводится сущность католицизма и протестантизма, безотвѣтственность первого, и духовное обновленіе послѣдняго.

Безсильнымъ стоять человѣкъ передъ «необходимымъ» и беспомощнымъ передъ своей судьбой. Житейская мудрость древнихъ и теология новыхъ людей тщетно пытались ускользнуть отъ воли судьбы; трудясь надъ этой задачей, первые стремились покорить міръ, а послѣдніе побѣдить самого себя, свой духъ.

Первое удалось, когда «я сталъ собственникомъ міра»; міръ пересталъ принадлежать самому себѣ съ захватомъ первой собственности; долгая безплодная борьба ведется до сихъ поръ за послѣднее завоеваніе; правда, за послѣдніе два тысячелѣтія намъ удалось урвать кое-что у міра святого и «растоптать ногами», но противникъ нашъ все возрождается въ новыхъ обликахъ и подъ новыми именами. Святой духъ превратился въ «абсолютную идею», путаница понятій все растетъ и растетъ. «Еще одинъ шагъ, и міръ святого восторжествуетъ».

«Когда же станетъ и онъ твоей собственностью? Раздроби его для этого; сѣнь и перевари святые дары и ты избавишься отъ нихъ!»

Если ходъ развитія древнихъ могъ быть изображенъ нѣсколькими яркими штрихами, то изображеніе полной противорѣчій, запутанной духовной борьбы новыхъ людей требуетъ значительно большей обработки.

Отдельная глава посвящена изображенію «свободныхъ» людей. Здѣсь Штирнеръ покидаетъ отдаленныя времена житейской мудрости древнихъ и христіанскій божій міръ и переходитъ къ современной борьбѣ человѣчества.

Онъ называетъ этихъ новыхъ людей свободными, слѣдя ихъ собственной терминологіи, но самъ смотрѣть на нихъ лишь, какъ на видоизмѣненныхъ либераловъ.

Понятіе либерализма охватывало въ то время всю область радикальной мысли, казалось, достигшей тогда своего высшаго развитія. Съ высоты, на которую поднялся Штирнеръ, было ясно видно, что и эта область лежитъ все въ той плоской долинѣ христіанства, и онъ счелъ своимъ долгомъ указать современникамъ, какъ глубоко погружены они въ оковы духа, какимъ заблужденіемъ съ ихъ стороны является мысль, что они уже освободились отъ нихъ. Онъ выступаетъ съ критической прогрессивной критики того времени. Побѣда, поднимающая ихъ духъ, кажется ему новымъ подчиненіемъ старому врагу. Онъ борется тамъ, гдѣ они отступаютъ. Онъ начинаетъ тамъ, гдѣ они кончаютъ.

Прогрессивное движение начала 40-хъ годовъ вылилось въ трехъ формахъ политического, соціального и гуманного либерализма. Послѣдователи этихъ теченій называются теперь свободомыслящими, соціалистами и моралистами, причемъ первые до сихъ поръ ничего не пріобрѣли, въ смыслѣ уясненія себѣ своей цѣли, и очень мало сохранили отъ своего былого воодушевленія; вторые, съ развитіемъ и подъемомъ общественного движения, застыли въ формѣ политической партии и ищутъ новой пристани среди вѣчно бушующихъ волнъ; третыи же, известные подъ разными именами, попрежнему мирно плещутся въ свѣтлыхъ водахъ своихъ несбыточныхъ теорій, долженствующихъ осчастливить человѣчество; критика Штирнера поражаетъ ихъ теперь такъ же мѣтко, какъ и въ тѣ времена.

Политический либерализмъ — арена буржуазной

борьбы. Буржуазія развилаась въ процессѣ борьбы противъ привилегированныхъ сословій со временемъ французской революціи.

Съ пробужденіемъ человѣческаго достоинства, начась политическая эпоха въ народной жизни. Отнынѣ высшій идеалъ — добрый гражданинъ. «Истинный человѣкъ — нація». Въ государствѣ обрѣтаемъ мы наше человѣческое право. Отнынѣ господствуютъ государственные интересы, и высочайшая честь — служба государству.

Въ государствѣ преслѣдуются общіе интересы всѣхъ при условіи всеобщаго равенства. Все стремится къ этой задачѣ. Буржуазія ищетъ безличнаго, неопределеннаго повелителя и находить его въ «большинствѣ».

Но съ тѣхъ поръ, какъ была пролита кровь за собственность, подданные начали сознавать себя собственниками.

На смѣну исключительныхъ правъ привилегированныхъ сословій выступило ихъ право собственности.

«Буржуазія — заслуженное дворянство», «здравый смыслъ» — ореоль ея величія; буржуа — слуги государства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они свободны: добрый гражданинъ наслаждается, наконецъ, «политической свободой», которой онъ былъ лишенъ такъ долго.

Онъ берегаетъ свою «индивидуальную свободу» отъ личнаго произвола повелителя, не замѣчая своего подчиненія невидимому повелителю — законности государства.

Изъ заблужденій эпохи одни получаютъ выгоду, другіе — убытокъ. Въ буржуазномъ государствѣ выигрываетъ капиталистъ. Значеніе капиталиста — въ его день-

гахъ, въ производительности его капитала, въ трудѣ и рабоцнныхъ ему рабочихъ.

Допустимъ, я живу милостями государства, сохраняя и получая все только съ его соизволенія. Но какое значеніе можетъ имѣть для меня покровительство государства, если мнѣ нечего терять. Оно сведется тогда къ защищѣ привилегій моихъ грабителей. Мы видимъ, что трудъ рабочихъ не опѣнивается по его достоинству, потому что государство поконится на порабощеніи труда; «когда трудъ свергнетъ это иго рабства, тогда придетъ конецъ и государству».

Послѣ краткаго указанія на огромнѣйшую силу рабочаго класса, силу, еще не сознанную имъ, Штириеръ переходитъ отъ политическаго къ соціальному либерализму.

При политическомъ либерализмѣ равны лишь люди, при соціальномъ равна и ихъ собственность. Какъ тамъ никто не смѣеть повелѣвать, такъ здѣсь никто не смѣеть «имѣть». Тамъ господствуетъ государство, здѣсь общество. Что такое общество? Всѣ. Духъ играетъ у соціалистовъ ту же роль, какую нація играетъ у политиковъ.

У общества нѣтъ единаго собственного тѣла; тѣмъ не менѣе, только ему принадлежитъ личное право собственности. Передъ нимъ, верховнымъ собственникомъ — мы всѣ нишіе. Въ этомъ мы всѣ равны и поэтому работаемъ всѣ для одного, и одинъ для всѣхъ. «Въ трудѣ источникъ нашего достоинства и нашего равенства. Мы болѣе не христіане, мы независимы отъ счастья; насть возмущаетъ ученіе о наслажденіи жизнью, мы презираемъ мѣщанско счастье. Шесть рабочихъ дній недѣли должны быть посвящены исключительно

работѣ, а въ воскресенье мы будемъ проявлять братскія чувства».

Коммунизмъ уничтожилъ конкуренцію и азартную гонку за благами міра: всѣ трудятся, и всѣмъ принадлежитъ все. При буржуазномъ строѣ блага были свободны, при коммунистическомъ мы покоримъ ихъ себѣ.

Гуманный либерализмъ взялъ на себя задачу доказать, что подобное завоеваніе еще не дѣлаетъ насъ истинными людьми.

Гуманнымъ называется критический либерализмъ, такъ какъ, критикуя, онъ не нарушаетъ принципа либерализма человѣка; критикъ всегда остается либераломъ. «Гуманный, значитъ — святой».

Всѣ усилия рабочихъ клонятся къ собственному благополучію; либералы провозгласили человѣка свободнымъ по рожденію. И тѣ и другіе не имѣютъ въ виду человѣчества въ его цѣломъ, а преслѣдуютъ чисто эгоистическія цѣли, эксплоатируя одни — общество, другіе — государство.

Только чисто человѣческие интересы заслуживаютъ уваженія гуманистовъ. Только мое полное безкорыстіе увѣляетъ меня въ ихъ глазахъ человѣкомъ. Не удовлетворяясь ни обществомъ, ни государствомъ, гуманизмъ сохраняетъ и то, и другое, соединяя ихъ въ одномъ понятіи человѣческаго общества.

Вместо того, чтобы просто сказать себѣ: «я — человѣкъ», онъ ищетъ человѣка — тѣлесный, живой образъ бесплотной идеи.

Гуманизмъ презираетъ самосознаніе батраковъ и общественный трудъ рабочихъ, презираетъ и свободу личности, провозглашенную буржуазнымъ самосознаніемъ, — онъ признаетъ лишь человѣческое сознаніе и устанав-

ливаетъ слѣдующій послѣдній принципъ: «человѣкъ — выше всего и прежде всего».

Всѣ эти разногласія между либералами не привели до сихъ поръ къ непримиримой борьбѣ, къ расколу: они сводятся лишь къ спору за ту или иную мѣру свободы между умѣренными и болѣе крайними: одни хотятъ поменьше, другіе побольше свободы, нѣкоторые требуютъ даже «полней свободы». Ихъ общий смертельный врагъ это — я, эгоистъ, «не-человѣкъ». Я далекъ отъ буржуазнаго государства, отъ отбросовъ трудовыхъ элементовъ и идеального человѣчества. Свобода перваго — не моя свобода, благополучіе вторыхъ — не мое благополучіе, и права человѣка — не мое право. Либералы тѣшатся призракомъ, думая, что освободились отъ монарха, отъ собственности, отъ Бога. Они попали въ новое рабство — въ рабство государства, у нихъ новая забота — трудъ, новая вѣра — человѣкъ.

И не можетъ быть иначе, такъ какъ либерализмъ стремится къ разумному порядку, нравственному образу жизни, къ ограниченной свободѣ, а не къ анархизму, не къ беззаконію, не къ самобытности. Я пользуюсь однако завоеваніями либерализма. У критики я научился освобождающему анализу, и чего, повидимому, добился человѣкъ, того добился я и только я».

Въ то время, какъ Штирнеръ писалъ свою книгу, критика неустанно подвигалась впередъ, что и побудило Штирнера дополнить отдѣль о либерализмѣ примѣчаніемъ, въ которомъ онъ коснулся послѣднихъ ея положеній.

Государство, даже въ качествѣ свободнаго государства, теперь отвергается, потому что оно не въ состояніи выполнить задачу человѣческаго общества.

Объектомъ критики является теперь масса, — отвлеченное существо. Задавленная одураченная въ эпоху просвѣщенія масса, не можетъ удовлетвориться гипотезой критики — человѣкомъ. Отрицая догму, критикъ не оставляетъ однако почвы догматика — почвы мысли. При решеніи своей задачи, онъ остается чуждъ безмысленному ликованию, онъ заключенъ въ предѣлахъ мышенія, въ религіозномъ мірѣ.

Но я буду преступникомъ въ царствѣ мышенія. Я хочу, не отдавая никому отчета, дерзостно разрушить его формы. Я хочу свергнуть наглый произволъ государства и подчинить его себѣ.

Я использую и послѣднее откровеніе критики, если всѣ, когда-либо высказанныя предположенія обращаются при этомъ въ ничто, а не претворяются во что-либо новое».

* * *

Вновь открытый человѣкъ сталъ нашимъ богомъ. «У порога новаго времени стоять богочеловѣкъ.» Человѣкъ уничтожилъ человѣка, чтобы стать единственнымъ богомъ. «Потусторонній міръ, находящійся въ насъ отброшенъ; потусторонній міръ внутри насъ обратился въ новое небо».

Когда въ богочеловѣкѣ умрутъ и богъ, и человѣкъ, будемъ жить мы.

Кто же станетъ теперь на порогѣ новаго времени? Мы уже знаемъ отвѣтъ, онъ гласить: «Я».

Обладая своей самобытностью, я обладаю своей силой, своими связями, своимъ самонаслажденіемъ, и я обладаю самобытностью, когда сознаю себя единственнымъ.

Что такое моя самобытность? — Христіанскій идеаль-

свободы, сладкий сонъ, по которому всѣ томятся въ страстномъ желаніи? Нѣтъ,—«свободенъ я лишь отъ того, отъ чего я освободился, и обладаю тѣмъ, чѣмъ овладѣлъ»... «Самобытность—все мое существо, все мое существованіе, я самъ». Моя свобода будетъ совершенна впервые, когда она будетъ моей силой. Всякая другая свобода—лишь стремленіе къ опредѣленной свободѣ и всегда заключаетъ въ себѣ зародыши новаго господства... Свобода можетъ быть только полной свободой, кусочекъ свободы—уже не свобода. Если хотите добиться свободы, исчерпайте ея требованія. Тогда я освобожусь отъ всего, что не я и останется только мое я. Но мнѣ недостаточно освободиться отъ того, что меня угнетаетъ, я хочу еще обладать моей силой.—«Лишь самобытный свободенъ по рожденію, «свободный» еще только стремится къ свободѣ.» Только та свобода, которую ты самъ себѣ возьмешь, приведетъ тебя къ самоосвобожденію. Моя личная выгода, мое своекорыстіе обращаетъ меня въ царство моей самобытности, она не прибѣгаєтъ къ чужому масштабу; самобытность—не идея, «самобытность—лишь описание самобытнаго».

Христіанство сдѣлало послѣдній выводъ: либерализмъ провозгласилъ истиннаго человѣка, и христіанская религія стала религіей человѣчества, она стала религіей свободнаго государства, стоящаго на стражѣ противъ «не-человѣка»—эгоиста.

Не Богъ, а человѣкъ сталъ господиномъ, связующимъ началомъ, духомъ всего. Человѣкъ обусловливаетъ мое право, онъ устанавливаетъ границы моихъ связей съ окружающимъ, въ немъ мое достоинство. «Могущество принадлежитъ человѣку, весь міръ принадлежитъ человѣку, человѣку принадлежитъ мое я».

На вопросъ, кто же человѣкъ?—я отвѣщаю: «это я самъ!» Государство и я—враги. Мнѣ смѣшно его требование быть человѣкомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно его понимаетъ. Я кощунственно возстаю противъ человѣка!

Моя мощь есть моя собственность: благодаря ей, я самъ являюсь своей собственностью, и она даетъ мнѣ мою собственность. Я самъ—свой мощь. «Право ничто иное, какъ властная воля общества». Всякое существующее право есть право пожалованное. Я долженъ уважать право во всѣхъ его формахъ и подчиняться ему. Къ чему? какое значеніе можетъ имѣть для меня право общества, право «всѣхъ», что мнѣ равноправіе, борьба за право, естественные права?

Въ сущности право—пустой звукъ. Государство держится господствующей волей, послѣдняя не считается съ моей волей. Всякое государство—насилие: все право, вся сила принадлежитъ народному собранию.

Но я не дамъ себя связать, я не знаю долга.

Пусть государство клеймить во мнѣ, какъ преступленіе, то, что совершаю считаю своимъ правомъ.

Государство не видить во мнѣ равнаго ему «я». Оно смотритъ на меня, какъ святой на грѣшника, и эта идея святости порождаетъ преступленія.

Но «конечная и наиболѣе обостренная противоположность единаго единому» исчезаетъ, въ «совершенной обособленности или единичности».

Что-же такое мое право?

Я имѣю право на то, что я считаю правильнымъ, на что я себя уполномочилъ. Мое право простирается на все, что находится въ моей власти.

«Право и рицарно, вѣрить въ него безумно; сила—я самъ, ибо я силенъ и обладаю силой».

«За моей мощью надъ міромъ слѣдуютъ мои связи съ нимъ»...

Почти половину своей книги посвящаетъ Штирнеръ этой главѣ. Сначала онъ ополчается противъ враждебнаго, чуждаго господства, задавшагося цѣлью всѣми способами подавлять и уничтожать его «я». Далѣе, Штирнеръ показываетъ намъ сложное сплетеніе нитей, связывающихъ насть съ міромъ, сплетеніе, возникающее изъ столкновенія или гармоніи нашихъ интересовъ.

Народъ—человѣчество и семья («народецъ среди народа»)—питается мною, эгоистомъ. Но народная свобода—не моя свобода, и общее благо—не мое благо. Можетъ быть, оно удовлетворяетъ требованіямъ человѣчества, но для меня совершенно бесполезно. Въ понятіи «народъ» нѣтъ для меня ничего святого. «Всякая святыня—узда и оковы». Я, «единственный», на все смотрю съ точки зрѣнія его полезности для меня «Въ гибели народа и человѣчества я обрѣту мое возвышеніе».

Христіанскіе народы создали два общества: государство и церковь. Они образуютъ общества и требуютъ отъ нихъ общественности. Возьмемъ для примѣра семейный союзъ. Что это, какъ не отданіе, не часть одной большой тюрьмы? А государство—раздвинутая вширь семья. Я не буду свободнымъ ни въ одномъ государствѣ. Свободная дѣятельность отдельныхъ людей не совмѣстима съ нимъ; оно имѣть дѣло только со своими слѣпыми орудіями.

Поклонникъ государства—вотъ истинный политический дѣятель; его горизонты не выходятъ за предѣлы его партіи. «Добрый гражданинъ», это—воплощенное стремле-

ніе къ законности: онъ добровольно склоняется передъ я карающей десницей. Но всякия кары должны исчезнуть, какъ исчезла уже церковная кара.

Кто не служить семье, партіи, націи, тотъ все-таки живеть для человѣчества и служить ему. «Народъ именуется тѣло, а государствомъ духъ той властной личности, которая такъ давно меня угнетаетъ» «Я самъ—обладатель человѣчества, я самъ—человѣчество и ничего не сдѣлаю для блага какого-то другого человѣчества».

Собственность человѣчества—моя собственность, его собственности я не уважаю.

Бѣдность возникаетъ отъ того, что я не могу использовать себя, какъ хочу. Государство мѣшаетъ мнѣ стать въ открытыя отношенія къ другимъ. Милостью права существуетъ частная собственность; я могу конкурировать только въ установленныхъ имъ границахъ; я могу употреблять только одно установленное имъ средство обмѣна—деньги. Мѣняются формы, но не наимѣренія государства.

Но моя собственность, это—все, «чѣмъ я хочу завладѣть». «Дерзай, моя сила!» «Я хочу надѣяться только на самого себя».

Вы не усыпите меня своею любовью и не привлечете меня никакими обѣщаніями участія въ общемъ благѣ. Вопросъ собственности будетъ разрѣшенъ только войной всѣхъ противъ всѣхъ. «Что станетъ дѣлать рабъ, когда онъ разобьетъ свои цѣпи, будетъ видно потомъ».

Какъ можете вы, представители буржуазіи, говорить о свободѣ конкуренціи, когда у меня даже нечѣмъ конкурировать? Оставьте меня въ покой вы, благодѣтели человѣчества, со своимъ раздѣломъ имуществъ!—

Я возьму все, что мнѣ нужно, и мнѣ нужно, все, что подвластно моей силѣ.

«Мое слово принадлежитъ мнѣ, и если мнѣ нужна свобода слова, я беру ее». Она дѣлается тогда моей собственностью, когда я никого не считаю вправѣ дать мнѣ ее или отнять.

Мнѣ чужды «завѣты любви». Любовь—моя собственность, какъ всякое другое чувство. Я дарю свою любовь, я раздираю, я расточаю ее, потому что она даетъ мнѣ счастье. Завладѣйте ей, если думаете, что имѣете на нее право. Я не позволю ставить преграды монимъ ощущеніямъ и указывать цѣль моимъ чувствамъ. Между мной и міромъ существуетъ только одно соотношеніе:—его пригодность для меня. «Да, я эксплоатирую міръ и людей!»

Я не обману довѣрія, добровольно вызванного мной; я спрошу только «далъ ли я довѣряющему право на это довѣріе». Если онъ захочетъ наложить на меня узду, то скоро убѣдится, что я умѣю ее сбрасывать. Клятва, сама по себѣ, также мало свята, какъ ложь—презрѣнна.

Общество—наше естественное состояніе. Его разложеніе начинается съ нарожденіемъ взаимной связи между людьми, съ нарожденіемъ союза. Изъ дальнѣйшаго слѣдуетъ, что общество ограничиваетъ свободу и самобытность. «Нападки общества меня не задѣнутъ, но за свою самобытность я никогда не устану бороться».

Общеніе между людьми создаетъ общественные законы. Коммунизмъ—общественность въ формахъ всеобщаго равенства. «Но мнѣ ближе своекорыстіе людей, чѣмъ ихъ состраданіе»...

Я стремлюсь не къ общности, а къ обособленности. Можно отстоять себя въ союзѣ, но въ обществѣ

ты всегда будешь порабощенъ. Ты или общество, собственникъ или ницій, эгоистъ или соціалистъ!

Надъ порогомъ новой эпохи—надпись: «используй себя!»

Возстань противъ теченій, угрожающихъ твоей самобытности... Возмущеніе, а не революція!

У меня нѣтъ обязанностей въ отношеніи другихъ. Меня не смирить никакая власть.

Требованія, предъявляемыя міру гуманистами и моралистами звучать, какъ *risa desideria*. Мое же отношеніе къ міру въ томъ, что я пользуюсь имъ. Я пользуюсь имъ въ цѣляхъ самонаслажденія.

Старый міръ помышлялъ и заботился лишь о жизни. Мы же ищемъ наслажденія жизнью. Какъ далеко мы ушли отъ него: мы ищемъ только себя, владѣемъ и наслаждаемся собой.

Тысячелѣтія томленій и надеждъ лежать за нами; впереди насъ ждутъ времена наслажденія.

Изъ первой суровой человѣческой жертвы возникло самопожертвованіе во имя своей задачи, своего призванія. Поэтому, теперь наша жизнь не принадлежитъ намъ, самоубийство—преступленіе. Призваніе либерала—человѣчность. Но человѣкъ обладаетъ силами, а не призваниемъ, и «онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ быть». Силы проявляются свободно; ихъ примѣненіе не призваніе, но «постоянное, дѣйственное и конкретное дѣяніе».

Люди таковы, какими они должны и могутъ быть, мудрецъ же видитъ ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, а не такими, какими они должны быть.

Въ периоды силы духовенства и схолостики силенъ протестъ противъ эгоизма, противъ личности.

«Вся пройденная нами исторія есть исторія духов-

наго человѣка». Тысячелѣтіями развивалась въ немъ способность къ образованію. Я воспринимаю опытъ тысячелѣтій; но «я хочу большаго».

«Каковъ человѣкъ, таково и отношеніе его къ окружающему». Или я подчиняюсь созданію своей воли или остаюсь ея, постоянно вновь творящимъ, создателемъ.

Свободное мышленіе—не мое мышленіе; оно руководить мною; я владѣю своей собственной мыслью. Свободная чувственность попираетъ меня; собственную чувственность я удовлетворяю, какъ я хочу.

Что такое свобода мысли? Пустой звукъ. — Всякая мысль—мое созданіе.

Языкъ—величайшій тиранъ: онъ является предводителемъ цѣлаго полчища болѣзненныхъ людей, выступившихъ противъ насы на поле браны, и языкъ, подобно мысли, долженъ быть моей собственностью.

Что такое истины?—Для вѣрующаго человѣка онъ—установленный фактъ. «Истины не болѣе, какъ фразы, известный способъ выраженія, слова; приведенные во взаимную связь онъ образуютъ логику, науку, философию. Пока продолжается господство мышленія,—іерархія, при которой попы во всѣхъ видахъ завладѣли словами,—до тѣхъ поръ будуть вѣрить въ принципы, до тѣхъ поръ будуть ихъ критиковатъ, такъ какъ за критикой всегда скрывается какая нибудь руководящая «истина».

Но моя критика ничему не служить, моя критика самобытна. Мое мышленіе не исходить ни изъ какихъ предположеній, «моему мышленію предшествую только я». Для данной мысли я служу предположеніемъ и тѣмъ

самымъ я являюсь собственникомъ мысли, и мышленіе—моей собственностью.

Не человѣкъ есть мѣрило всего, а мое я. Цѣнность истины не въ ней самой, а во мнѣ. Сама по себѣ истина, какъ и мысль, не имѣть значенія, она лишь мое созданіе. Я люблю подвластныя мнѣ истины и не признаю истины, стоящихъ надо мной. «Истинно то, что принадлежитъ мнѣ, то, что владѣеть мною — должно». Союзъ истины, а государство и общество ложны.

То же можно сказать и относительно идеи. Ея реальность въ томъ, «что ею владѣю я, облеченный въ плоть и кровь». Между тѣмъ критика борется съ одной идеей при помощи другой. Въ началѣ, какъ и въ концѣ христіанства идетъ все та же борьба противъ эгоизма. и «я обязуюсь проявлять не себя, а идею, всеобщность».

Бесознательно мы все стремимся къ самобытности. Но бесознательное дѣйствіе постоянно останавливается на поль-дорогѣ, и мы снова попадаемъ, какъ рабы, въ объятія новой вѣры.

Но я, смеясь, буду следить за борьбой.

Обладая всѣмъ, я могу забавляться «игрой моего юмора съ великими мыслями, возвышенными чувствами, святыми откровеніями».

Я постигъ, что мы все—совершены. Земля кишить дураками, вообразившими себя грѣшными. Но грѣшики существуютъ только въ большомъ воображеніи; здоровый ихъ не видеть. «Ты, воображающій себя другомъ честолюбства, толкаешь его въ грязь грѣховъ».

Но я не желаю отравлять себѣ своего самонаслажденія. Я не служу никакому верховному существу, я служу лишь самому себѣ. Такимъ являюсь я не только на дѣлѣ и въ

бытии, но также и въ своеемъ самосознаніи — „единственнымъ“.

Я представляюсь не однимъ изъ многихъ другихъ „я“, но своимъ собственнымъ, единственнымъ „я“. Все во мнѣ единственно, и только въ качествѣ такого „я“, я себя осуществляю, развиваю и присваиваю себѣ все въ свою собственность...

«Такова моя связь съ міромъ!»

Послѣднія, немногія страницы книги посвящены «Единственному». Еще разъ охватываются здѣсь дохристіанскій и христіанскій періоды, съ ихъ противоположными стремленіями, перваго — къ «Св. Духу», второго — къ «просвѣтленной плоти», снова звучить здѣсь непримиримое противорѣчіе между реальнымъ и идеальнымъ, и еще разъ мы убѣждаемся, какъ то и другое разными путями пришло къ той же цѣли, низведя на землю божественное начало, получившее въ концѣ цикла христіанскихъ воззрѣній название «человѣка». — «Человѣкъ» завершаетъ этотъ циклъ, въ качествѣ всемірно-исторического „я“. Чары христіанства разрушаются, когда наступаетъ разладъ между бытіемъ и призваніемъ.

Потому что «Единственный» самъ — свое всемірно-историческое „я“, у него нѣть призванія; онъ живеть, не заботясь ни о благѣ, ни о страданіяхъ человѣчества.

Меня не исчерпываетъ ни одно название, меня нельзя выразить никакимъ понятіемъ. Я совершененъ.

«Я становлюсь собственникомъ моей мощи, когда я сознаю себя „единственнымъ“. Все, что становится выше меня, — Богъ ли, человѣкъ ли — исчезаетъ при этомъ сознаніи. На себѣ, на «единственномъ», «на бренномъ и смертномъ творцѣ, который самъ же себя и пожираетъ», утверждаю я свое дѣло...

Такъ заканчивается книга.

И еще разъ, въ концѣ, какъ и въ началѣ слышитъ лиющую блаженный смѣхъ:

«Ничто», вотъ на чёмъ я утвердилъ свое дѣло! —

Такъ говорить съ нами Максъ Штирнеръ.
Чѣмъ мы отвѣтимъ ему?

Попытка произвести оцѣнку его произведенія, можетъ быть сведена развѣ — только къ передачѣ его словъ, тѣмъ не менѣе, мы должны сдѣлать попытку хотя бы легкими штрихами намѣтить тѣ черты, которыя дѣлаютъ его такимъ, изъ ряда воинъ выходящимъ, явленіемъ.

Значеніе «Единственного», какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь скорѣй чувствуется, угадывается, чѣмъ сознается. И можетъ ли быть иначе въ наши времена, когда все, за что мы цѣнились до сихъ поръ, рушится? И хотя мы воодушевлены горячимъ желаніемъ замѣнить старыя цѣнности новыми, и старое, отстоявшееся вино не сохраняется, а постоянно переливается въ новые мѣха, но мы еще далеки отъ убѣжденія въ совершенной безцѣнности многихъ, многихъ цѣнностей!

Мы родились между ночью и днемъ. Наполовину пробужденные, мы протираемъ еще заспанные глаза и не решаемся взглянуть на свѣтъ.

Мы не можемъ разстаться со старыми убѣжищами нашихъ понятій, хотя бы онѣ рушились у насъ надъ головами; мы слишкомъ трусливы, чтобы покинуть старое отечество и довѣриться морю самосознанія, которое одно только можетъ принести насть къ новымъ берегамъ. У насъ нѣть настоящаго довѣрія къ будущему или, можетъ быть, наоборотъ, у насъ его слишкомъ

много: потому что у насъ нѣть никакого довѣрія къ самимъ себѣ.

Конечно, мы не вѣруемъ больше и въ Бога. Мы сдѣлались атеистами, но остались «благочестивыми людьми». Мы не молимся больше передъ идолами церкви, но мы преклоняемся передъ святыней нашего внутренняго міра.

Мы попрежнему дремлемъ, и горечь нашего про- пробужденія все та же. Только просыпаемся мы все чаще, наши иллюзіи, созданныя опьяненіемъ борются съ сомнѣніями, онѣ не имѣютъ ничего общаго съ вѣчнымъ, святымъ упоеніемъ первыхъ истинныхъ хри- стіанъ.

Тогда выступилъ среди нась этотъ человѣкъ.

Онъ явился не для низложения священниковъ: онъ не служить ни Богу, ни идеѣ; онъ не озабоченъ нашимъ поученіемъ: онъ предоставляетъ намъ вѣрить или отвергать то, что онъ говоритъ. Нѣть у него и заботливости врача: онъ предоставляетъ намъ жить или умирать, такъ какъ онъ знаетъ, что наша болѣзнь въ на- шемъ воображеніи. Онъ не является также философомъ, пытающимся уловить нась въ сѣти новой спекулятивной системы: эту привилегію предоставляетъ онъ неуклюжему, темному, непонятному языку, какимъ можетъ пользоваться только тотъ, кто не желаетъ, чтобы его поняли окружающіе; Штирнеръ не побоялся со- здать себѣ свой особый языкъ, зная, что всякое знаніе будетъ воспринято, если его хотять воспринять.

О нась онъ не говоритъ; онъ едва говоритъ съ нами.

Онъ говоритъ о себѣ, и всегда только о себѣ—и мы видимъ, какъ его я сбрасываетъ съ себя оковы, одни

за другими, и, наконецъ, освободившись совершенно, возстаетъ передъ нами въ гордомъ самовластіи, какъ свой собственный господинъ: непобѣдимое на томъ мѣстѣ, которое оно себѣ, наконецъ, завоевало.

Штирнеръ возвѣщаетъ намъ ничто иное, какъ высшее просвѣтленіе индивидуума, его несравненность, его «единственность». До сихъ порь говорили только о его правахъ и его обязанностяхъ, о томъ, гдѣ они начинаются и гдѣ кончаются. Жребій брошенъ. И такъ какъ мы не можемъ вернуться къ мраку, мы должны отдаваться дню.

Теперь выяснилось, что мы всѣ—эгоисты. Изслѣдо-ваніе нашихъ дѣйствій показываетъ намъ, что въ одной области мы зашли настолько далеко, что сами боимся себѣ въ этомъ сознаться, а въ другомъ отно- шеніи совершенно запутались въ неразрѣшимыхъ про- тиворѣчіяхъ. Безполезно далѣе обманывать себя и дру- гихъ въ мотивахъ нашего поведенія. Теперь намъ остается сознательно подчиниться имъ.

Будущее покажетъ, чѣмъ мы обязаны Штирнеру, если намъ не показалъ еще этого примѣръ тѣхъ, кто уже подчинился въ своей жизни его велѣніямъ.

Это наше послѣднее познаніе. Не будемъ-же дольше колебаться...

Ночь была слишкомъ длинна; день такъ долго не приходилъ!...

Подъ вліяніемъ Штирнера расправляются согбенные спины. Онъ вкладываетъ мечъ въ ослабѣвшія руки. Благодаря ему, мы лишены вѣры, но зато обладаемъ теперь увѣренностью.

Онъ напомнилъ намъ о нашихъ собственныхъ инте- ресахъ, интересахъ обыденныхъ, личныхъ, исключитель-

ныхъ. Онъ зоветъ насъ слѣдовати имъ, вмѣсто того, чтобы жертвовать собой для идеального, святого, чужого, для всеобщаго блага. Онъ вернулъ намъ счастье жизни, казалось, навсегда нами утерянное.

Онъ вскрылъ сущность правового государства, соціалистического общества, сущность человѣчества въ представлѣніи гуманистовъ, и мы увидѣли въ нихъ преграду нашей самобытности.

Онъ разрушилъ авторитеты, сокрушилъ господствующую волю большинства, волю массы и ея привилегій, и на мѣсто гражданина, рабочаго, человѣка — встало «Я». Духъ отрицанія смѣнился живымъ созданіемъ.

Но это еще не все. Посвятивъ одну часть обстоятельному изслѣдованию причинъ, благопріятныхъ для развитія «Я» до его «единственности», онъ показываетъ намъ это «Я» во всемъ его могуществѣ, въ его связи съ міромъ, въ его самонаслажденіи. Онъ указываетъ намъ на его оружіе и рисуетъ его окончательную побѣду.

На смѣну нашему усталому, измученному, истязающему себя роду выступаетъ гордый, свободный родъ «единственныхъ», — родъ, которому принадлежитъ будущее.

То, что Штирнеръ сдѣлалъ, онъ сдѣлалъ для себя, потому что въ этомъ была его радость.

Онъ не требуетъ поэту благодарности, и мы ему ничего не должны.

Онъ напоминаетъ намъ только о нашемъ долгѣ передъ самимъ собой.

Вотъ что онъ сдѣлалъ. Не менѣе достойно удивленія, какъ онъ это сдѣлалъ.

Если самобытность и сила — признаки истиннаго

генія, то Максъ Штирнеръ былъ безусловно выдающимся геніемъ.

И на міръ, и на людей онъ смотрѣлъ своими глазами, и все освѣщено передъ нимъ яркимъ свѣтомъ дѣйствительности. Ночь прошедшихъ временъ не можетъ затемнить его взгляда, его не смутятъ страстныя стремленія современности. Онъ вполнѣ оригиналъ. Ни одно сочиненіе не было написано съ такимъ безпристрастіемъ и непредубѣжденностю, съ какимъ написано «Единственный и его собственность». Штирнеръ все отрицаєтъ, лишь «ничто» и принимаетъ онъ за данное и прочное, — лишь свое собственное «Я».

Ничто его не смущаетъ, ничто его не пугаетъ, ничто не импонируетъ ему... Вѣрный сынъ своего критического времени, онъ ушелъ такъ далеко впередъ, что начинаетъ тамъ, где другие кончаютъ. Очевидно, что безпристрастіе придаетъ его словамъ особенную силу, смущающую однихъ и воодушевляющую другихъ.

Ничто не можетъ сравниться съ логикой мыслителя: несокрушимая послѣдовательность его заключеній не останавливается передъ самыми крайними выводами, онъ не даетъ читателю довести свою мысль до конца, и дѣлаетъ это самъ. Онъ разлагаетъ, одно за другимъ, самыя, казалось, неоспоримыя понятія, и они распадаются. Онъ изслѣдуетъ слово, пока не постигнетъ его истиннаго смысла, который часто оказывается прямо противоположнымъ ранѣе установленному. Онъ разви- чиваетъ дутое величіе громкихъ словъ, показываетъ ихъ пустоту и возстановляетъ честь словъ, пренебрегаемыхъ, подвергнутыхъ опалѣ въ обиходномъ языкѣ. Такъ учимся мы у него правильному употребленію словъ.

Не только до сихъ поръ не удалось открыть въ немъ ни одного внутренняго противорѣчія, но будущему останется только разрабатывать заложенное Штирнеромъ на долгія времена. Раскрылись новые безграничные горизонты, и старый споръ оконченъ навсегда.

Его произведение, божественно беззаботное, стоитъ передъ нами, вооруженное беспощадной логикой, какъ дѣяніе мужа, про которое можно сказать словами одного изъ проницательнѣйшихъ мыслителей нашего времени, что оно «создано съ такимъ расчетомъ, чтобы угодить не другимъ, а прежде всего самому себѣ».

Штирнеръ не могъ жить, какъ ему хотѣлось, это вызвало въ немъ протестъ, которому его трудъ обязанъ своимъ появленіемъ на свѣтъ. Трудъ всей его жизни наложилъ на него печать своего свободнаго духа, и это вызвало неистовый крикъ надрывающагося фанатизма.

Покой, самообладаніе, вдумчивость, ясность, иронія, широта взгляда — вѣрные признаки истинной свободы, тогда какъ ненависть, неувѣренность, негодованіе, пафосъ, неуступчивое упорство и мелочность — признаки поклонника грубой силы.

Весенняя свѣжая жажда битвы проникаетъ книгу, съ первой страницы до послѣдней. Штирнеръ стремится встать противъ равнаго ему противника, онъ мечтаѣтъ видѣть предъ собой живого врага, которому онъ могъ бы посмотретьъ прямо въ глаза, котораго онъ могъ бы схватить, врага, исполненнаго мужества, который возбуждалъ бы и въ немъ отвѣтное мужество.

Но если врагъ трусливо убѣгаетъ отъ него, и Штирнеръ схватываетъ лишь обманчивый призракъ воображенія или тѣнь минувшаго, онъ бросается за нимъ, преслѣдуя его до самыхъ темныхъ закоулковъ и не

успокаивается до тѣхъ поръ, пока не извлечеть его изъ свѣтъ дня и не сорвать маски съ пугающаго, болѣзненаго призрака.

Онъ отбрасываетъ и мишуру, и грязь. Мишурѣ его не обольщаетъ, грязь не пугаетъ; мишурѣ духа, грязь нищеты исчезаютъ въ сознаніи его «единственности».

Его мужество вѣдь сравненія и не отступаетъ ни передъ какимъ врагомъ. Онъ не знаетъ надъ собой авторитета, потому что для него нѣтъ ничего святого. Онъ болѣе, чѣмъ сатирикъ, болѣе, чѣмъ критикъ. Онъ — воплощеніе великаго смѣха, имя которому — освобожденіе.

Онъ съ равнымъ мужествомъ борется со старыми понятіями, укоренившимися вѣчнаго теченіе тысячелѣтій, казалось, на вѣчныя времена, и съ новыми боевыми словами, на которыхъ нападаетъ, какъ на современные идеалы будущаго. И новыя, и старыя понятія оказываются плѣсенемъ и шелухой, какъ только онъ ихъ коснется.

Все, на что онъ нападаетъ, борется подъ однимъ знаменемъ, имѣть общіе признаки, исповѣдує одну вѣру. Но Штирнеръ борется одинъ. Онъ торжествуетъ и падаетъ лишь со своимъ «я». Онъ — блестящее оправданіе ибсеновскихъ словъ: «самый сильный человѣкъ тотъ, кто одинокъ»... — *Это слова Шиллера изъ «Вѣзы Медеи».*

Но осторожность Штирнера такъ же велика, какъ его мужество. Онъ не будетъ сражаться со скованными руками и говорить съ заткнутымъ ртомъ. Онъ не отдастся самъ въ руки врага. Ему известно, какъ тяжеловѣсно скуча въ своемъ богоподобномъ всемогуществѣ господствующая власть. когда она охотится на мухъ, нарушающихъ ея сонъ своимъ жужжаніемъ. Штирнеръ не

Сюжет

довѣрится лисицѣ, пробирающейся въ его жилище. Зная, что упоминаніе о «пруссакахъ» можетъ погубить трудъ всей его жизни, онъ съ прозрачной для ребенка ясностью говорить о «китайцахъ и японцахъ». Даже датскихъ правителей и соѣдняго «самодержца всея Руси» онъ называетъ «...»; въ другомъ мѣстѣ онъ говорить о «нѣкоторомъ государствѣ...». Все это дѣтски наивно, но, тѣмъ не менѣе, ему удается поднять на смѣхъ слѣпую власть. Если же онъ замѣчаетъ, что цѣпкія руки все-таки протягиваются къ нему, онъ бросаетъ игру и прямо защищается противъ обвиненія: онъ де употребилъ слово «возмущеніе» только въ его этимологическомъ смыслѣ, не касаясь того значенія, въ какомъ оно подлежитъ преслѣдованію закона.

Боевые доспѣхи мыслителя безупречны. Вѣрныя ему знанія сопровождаютъ его все время при разрѣшеніи имъ своей задачи.

Онъ неутомимо черпаетъ изъ исторіи прошлаго нужные ему примѣры. Будучи, очевидно, глубокимъ знатокомъ библіи, Штирнеръ постоянно беретъ изъ нея нужные ему доказательства. Ужъ одно великолѣпное изображеніе человѣка стараго и новаго міра могло бы свидѣтельствовать, какъ глубоко проникъ онъ въ исторію человѣческаго рода въ его внутреннихъ взаимоотношеніяхъ, если бы о томъ не свидѣтельствовала каждая страница его книги.

Говорять что Штирнеръ, въ противоположность Бруно Бауэрю, мало читалъ. Но это кажется сомнительнымъ если принять во вниманіе, какъ много сравнительно современныхъ сочиненій подвергъ онъ критикѣ. Онъ цитируетъ не только основательные труды своего времени, не только Ф. Пербаха, Бауера, первыя сочиненія Пру-

дона, въ которыхъ оказалось для него столько благодарнаго материала для критики, но и мимолетныя явленія текущей литературы, отвѣчающія лишь запросамъ дня и теперь совершенно забытыя. Цитаты эти онъ приводить не по памяти, а всегда самымъ тщательнымъ образомъ, слово въ слово, указывая источники, откуда они заимствованы.

Не только прошлое и настоящее, но и ежедневная жизнь влечетъ его въ свою пеструю глубину. Примѣрами, убѣдительными ужъ по своей обыденности, доказываетъ онъ безошибочность своихъ утвержденій.

Но Максъ Штирнеръ и его произведеніе единственны не по сокровищамъ его знаній, не по тщательности обработки, не по уму даже: ихъ дѣлаетъ единственными та, свойственная лишь генію, инстинктивная интуїція, которой нельзя выучиться. Только благодаря ей создалъ онъ грандіозную картину человѣчества, геніально разграничивъ въ ней существенное отъ несущественного. Нѣсколькими штрихами умѣеть онъ обрисовать и отдельную человѣческую жизнь, давая намъ возможность охватить ея развитіе съ дѣтства до зрѣлаго возраста и показать намъ въ огромномъ человѣческомъ потокѣ, стремящемся по землѣ, ходъ человѣческихъ идей на протяженіи тысячелѣтій. Штирнеръ впервые объясняетъ намъ появленіе идей, ихъ развитіе, движение и вырожденіе. Хаотическая масса обрѣтаетъ подъ его творческой рукой форму, и мы познаемъ ея дѣйствительный образъ.

Онъ ведетъ насъ одинаково увѣренно среди тумана прошлаго и сквозь пожаръ нашего боеваго времени. Ни удаленность, ни близость не смущаютъ его взора; онъ руководить нами въ чаѣ заблужденій, пока мы

не выходимъ на твердую почву будущаго съ возвышеннымъ гордымъ образомъ его собственника.

Языкъ и стиль Штирнера такъ-же оригинальны, какъ его мысли. Говоря о своемъ произведеніи, этомъ «трудномъ дѣлѣ лучшихъ лѣтъ своей жизни», онъ называетъ его «иногда неуклюжимъ выражениемъ того, что онъ хотѣлъ сказать». «Много пришлось мнѣ бороться, продолжаетъ онъ дальше, съ языкомъ, испорченнымъ философией, которымъ злоупотребляли поклонники государства, религіозные люди и, вообще, вѣрующіе, благодаря чему онъ сталъ теперь способенъ производить невообразимую путаницу понятій». Однако, языкъ Штирнера обладаетъ великими чарами. Въ немъ нѣтъ, правда, гибкости и мягкости, потому что онъ не хочетъ льстить и завлекать. Его нельзя назвать ни темнымъ, ни тяжелымъ, такъ какъ онъ не собирается никого ни смущать, ни потрясать. О немъ можно сказать большее: кристально чистый, онъ поражаетъ правдивостью, живостью и выразительностью. Онъ чуждъ фразы, въ немъ нѣтъ никакихъ противорѣчій, онъ не страдаетъ половинчатостью. Онъ не удовлетворяется намеками, но прямо идетъ къ цѣли, пока ея не достигнетъ...

Говорилось, что стиль Штирнера утомляетъ своими повтореніями. Но въ сущности, Штирнеръ никогда не повторяется. Онъ испытующе, каждый разъ по новому, подходитъ къ предмету изслѣдованія, пока не проникнеть въ его глубину и не разсмотрить его со всѣхъ сторонъ. Неподкупный взглядъ Штирнера съ поразительной многосторонностью опѣниваетъ вещи и людей. Говорить, что истина не страдаетъ отъ повторенія, и дѣйствительно, главное достоинство его книги именно въ постоянномъ предотвращеніи разныхъ возраженій, въ

щательномъ изслѣдованіи всевозможныхъ нападеній на верховную волю его «я». Если ему представляется нужнымъ, онъ не щадить и этимологического смысла изслѣдуемаго понятія (напримѣръ, понятія государства, общества и т. д.). Онъ особенно любить доискиваться истиннаго значенія слова. Часто, со свойственнымъ ему искусствомъ, раскрываетъ онъ его двусмысленность, дѣлая это, большей частью, съ непередаваемымъ на другомъ языкѣ остроуміемъ. Онъ любить сталкивать противоположности для доказательства ихъ непримиримости, благодаря чему разные примирители и половинчатые люди, злѣйше враги всякаго успѣха, обвиняютъ его въ парадоксальности.

Чтобы къ чему нибудь придраться, упрекали въ холодности его острый, точный, прямой языкъ, но и этотъ упрекъ падаетъ обратно на головы упрекающихъ; эти люди живутъ искусственнымъ огнемъ вдохновенія. Ихъ не согрѣваетъ чистое пламя жизни, которымъ проникнуть языкъ штирнеровской книги, зародившейся въ безпредѣльномъ, пылающемъ гнѣвѣ. Мы могли бы обвинить Штирнера въ нѣкоторой растянутости и тяжеловѣсности языка, благодаря которому онъ иногда только въ нѣсколько приемовъ преодолѣваетъ трудности изложения, еслибы мы не знали, какъ трудно ему было пробиваться сквозь чащу чуждыхъ и спутанныхъ понятій, среди сухихъ абстракцій, по дебрямъ гегелевской діалектики и современнаго либерального жаргона. За то, какъ свободно, съ какой легкостью подчиняется языкъ Штирнера своему господину, когда ему удастся, наконецъ, выразить свою мысль. Онъ отражаетъ и снисходительную насмѣшку, и юкое издѣвателство, свѣтлый смѣхъ и горькую серьезность. Его мысли изложены просто, легко и лишь изрѣлка высказываются съ пафосомъ возвышен-

ности. Тѣмъ неотразимѣе побѣждаетъ онъ нась своею страстью; его описание достойны кисти первокласснаго художника,— тамъ, гдѣ наряду съ неудовлетворившою страстью и погибающей отъ нея невинностью, идутъ строки, написанныя подъ звонъ праздничныхъ колоколовъ, «въ честь тысячелѣтія нашей милой Германіи»... И эту книгу упрекаютъ въ холодности? Сколько презрѣнія звучитъ въ осужденіи Штирнеромъ «истинныхъ развратителей молодежи, прилежно сѣющихъ плевела самоуничиженія и возвеличенія Бога, покрывающихъ плѣсенью юные сердца и засоряющихъ юные головы!» И какой ненавистью, какой жестокой гордостью дышетъ его описание сумасшедшаго дома, которымъ кажется ему напѣть міръ, съ дикими увеселеніями его жителей, ихъ мстительностью и трусливостью!

Въ высшей степени подвижный языкъ, отличаясь неистощимой выразительностью, обладаетъ также и прозрачной ясностью. Благодаря этому чтеніе «Единственного и его собственности» доступно каждому мыслящему человѣку. Ужъ по одному этому цеховые философы отрекаются отъ него. Но это въ сущности ничего не прибавляетъ и не убавляетъ отъ его славы. Только тогда, когда наука будетъ свободной, какъ свободно искусство, Штирнеръ займетъ достойное его мѣсто. Книга его пройдетъ черезъ тысячи рукъ, и смена его мыслей разнесутся по всей землѣ.

Эту книгу нельзя прочесть въ одинъ разъ. Ее нельзя также только просмотрѣть. Время отъ времени за нее нужно приниматься, потомъ откладывать, чтобы дать улечься въбудораженнымъ мыслямъ и проясниться взволнованнымъ чувствамъ. Чѣмъ ближе мы подойдемъ къ Штирнеру, тѣмъ продолжительнѣе будетъ впечатлѣніе,

тѣмъ сильнѣе его чары. Его вліяніе будетъ сопровождать насъ въ жизни, и, какъ жизнь никогда не бываетъ изжита до конца, такъ не можетъ быть никогда исчерпано и его произведеніе...

Потому что эта книга—сама жизнь.

* * *

Критика была беспомощна передъ «Единственнымъ и его собственностью».

Она не могла пройти молчаніемъ произведеніе, такъ сильно взволновавшее умы, но всячески старалась какъ-нибудь уклониться и, хотя отчасти, снять съ себя свою обязанность по отношенію къ этой работѣ. Причина этому весьма проста: она—въ безсиліи критики.

Благодаря этому, число серьезныхъ и обстоятельныхъ отзывовъ о книгѣ сравнительно очень незначительно, хотя ихъ все-таки слишкомъ много для насъ, не имѣющихъ возможности разобрать обстоятельно ни одного изъ нихъ, какъ бы они этого не заслуживали.

Но все-таки необходимъ, если не обстоятельный, то хотя бѣглый обзоръ критики, чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе объ оказанномъ книгѣ приемѣ.

Къ наиболѣе интереснымъ отзываамъ относятся тѣ, которые заслужили вниманіе Штирнера, и на которые онъ самъ лично отвѣчалъ. Поэтому мы займемся ими съ большою обстоятельностью.

Что касается большихъ газетъ того времени, то, насколько удалось ихъ пересмотрѣть, онѣ совершенно замалчиваютъ эту книгу. Они считали ниже своего достоинства оказать вниманіе значительному литературному явлению, предпочитая заполнять свои столбы те-

кущими сплетнями или пространными статьями, посвященными интересамъ дня.

Время «галльскихъ» и «германскихъ ежегодниковъ» прошло, и все значительное и серьезное все чаще должно было умѣщаться въ тѣсныхъ рамкахъ фельетона.

Нѣсколько болѣе милостивы были журналы и обозрѣнія. «Литературная Бесѣда», имѣвшая, впрочемъ, обыкновеніе говорить обо всемъ, посвятила длинную статью «Единственному», въ которой пыталась понять его сущность. Она усмотрѣла въ немъ экспессъ умирающей философской школы. Его пониманіе духа было въ ея глазахъ совершенно ошибочнымъ, а именно, материалистичнымъ. Она называла Штирнера гласомъ вопиющаго въ пустынѣ и видѣла въ его сочиненіи лучшее, наиболѣе яркое отраженіе распада ученическихъ формъ гегеліанства.

Лейпцигскіе «Grenzboten» нѣсколько разъ возвращались къ Штирнеру. Въ первый разъ отзывъ о немъ появился сейчасъ же послѣ выхода его книги. Авторъ, известный В. Фриденсбургъ, находить, что «новѣйшая теорія имѣть для человѣка не большій интересъ, чѣмъ безсмысленное разочарованіе, какое мы видимъ также въ современномъ балетѣ». Но онъ боится идти дальше въ своей критикѣ штирнеровскаго произведенія. «Кто поручится, высказываетъ онъ опасеніе, что это «я» не сыграетъ надо мной какой-нибудь шутки, не разразится насмѣшилымъ смѣхомъ надъ дуракомъ, принявшимъ самое обыденное за строгую серьезность чувства правды».

Два года спустя, «Единственный» былъ названъ «дифирамбическимъ тяжкимъ вздохомъ прекрасной души утомленной однообразiemъ филистерскаго существованія, исторіи и общеполезной работы».

Нѣсколько раньше «прекрасной душѣ» еще пророчили будущее и высказывали надежду, что «послѣ своего неудачнаго бунта противъ либерализма, Штирнеръ вернется подъ старыя знамена». Какъ будто Штирнеръ былъ когда-нибудь подъ этими знаменами!

Въ концѣ 1846 г., въ извѣстной «Евангелической церковной газетѣ» появился изъ теологического лагеря отвѣтъ Генгштѣнберга, одновременно съ выходомъ въ свѣтъ книги Штирнера «Царство разума и индивидуумъ». Автору казалось, что ему удалось уже покончить съ Штирнеромъ и нанести смертельную рану его книгѣ...

Много разъ заходила рѣчь о «Единственномъ» въ «Вигандовскомъ трехмѣсячнике» и въ смѣнившихъ его «Эпигонахъ». Штирнеръ самъ отвѣчалъ на посвященные ему тамъ статьи; къ его отвѣтамъ мы еще вернемся. Въ третьемъ томѣ вышеупомянутаго журнала «равному противнику» посвящается въanonимной характеристикѣ Людвига Фейербаха замѣтка «о Фейербахѣ и «Единственномъ»; въ четвертой книжкѣ «Эпигоновъ» мы находимъ «Освобожденіе «Единственного» человѣкомъ», принадлежащее перу Бетины фонъ-Арнимъ.

Нельзя не упомянуть объ обстоятельномъ отзывѣ, помѣщенному въ «Revue des deux Mondes» въ 1847 году. Его заглавіе: «О современномъ кризисѣ гегелевской философіи. Крайнія партіи въ Германіи». Его авторъ — глубокій знатокъ нѣмецкихъ отношеній М. Сенъ-Рене Тейландье. Онъ посвящаетъ свое произведеніе Руге и Штирнеру, вмѣстѣ. Говоря о переводѣ заглавія, онъ совершенно правильно замѣчаетъ, что нужно переводить «Единственный и его собственность», а не «Индивидуумъ и его собственность».

Сенъ-Рене Тейландье всецѣло на сторонѣ Штирнера.

Приведемъ полностью нѣсколько мѣстъ его замѣчательной работы, въ нѣмецкомъ переводѣ Еллинека, убитаго на Бриттенеу Робертомъ Блюмомъ. «Обратите вниманіе на проницательность на несокрушимую увѣренность Макса Штирнера. Ничто не въ силахъ поколебать могуществен-наго сочетанія его идей. Счастливець! У него нѣть ни сомнѣній, ни беспокойства, ни боли. Ни одинъ діалектикъ не былъ силенъ въ такой степени такой врожденной твердостью.

Его перо не дрожитъ. Онъ элегантенъ безъ жеманства, полонъ изысканности безъ предразсудковъ. Онъ только непринужденно улыбается, гдѣ всякий другой на его мѣстѣ бы взволнованъ.

Атеистъ кажется ему не менѣе подозрительнымъ, чѣмъ глубоко религіозный человѣкъ. Атеизмъ онъ до-полняетъ эгоизмомъ, и съ какой легостью, съ какимъ душевнымъ спокойствіемъ разрѣшаетъ онъ эту задачу! И далѣе, «непостижимая тайна, какъ могло найтись перо, способное создать такую вещь, способное писать такъ хладнокровно съ такой корректной элегантностью. Нужно самому прочесть книгу, чтобы убѣдиться въ его существованіи». «Какъ объяснить французскому чита-телю это вдохновеніе «ничѣмъ?»

Тейландье, однако, оцѣниваетъ сочиненіе со свойст-венной ему, какъ французу обстоятельностью. Постепенно, съ развитиемъ темы выясняется, что онъ далеко не такъ преданъ Штирнеру какъ это казалось сначала. Такъ же горячо, какъ раньше онъ восхвалялъ Штирнера, воз-стаетъ онъ въ дальнѣйшемъ противъ наивности его и страстнаго желанія лишить себя всего. Тѣмъ не менѣе, достойно удивленія, что иностранецъ—первый и почти единственный нашелъ для труда Штирнера слова горя-

чаго восхищенія и попытался произвести оцѣнку, достой-ную его смѣлости и величія.

Итакъ, число самостоятельныхъ статей, посвящен-ныхъ «Единственному», было чрезвычайно незначи-тельно: привилегированная философія и ея органы основательно замалчивали все вызванное имъ движеніе,—за то о немъ упоминали съ уваженіемъ почти въ каж-домъ разсужденіи критической философіи того года.

Если кому-нибудь попадется статья о «гегельянцахъ», онъ, несомнѣнно, найдетъ въ ней, послѣ именъ Штрауса и Фейербаха, имя Бруно Бауера, а въ заключеніе имя Штирнера. Обыкновенно, ему удѣляютъ нѣсколько на-смѣшилъ словъ и рѣдко, очень рѣдко приступаютъ къ нему съ искреннимъ, серьезнымъ намѣреніемъ судить о немъ по законамъ справедливости. Такимъ рѣдкимъ явленіемъ была анонимная статья: «Нѣмецкая филосо-фія послѣ смерти Гегеля», помѣщенная въ шестомъ томѣ брокгаузовскаго «Настоящаго», въ 1851 году. Авторъ помѣстилъ великаго разрушителя непосредственно за его жертвами, очень довольный, что нашелъ, наконецъ, мѣсто его несокрушимому духу. Это мѣсто Штирнеръ занимаетъ до сихъ поръ, о чёмъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ, слѣдующія строки: «его сочиненіе по-шѣднее слово философскаго радикализма того времени, такъ много сдѣлавшаго для смѣлага, вдохновеннаго отри-цанія»; такъ свидѣтельствуютъ о немъ всевѣдущіе почтен-ные сотрудники нашихъ энциклопедическихъ словарей, повторяя, по истинѣ, съ поразительнымъ единодушіемъ, одинъ за другимъ, все одно и то же, слово въ слово.

Непосредственные жертвы иногда безмолвствовали иногда пытались защищаться. Со стороны «критики»озвался Шелига, и Штирнеръ отвѣтилъ ему; зато

Бруно Бауэръ не упоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ, даже имени Штирнера. Онъ, впрочемъ, отошелъ уже къ тому времени отъ высшей абсолютной критики и обратился къ своимъ «Историческимъ изслѣдованіямъ». Какъ показалъ себя Фейербахъ, мы увидимъ ниже. Соціалисты и коммунисты не предприняли противъ него никакого рѣшительного выступленія. Правда, Марксъ и Энгельсъ отзвались своей работой «О послѣдышахъ гегельянства», которая была, по сообщенію Энгельса, такой же объемистой, какъ и самъ «Единственный», но эта работа, къ сожалѣнію никогда не появилась въ печати. Рукопись передъ напечатаніемъ нуждается въ типографскомъ просмотрѣ, если ее не сѣли еще до сихъ поръ мыши. Легко поддающейся разнымъ вліяніямъ Руге, послѣ появленія «Единственного», въ своей частной перепискѣ восторгался Штирнеромъ, называя его книгу «единственной нѣмецкой философской книгой, которую можно читать» и говорилъ, что «нужно ее поддерживать и пропагандировать». Но это не помѣщало ему потомъ также восторгаться критической статьей Кунь Фишера, направленной противъ Штирнера. Онъ подвергъ «Единственного» своему толкованію въ статьѣ: «Два года въ Парижѣ»; тамъ отводить онъ этому, по его словамъ, «смѣлому утреннему призыву въ лагерь сонныхъ теоретиковъ» значительное мѣсто въ обозрѣніи нашихъ послѣднихъ десяти лѣтъ («Эгоизмъ и дѣйствительность: «Я» и міръ»).

Въ исторіи, какъ нѣмецкой, такъ и всеобщей философіи нашего вѣка произведенію Штирнера, отводится съ большой неохотой, небольшое мѣсто, хотя и не такое, какое онъ заслуживаетъ—мѣсто творца новой эпохи, создавшаго новый образъ и складъ мыслей.

Оперируя съ извѣстными понятіями, онъ не создаетъ себѣ изъ нихъ властнаго подчиняющаго субъекта, а наоборотъ, превращаетъ ихъ въ объектъ, ему подчиненный.

Неудивительно, что трудъ Штирнера не получилъ признанія въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ: послѣднія — почти буквальное отраженіе господствующихъ взглядовъ большинства.

Но обзоръ критики въ ея дальнѣйшемъ развитіи завелъ бы насъ слишкомъ далеко за намѣченнія нами предѣлы нашей работы.

* * *

Штирнеръ отвѣчалъ два раза критикамъ своего произведения. Въ этихъ, въ высшей степени интересныхъ и важныхъ, возраженіяхъ Штирнера въ послѣдній разъ отражается его міросозерданіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, они — его послѣдній вкладъ въ журнальную литературу.

Первое возраженіе направлено противъ трехъ, наиболѣе значительныхъ и серьезныхъ отзывовъ о «Единственномъ», появившихся еще въ 1845 году, сразу съ трехъ сторонъ и особенно живо заинтересовавшихъ Штирнера. Отъ имени соціалистовъ отвѣчалъ Моисей Гессъ, коммунистъ; отъ имени «критической» философіи выступилъ Шелига; третій отзывъ былъ данъ никѣмъ инымъ, какъ самимъ Фейербахомъ. Эти критики — вообще, самые значительные изъ всѣхъ критиковъ Штирнера. Выборъ Штирнера невольно остановился на этихъ трехъ произведеніяхъ; они послужили для него лишнимъ поводомъ еще разъ нанести всѣмъ противникамъ свои сокрушительные удары. Второе возраженіе Штирнера одному молодому человѣку послѣдовало значительно позднѣе. Съ неслыханной претензіей и дер-

востью нападаетъ послѣдній на произведеніе Штирнера. Только благодаря отвѣту Штирнеру, рѣка забвенія не поглотила эту ученическую работу.

Первое возраженіе Штирнера на критику «Единственнаго» занимаетъ почти пятьдесятъ страницъ третьаго тома «Журнала Виганда», за 1845 годъ. Эта статья носить название—«Рецензенты Штирнера» и подписана инициалами М. Шт., что не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно ея автора.

Критическая статья Шелиги: «Единственный и его собственность» появилась въ мартовской книжкѣ «Сѣверо-германского журнала», издававшагося Бауэромъ, Френкелемъ, Л. Кеппеномъ и въ «Размышленіяхъ о крестовомъ походѣ критики», издававшихся имъ самимъ. Шелига (его литературный псевдонимъ) былъ молодымъ офицеромъ. Эдгаръ Бауэръ называетъ его «типичнымъ военнымъ, точнымъ въ своихъ мысляхъ и выраженіяхъ, по солдатски старательнымъ въ своей склонности къ критикѣ. Освобожденіе отъ мѣщанскихъ цѣнностей онъ считалъ единственной задачей философіи. Онъ не могъ быть ни революціонеромъ, ни даже, вообще, находиться въ оппозиціи, обладая такимъ узкимъ, практическимъ кругозоромъ...» Вѣроятно, благодаря своему общественному положенію, онъ не бывалъ у Гиппеля и не вращался среди «свободомыслящихъ», а примкнулъ къ кружку Бауэра въ Шарлоттенбургѣ и былъ причисленъ къ «святому семейству». Первый разъ выступилъ онъ на литературномъ поприщѣ въ «Литературной газетѣ» Бауэра со своей слѣ дышащей критикой парижскихъ мистерій, о которой мы уже упоминали. Посвящая все свое свободное время усерднымъ занятіямъ философіей, онъ написалъ еще иѣсколько брошюръ, одна изъ которыхъ посвящена

всеобщей реформѣ эгоизма. Его критика штирнеровскаго произведенія, о которомъ онъ уже читалъ докладъ въ тѣсномъ кругу друзей, въ высшей степени обстоятельна. Не даромъ принадлежитъ онъ къ брящающей оружіемъ критической школѣ Бауэра. «Благодаря «Единственному», говоритъ Шелига—наша безпристрастная критика сдѣлаетъ еще шагъ по пути самоусовершенствованія». Подробно обозрѣвъ житейское поприще «Единственнаго», онъ объявляетъ его призракомъ среди призраковъ и въ многословномъ изложеніи распространяется объ отношеніи критики, къ этому призраку. Разматривая возраженія Штирнера, мы будемъ останавливаться на болѣе якихъ пунктахъ критическихъ отзывовъ о немъ, на которыхъ сосредоточивались главныя опроверженія Штирнера, и которымъ онъ придавалъ большое, сравнительно съ другими, значеніе. Второй, имѣющій значеніе критической отзывъ о «Единственномъ»—«Философы послѣдняго времени»—исходилъ изъ соціалистического лагеря и принадлежалъ перу Моисея Гесса; онъ появился въ Дармштадтѣ отдельной брошюрой въ 28 страницъ. Гессъ былъ однимъ изъ видныхъ борцовъ юнаго соціалистического движенія того времени. Ярый коммунистъ, онъ, подобно Штирнеру, былъ сотрудникомъ «Рейнской газеты», участвовалъ еще въ знаменитыхъ „Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz“ Гервега, гдѣ даль изображеніе капиталистического общества, и пользовался всеобщей извѣстностью, какъ «центръ тогдашняго рейнского соціалистического движенія». Онъ называетъ «послѣдними философами» Бруно Бауэра и Штирнера, «одинокаго» и «единственнаго», но главное свое вниманіе отдаетъ исключительно Штирнеру. Своё введеніе онъ начинаетъ съ клеветы, которая часто повторялась и послѣ него

въ болтовнѣ соціалистовъ, возстающихъ противъ каждого свободного мыслителя; «можно подумать, говорить онъ, что опубликованныя за послѣднее время сочиненія нѣмецкихъ философовъ выпущены по наущенію реакціи». Правда, онъ самъ сейчасъ же опровергаетъ эту клевету своимъ заявлениемъ, что ни Бруно Бауэръ, ни Штирнеръ не поддаются вѣшнему опредѣленію; что же касается до сущности этой философіи, то она, по его мнѣнію, не могла не вылиться, въ своемъ оторванномъ отъ жизни развитіи, въ подобную «нелѣпость»; тѣмъ не менѣе, свой упрекъ во внутренней реакціонности онъ оставляетъ въ силѣ, будучи увѣренъ, что достигнетъ этимъ предполагаемаго успѣха въ глазахъ массы.

Затѣмъ, бросивъ взглядъ на дуализмъ христіанской философіи, на разладъ между теоріей и практикой, онъ открываетъ въ христіанскомъ государствѣ современную христіанскую церковь, «посюстороннее небо», а въ гражданахъ государства видитъ, наоборотъ не живыхъ людей, а лишь духовъ, тѣла коихъ составляютъ вмѣстѣ буржуазное общество. Хотя Германія не развила еще до такого новѣйшаго, свободного государства, снова осуществляющаго противорѣчіе между отдельнымъ человѣкомъ и родомъ, но философы послѣдняго времени уже осуществили его въ теоріи; ихъ несогласія между собой касаются лишь отношенія между государствомъ и буржуазнымъ обществомъ. Такъ подходитъ Гессъ къ упоминаемымъ послѣдовательнымъ теоретикамъ философской школы. Бауэру онъ бросаетъ упрекъ, что его критика—ничто другое, какъ высшая государственная полиція, чтобы держать въ уздахъ чернь. Штирнеру онъ удѣляетъ особое вниманіе. Какого рода его критика, и какъ незначительны ея возраженія, мы увидимъ изъ отвѣта самого Штирнера.

Третій членъ этого невольнаго союза самъ Людвигъ Фейербахъ. Онъ помѣстилъ свое коротенькое возраженіе Штирнеру: «О сущности христіанства» по отношенію къ «Единственному и его собственности»—во второмъ номерѣ «Вигандовскаго трехмѣсячника» за 1845 годъ, а потомъ включилъ его, безъ всякаго измѣненія, въ 1-й томъ полнаго собранія своихъ сочиненій—подъ заглавіемъ: «Объясненія и дополненія къ «Сущности христіанства», снабдивъ статью только замѣткой о своемъ, въ высшей степени критическомъ отношеніи къ книгѣ, при чемъ онъ имѣть въ виду лишь самое сочиненіе, ея духъ, а не букву,—самую ея сущность и самый предметъ изслѣдованія.

Отвѣты Фейербаха, къ сожалѣнію, афористически краткіе, умѣщавшіеся на нѣсколькихъ страничкахъ, безусловно болѣе всѣхъ другихъ критическихъ отзывовъ интересовали Штирнера и интересуютъ нась: въ нихъ «Брюкберскій отшельникъ» пытался отразить сыпавшіеся на него градомъ удары Штирнера.

Фейербахъ не скрывалъ своего глубокаго удивленія передъ трудомъ своего противника. Онъ познакомился съ нимъ почти сейчасъ же, послѣ его появленія, и уже осенью 1844 года писалъ своему брату: «Это въ высшей степени остроумное и геніальное произведение, истина эгоизма, но эксцентрически, односторонне, неправильно понятая. Его полемика противъ антропологии, главнымъ образомъ, противъ меня,—покоится на сплошномъ непониманіи или легкомыслии. Онъ правъ во всемъ, кроме одного: по существу его возраженія меня не касаются. Во всякомъ случаѣ, это самый геніальный и самый свободный писатель, какого я только зналъ». Уже въ этихъ немногихъ строкахъ сквозить двойствен-

ность отношения Фейербаха къ своему противнику, но онъ всегда честно боролся съ чувствомъ оскорбленного тщеславія; во всякомъ случаѣ, въ этой двойственности мы усматриваемъ способы, какими онъ думалъ сразить «самаго геніального и самаго свободнаго мыслителя, какого онъ только зналъ». Прежде всего, онъ предполагалъ обратиться къ своему противнику съ открытымъ письмомъ, о чёмъ намъ сообщаетъ его новѣйшій биографъ, Вильгельмъ Болинъ; онъ уже набросалъ начало этого письма, которое сохранилось и гласить слѣдующее: «Невыразимо» и «несравненно» любезнѣйшій эгоистъ! Какъ все Ваше произведение, такъ, въ особенности, сужденія обо мнѣ, по истинѣ, «невыразимы» и въ своемъ родѣ «единственны». Правда, при всемъ своеобразіи этихъ сужденій, я давно ихъ предвидѣлъ и говорилъ своимъ друзьямъ: «будетъ время, и меня до такой степени не будутъ понимать, что меня, былого «страстнаго и фанатического» врага христіанства, назовутъ еще его апологетомъ». Но то, что это произошло такъ скоро,—долженъ сознаться, все-таки изумило меня. Это действительно также «единственно» и «несравненно», какъ Вы сами. Какъ ни мало у меня времени и охоты опровергать сужденія, имѣющія отношенія не ко мнѣ, а развѣ къ моей тѣни, я, однако, сдѣлаю исключение для «Единственнаго».

Къ счастью, Фейербахъ не выдержалъ долѣ этого тона своихъ упрековъ, но все-таки остался лишь при своихъ «объясненіяхъ», и не рѣшился удѣлить время для основательного отвѣта Штирнеру. Въ слѣдующемъ письмѣ къ своему брату, отъ 13 декабря 1844 года, онъ пытается оправдаться и утѣшаетъ себя нелѣпымъ предположеніемъ, имѣющимъ большое значеніе для его нрав-

ственной гордости, а именно,—что Штирнеръ предпринялъ противъ него походъ изъ суетнаго желанія создать себѣ такимъ способомъ имя. И онъ великодушно предоставляетъ бѣдному, безымянному писателю «дѣтскую радость мимолетнаго тріумфа». Но, кажется, все дѣло было въ томъ, что умный философъ не могъ не предчувствовать, что имѣть въ Штирнерѣ могучаго противника, побѣда котораго надъ нимъ будетъ разносильна его полному пораженію; поэтому, онъ предпочелъ уклониться отъ дальнѣйшихъ столкновеній, чтобы своимъ пораженіемъ не способствовать невольно новой славѣ побѣдителя. Изъ тѣхъ же соображеній онъ не подписалъ своего имени подъ своими замѣтками въ «Вигандовскомъ трехмѣсячнике», что могло бы привлечь всеобщее вниманіе къ ожидаемому спору. Впрочемъ, не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что Фейербахъ и Штирнеръ ни разу не встрѣтились другъ съ другомъ, такъ какъ именно въ то время, когда эта встреча могла представить для нихъ интересъ, Фейербахъ ни разу не посѣтилъ Берлина, а Штирнеръ не выѣзжалъ оттуда никуда.

Какъ мы уже упоминали, Штирнеръ отвѣтилъ Фейербаху, Гессу и Шелигѣ, сразу всѣмъ троимъ Свое возраженіе—«Рецензенты Штирнера»—онъ написалъ тотчасъ же, вслѣдъ за появленіемъ упомянутыхъ критическихъ отзывовъ, и, какъ и Фейербахъ, говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ.

Охарактеризовавъ вкратцѣ писателей—Гесса, какъ соціалиста, Шелига, какъ послѣдователя критического направленія и анонима—какъ Фейербаха, онъ переходитъ сейчасъ же къ пункту, въ которомъ всѣ трое сходятся, а именно, къ ихъ отношенію къ «единственному», къ «эгоисту».

Въ ихъ освѣщениіи «единственный» является «привидѣніемъ среди привидѣній», «священнымъ индивидуумомъ, котораго слѣдовало бы выбить себѣ изъ головы» и безцвѣтнымъ «хвастуномъ».

Будучи, по ихъ признанію, «ничего не выражающимъ выраженіемъ», фразой, «Единственный» не выдерживаетъ, конечно, никакого сравненія съ высокими понятіями человѣка, духа, истиннаго индивидуума и т. д., какъ пустая, общая фраза, не внушающая никакого уваженія. Содержаніе «Единственнаго» ни въ коемъ случаѣ не является вмѣстилищемъ мысли, вслѣдствіе чего оно не можетъ ничего выразить и, такимъ образомъ, сводится лишь къ одной фразѣ. И никто изъ трехъ критиковъ не понимаетъ, что подобными заявленіями Гессъ самъ обращается въ сосудъ фразологіи, а Фейербахъ, со своимъ памятнымъ «Единственнымъ въ небесахъ» (Богъ), въ самодовлѣющу фразу, не имѣющую даже собственника, и что Гессъ, этотъ единственный Гессъ, занимается лишь самовосхваленіемъ.

Ихъ характеристики «эгоиста» отличаются большой популярностью и упрощенностью. Приводимыми ими примѣрами они лишаютъ его ореола свитости. Фейербахъ, напримѣръ, трогательно сопоставляетъ гетеру и возлюбленную, Шелига говорить о богатой девушки и сварливой женщинѣ, Гессъ приводить примѣръ Штирнера о европейѣ и крокодилѣ,—и все это даетъ ему поводъ еще разъ всесторонне разсмотрѣть сущность личнаго интереса, противопоставляемаго интересу всеобщему.

Святость родовыхъ связей, гордость своими заслугами, трудъ, заповѣди любви человѣчества—все это подвергается столь же глубокому, сколько и мѣткому

изслѣдованію; послѣднія еще разъ показываютъ намъ, какъ безсмысленно вносить священный трепетъ въ наши простыя отношенія, благодаря которому они сохраняются, даже утративъ для насъ всякий интересъ («интересъ другъ къ другу исчезаетъ, но неинтересная связь между ними остается»); какъ глупо ставить абсолютный, всеобщій интересъ надъ личнымъ, собственнымъ интересомъ; какъ бесполезно слѣдовать высшей заповѣди, вместо того, чтобы предоставить каждому дѣлать только то, что онъ находитъ выгоднымъ для себя.

Штирнеръ заканчиваетъ свой общиі отвѣтъ тонкимъ замѣчаніемъ, что никому изъ этихъ критиковъ не пригодился тотъ отдѣльъ его книги, где онъ говорить объ отношеніяхъ эгоиста къ миру и о союзахъ: все трое игнорируютъ этотъ отдѣльъ. Въ заключеніе, Штирнеръ посвящаетъ каждому, въ отдѣльности, по нѣскольку словъ, мимоходомъ и слегка касаясь ихъ рѣзкихъ, неуклюжихъ, негодующихъ нападокъ на эгоизмъ.

Шелигъ онъ прозрачно намекаетъ, что ему совсѣмъ не идетъ заниматься «чистой» критикой; что его критика не только не чиста, но, наоборотъ, чрезвычайно своеокорыстна.

Обращаясь къ Фейербаху, Штирнеръ говоритъ, что онъ не попалъ въ точку, въ которую мѣтиль, «потому что человѣческая сущность не то, что сущность Фейербаха, Штирнера или другого какого либо человѣка». Онъ ее даже не предчувствуетъ. «Онъ пребываетъ въ совершенной беззаботности насчетъ категорій рода и индивидуума, «я» и «ты», человѣка и человѣческой сущности», говоритъ Штирнеръ. Такія, вещи, какъ возраженіе Штирнера или «объясненія» Фейербаха совершенно не поддаются требуемой здѣсь краткости изложения. Чтобы понять эти произведения,

нужно ихъ прочесть полностью и, какъ слѣдуетъ, продумать. Поэтому, ограничимся заявлениемъ, что Фейербахъ долженъ быть отступить, шагъ за шагомъ, передъ неумолимой логикой, съ какой Штирнеръ опровергалъ каждого изъ нихъ.

Наконецъ, Гессу Штирнеръ доказываетъ что, какъ человѣкъ, онъ не могъ бы быть совершенїе, чѣмъ онъ есть, что въ немъ заключается весь человѣческій родъ, и у него есть все, что требуется для того, чтобы имѣть право называться человѣкомъ. Далѣе, онъ указываетъ ему, какъ плохо онъ понялъ неразлучного съ собой эгоиста, какъ безсмысленно предполагать, что онъ можетъ ужиться въ буржуазномъ обществѣ. Онъ опровергаетъ затѣмъ цѣлый рядъ однихъ возраженій и проходитъ мимо другихъ съ заслуженной ими насмѣшкой, такъ напримѣръ, мимо замѣчанія, въ которомъ его отношеніе къ государству называется «обычной оппозиціей свободомыслящаго гражданина»: «такъ можетъ думать, безспорно только тотъ, кто не читалъ книги Штирнера», говорить онъ. Наконецъ, Штирнеръ объясняетъ Гессу на простомъ, ближайшемъ примѣрѣ, что такое «союзъ эгоистовъ». (Гессъ, называетъ его, не понимая, въ чѣмъ дѣло, «эгоистическимъ союзомъ»). Союзомъ эгоистовъ Штирнеръ считаетъ не тотъ союзъ, въ которомъ одни обманываютъ на счетъ другихъ, но гдѣ соприкасаются даже мимолетные и переходящіе интересы отдѣльныхъ личностей, образуя одинъ стройный мотивъ.

Затѣмъ Штирнеръ напоминаетъ критикамъ объ одномъ мѣстѣ въ небольшомъ сочиненіи Фейербаха, называющемся: «Критика анти-Гегеля». Такъ какъ это забытое сочиненіе, вѣроятно, мало кому знакомо, то приведемъ изъ него нѣкоторыя выдержки. Фейербахъ говоритъ въ немъ о двоякомъ родѣ критики, издавна

встрѣчающемся въ философскихъ системахъ: одна критика, служить познанію, другая — заблужденію. О послѣдней онъ и говоритъ въ вышеупомянутомъ мѣстѣ: «въ этомъ случаѣ критикъ не отдѣляетъ философіи отъ философа, онъ не отождествляетъ себя съ его сущностью, не дѣлается его вторымъ; «я»; онъ думаетъ всегда о другомъ, чѣмъ его противникъ; онъ не можетъ усвоить себѣ его идей, а слѣдовательно, и проникнуться его умозрѣніемъ; эти идеи беспорядочно движутся въ пустомъ пространствѣ его собственной индивидуальности, подобно атомамъ Эпікура, а его разумъ случай, соединяющій ихъ принесенными извнѣ крючечками въ эфемерное цѣлое. Единственно цѣнныи объективный масштабъ,—идея философской системы, ея вездѣсущая душа, ея постоянная даже среди величайшихъ противорѣчій единосущность—ничто для подобнаго критика или плохая самодѣльная копія. Во владѣніяхъ своего противника онъ чувствуетъ себя перенесеннымъ въ чуждую страну, гдѣ все неизбѣжно представляется ему удивительнымъ, «ново-голландскимъ»: онъ перестаетъ видѣть и слышать и самъ не знаетъ больше, спить ли онъ или бодрствуетъ, и лишь иногда, въ мимолетные моменты своихъ *intervala lucida* начинаетъ сомнѣваться въ идентичности своей личности и въ нормальности своего пониманія. Благородные образы въ стройныхъ сочетаніяхъ мелькаютъ передъ его смущенными взорами, причудливо сплетаясь между собой, какъ нелѣпая, каррикатурныя фигуры, а возвышенныя изреченія разума звучать въ его ушахъ, какъ безсмысленная дѣтская сказка. Правда, въ своей головѣ онъ находитъ аналогичныя философскимъ идеямъ понятія и представлія, которыхъ служать ему слабой точкой опоры, но

онъ пользуются ими лишь для того, чтобы пригвоздить къ кресту философа, погрѣшившаго противъ общечеловѣческаго разума, потому что онъ обладаетъ лишь ограниченными понятіями, заключенными въ опредѣленныя рамки, и ихъ ограниченность служить для нихъ опредѣляющимъ закономъ. Но стоитъ имъ переступить за свои узкія границы, и онъ уже теряетъ ихъ изъ поля зрења онъ колеблются передъ нимъ въ голубомъ туманѣ непостижимаго, подобно фантасмагоріямъ».

Какъ подходятъ эти слова Фейербаха ко многимъ, очень многимъ критикамъ Штирнера, которому пришлось познакомиться лишь съ критикой заблужденій!

Очевидно, Фейербахъ не могъ предполагать, когда писалъ эти строки, что они обратятся впослѣдствіи противъ него самого.

Штирнеръ высказывалъ надежду, что впослѣдствіи онъ коснется, при случаѣ, болѣе подробно нѣкоторыхъ изъ трактуемыхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, вопроса о буржуазномъ обществѣ, о святости труда и т. д. Изъ этого мы можемъ заключить, что Штирнеръ серьезно думалъ заняться впослѣдствіи соціальными вопросами. Этимъ надеждамъ не суждено было сбыться.

Послѣ этого Штирнеръ только одинъ разъ отозвался на критику своего произведенія; это было—во второй и послѣдній разъ, черезъ два года, послѣ первого возраженія. За «Трехмѣсячникомъ Виганда», закрытымъ послѣ кратковременнаго существованія, послѣдовали «Эпигоны» Виганда. Въ четвертой книжкѣ этого журнала за 1847 годъ, послѣ того, какъ въ предыдущихъ книжкахъ много разъ заходила рѣчь о его произведеніи, Штирнеръ, подъ псевдонимомъ Ж. Эдварда, помѣстилъ свое возраженіе противъ Куно Фишера.

Куно Фишеръ, въ то время еще молодой студентъ въ Галле, помѣстилъ, незадолго передъ тѣмъ, въ «Лейпцигскомъ обозрѣніи» длинную статью «Новѣйшие софисты», въ которой подвергъ всю новѣйшую философію настолько же хладнокровной, насколько и поверхностной критикѣ, не лишенной, однако, остроумія. Такъ какъ журналъ былъ вскорѣ опять прекращенъ, онъ перепечаталъ свою статью въ пятой книжкѣ «Эпигоновъ», исполняя этимъ желаніе Виганда, и, какъ онъ говорилъ, изъ уваженія къ своему противнику, который превратилъ его въ какое-то *corpus delicti*.

Между тѣмъ Штирнеръ ему отвѣтилъ. Очевидно, Фишеръ имѣлъ возможность причитать статью еще въ рукописи, потому что одновременно съ возраженіемъ Штирнера появился и отвѣтъ на него Фишера. Обѣ статьи носили одно и то же заглавіе: «Реакціонеры философіи»; возраженіе Штирнера имѣло еще подзаголовокъ: «Новѣйшие софисты Куно Фишера»; отвѣтъ Фишера—подзаголовокъ: «Апологетъ софистики и философской реакціонеръ».

При подробномъ ознакомленіи съ отвѣтомъ Ж. Эдварда, кажется иногда, что онъ не могъ выйти изъ подъ пера Штирнера. Не потому, конечно, что авторъ говорить о Штирнерѣ въ третьемъ лицѣ, но потому, что стиль этой коротенькой работы не отражаетъ, какъ раньше, яркихъ особенностей штирнеровскаго письма. Но Фишеръ съ такой увѣренностью принимаетъ Штирнера за ея автора, и Штирнеръ самъ такъ мало дѣлаетъ попытокъ опровергнуть это утвержденіе, что мы, несмотря на всю свою осторожность, должны смотрѣть на это сочиненіе, какъ на трудъ Штирнера. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя его части представляютъ большой

интересъ и, несомнѣнно, написаны подъ непосредственнымъ вліяніемъ и не безъ содѣйствія Штирнера. «Новѣйшіе софисты» Куно Фишера начинаются съ разсмотрѣнія «принципа софистики»; отъ нея онъ переходитъ къ «философскимъ предположеніямъ новѣйшей софистики», какъ они отразились у Гегеля («проявленіе абсолютного духа въ теоретической и практической энергіи человѣка»), у Штрауса (пантеистическое признаніе абсолютного духа), у Бауэра (исчезновеніе всего объективнаго въполномъ произволѣ) и у Фейербаха (точка зрѣнія реального гуманизма). Новѣйшую софистику онъ видитъ прежде всего въ Штирнерѣ, въ его словахъ: «абсолютному эгоисту или духовному царству животныхъ». Большая часть сочиненія посвящена Штирнеру. Штирнеръ — пѣтистъ и догматикъ эгоизма, видящій повсюду привидѣнія; онъ — «единственный», онъ олицетворяетъ собой «догматической, возведенный въ принципъ произволъ, мономанію, покоящуюся на вѣрѣ въ привидѣнія». Мы сейчасъ увидимъ, какъ отвѣтилъ ему на это Штирнеръ. Послѣдняя часть сочиненія посвящена двумъ книгамъ, о которыхъ Фишеръ утверждаетъ, что въ софистикѣ, онъ еще превосходитъ Штирнера, отъ эгоизма онъ переходитъ къ индивидууму и отъ послѣдняго — къ ироніи. Рѣчь о нихъ будетъ впереди. Въ заключеніе, современной софистикѣ противопоставляется гуманизмъ и «свободное человѣчество».

Штирнеръ въ своемъ возраженіи,—если только это, действительно, его возраженіе — насмѣхается прежде всего надъ проворствомъ, съ какимъ Фишеръ покончилъ съ «титанической работой современной критики». Болѣе личнаго характера, чѣмъ предыдущія возраженія Штир-

нера, оно богато остроумными и мѣткими нападеніями. Слѣдя шаблону Фишера, можно назвать софистомъ всякаго мыслителя: въ зависимости отъ той или иной точки зренія, онъ всегда будетъ или «философомъ», или «софистомъ». Слѣдующія положенія не могутъ быть поняты въ краткомъ изложеніи и переданы въ немногихъ словахъ. Понятія «объективныя силы міра», «мышленія» «нравственного міра» и т. д., употребляемыя Фишеромъ, какъ прочно установленныя, общеупотребительныя, представляются теперь въ новомъ свѣтѣ. Штирнеръ рассматриваетъ описание софистики въ исторіи, въ ея проявленіяхъ у іезуитовъ, романтиковъ (отдельныхъ субъектовъ) и въ «чистой критикѣ». Затрагивается противорѣчіе между личной выгодой и общимъ принципомъ. Утвержденіе, что эгоизмъ Штирнера былъ послѣдовательнымъ развитіемъ самосознанія Бауэра, опровергается фактически тѣмъ, что произведеніе Штирнера было почти закончено, а Бауэръ все еще былъ погруженъ въ свою библію, благодаря чему Штирнеръ былъ вынужденъ помѣстить уже въ добавленіи свой вызовъ «абсолютной критикѣ». Очевидно, Фишеръ не былъ знакомъ съ полемикой между Штирнеромъ и Фейербахомъ, потому что иначе, онъ не счелъ бы Штирнеровскаго «эгоизма» за категорическій императивъ, за догму: именно, Штирнеръ, какъ разъ, противопоставляетъ этому «долженъ» «человѣческаго бытія» и «гуманизму»—не-человѣка, эгоиста съ его «атаракеіей», непреклонностью и ужасомъ противъ всего человѣческаго. Но какое грубое заблужденіе, предполагать что Штирнеръ отказывается отъ общенія съ людьми и хочетъ уйти отъ ихъ организаций, ограничившись ихъ голымъ отрицаніемъ!

Возражение заканчивается указанием на огромный послѣдствія штирнеровскаго труда и однимъ остроумнымъ сравненіемъ. И если оно и не принадлежитъ Штирнеру, то человѣкъ, написавшій его, можетъ гордиться, что уже въ это далекое время онъ такъ глубоко — глубже большинства — проникъ въ сущность ученья Штирнера. Онъ правъ также въ своемъ заключительномъ сравненіи Куно Фишера съ человѣкомъ, всѣ дѣйствія котораго клонятся лишь къ тому, чтобы прославиться, во чтобы то ни стало.

Появившійся одновременно съ возраженіемъ отвѣтъ Фишера съ достаточной яркостью подтверждаетъ эти слова.

* * *

Годъ спустя послѣ «Единственнаго», появился, тоже въ изданіи Виганда, анонимный трудъ, подъ заглавіемъ «Царство разума и индивидуума», за которымъ послѣдовало вскорѣ второе, менѣе объемистое, произведеніе — «Любовныя письма безъ любви». Авторъ ихъ назвалъ себя Карломъ Бюргеромъ. Въ дѣйствительности, авторомъ обоихъ произведеній былъ юный философъ, бывшій нѣкоторое время членомъ гиппелевскаго кружка и вступившій впослѣдствіи въ кружокъ «дессаускихъ собутыльниковъ»; его настоящее имя было Карлъ Шмидтъ, изъ Дессау. Онъ обратился впослѣдствіи къ изученію теологии и написалъ многочисленные педагогическіе труды. Извѣстность онъ пріобрѣлъ, главнымъ образомъ, благодаря своей многотомной исторіи педагогики.

Это и есть тѣ два вышеуказанныхъ сочиненія, въ которыхъ Фишеръ такъ остроумно открылъ переходъ отъ духовнаго къ «естественному царству животныхъ»

и, наконецъ, къ «ироніи». Мы не могли не упомянуть объ этихъ сочиненіяхъ, такъ какъ, дѣйствительно, слишкомъ часто случалось, что въ бездарныхъ, вскорѣ скомпанованныхъ произведеніяхъ усматривали дальнѣйшее развитіе штирнеровскихъ положеній и, пользуясь этими сочиненіями, поднимали его на смѣхъ. Но такъ какъ самъ Штирнеръ надѣялся, что его противникъ будетъ великодушенъ и не заставитъ его прочесть болѣе одной страницы «Царства разума», то и мы тоже удовольствуемся этой одной страницей.

Задачей этихъ двухъ произведеній было показать, «чѣмъ была бы единая правда, если бы существовалъ одинъ лишь разумъ». Въ качествѣ иллюстраціи къ «Единственному», «Царство разума и индивидуума» схематизируется слѣдующимъ утвержденіемъ: «индивидуумъ не думаетъ объ атомистическихъ, отдѣльныхъ вещахъ, но онъ внимательно смотрѣтъ на нихъ, изслѣдуетъ и овладѣваетъ ими». — «Любовныя письма безъ любви» — достаточно бездарная пародія на «Люцинду» Шлегеля; мы отказываемся потратить время даже на одну страницу этого произведенія.

Въ 1846 году къ Штирнеру явился молодой поэтъ, котораго глубоко взволновало произведеніе Штирнера хотя онъ понималъ его совершенно превратно. Онъ разыскалъ Штирнера, чтобы ему первому поднести свою, только что оконченную, поэму «Жижка». Молодой поэтъ былъ Альфредъ Мейснеръ. Отвѣтъ Штирнера, который намъ передалъ самъ Мейснеръ, является однимъ изъ очень немногихъ его личныхъ проявлений, дошедшихъ до насъ. Но не только по этому одному заслуживаетъ онъ быть здѣсь приведеннымъ.

Штирнеръ возвратилъ рукопись со слѣдующими

словали: «Вы должны были сдѣлать изъ «Жижки» комическую героическую поэму, какую-нибудь «Войну мышь и лягушекъ». Миоы христіанской церкви постигаетъ та же участъ, что и языческие. Борьба между папствомъ и протестантизмомъ настолько изжила свое содержание, что можетъ заинтересовать теперь только богословъ, да и то въ очень слабой степени. Поэтому, не слѣдуетъ изображать въ поэмахъ вражду къ церкви. Мы къ ней совершенно равнодушины: за завоеванную позицію не сражаются больше. Да, я чувствую ясно: вы должны были сдѣлать изъ вашего произведения комическую поэму»..

Этотъ отвѣтъ такъ характеренъ для Штирнера, что мы можемъ сдѣлать его исходнымъ пунктомъ для нашего заключительного взгляда на вліяніе и на значеніе «Единственного и его собственности» для будущаго: маловажный, самъ по себѣ, отвѣтъ указываетъ на позицію, занятую Штирнеромъ въ его борьбѣ. Онъ борется не съ виѣшими формами христіанского міросозерцанія, не съ истлѣвшимъ, саморазложившимся первою настоящаго, а съ постоянно обновляющимся духомъ, создающимъ для власти все новые, укрѣпленные замки; онъ борется съ духомъ христіанства, подобно сумрачному туману, лежащему надъ прошедшими.

Штирнеръ поставилъ своей задачей лишить этотъ духъ его святости и обнажить его передъ нами, какъ бесплотный призракъ нашего воображенія. Радикальнѣйшая головы того времени, Штраусъ, Фейербахъ, Бауръ, еле-еле осмѣливались касаться понятія святости, но Штирнеръ разложилъ его, и оно распалось.

Онъ побѣждаетъ христіанство въ его послѣднихъ выводахъ. Оно уничтожено. Оно лежитъ за нами съ

его тысячелѣтними униженіями, его грязью, его безчисленными ужасами, питающими всю исторію, его ложью, его самоотречениемъ отъ всякой гордости, отъ всякой единственности, отъ истинной радости и красоты. Оно еще продолжаетъ господствовать въ некоторыхъ своихъ проявленіяхъ, но Штирнеръ уже снялъ съ насъ его проклятие!

Такъ стоитъ онъ на границѣ двухъ міровъ, и съ нимъ начинается новая эпоха въ жизни человѣческаго рода: эпоха свободы!

Мы еще не нашли анархія, — для нея, взаимными интересами, безпорядка силы; индивидуума надъ его подчиненности; свои дѣйствія вмѣстѣ устанавливающей его христіанского міросозерцанія власть, и онъ должны упастъ онъ поддерживаютъ...

Бесмертную книгу, поставить на ряду толстое произведеніе прочный, безкровный и ныхъ отношеніяхъ.

Какъ «священная» крестового лѣтосчислениія, что производить свои въ самыхъ укромныхъ она порогъ нового време-

дя имени, лучшаго, чѣмъ гивающей обусловленный вмѣсто теперяшняго о верховную власть вмѣсто теперешней тѣстивенность за кой зависимости —

Только на основѣ зѣ понятія, подъ ихъ этой основы, даеть и то, что

для насъ, можно блей: такъ могу- аково быстрый и нашихъ жизнен-

зачалъ христіан- двухъ тысячи я дѣйствія даже кахъ земли, такъ раго уже чувст-

вуется иами, нась встрѣчаетъ нечестивая книга первого, познавшаго себя, эгоиста. Ея вліяніе на нась такъ же благодѣтельно, какъ гибельно было вліяніе «книги книги».

И если мы хотимъ еще разъ постигнуть все значение книги Штириера, вспомнимъ слова ея творца: «Властное, беспощадное, безстыдное, бес совѣстное, гордое — *преступленіе*, покусившееся святыню всѣхъ авторитетовъ! И мы спросимъ, съ Максомъ Штириеромъ, съ ликованіемъ възванную имъ очищающую и освобождающую «Развѣ ты не слышишь, какъ гремитъ развѣ ты не видишь, какъ грозно улчить беспокойное небо?..»

святыню всѣхъ авторитетовъ! съ Максомъ Штириеромъ, съ ликованіемъ възванную имъ очищающую и освобождающую «Развѣ ты не слышишь, какъ гремитъ развѣ ты не видишь, какъ грозно улчить беспокойное небо?..»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣднее десятилѣтіе (1845 — 1856 гг.). — Медленное паденіе. — «Англійскіе и французскіе национальные экономисты». — Послѣднія попытки: мозочная торговля и воззваніе о сеудѣ. — Разрывъ съ Марией Денгардѣ. — Ея позднѣйшая жизнь. — Дальнѣйшая жизнь Штириера. — У Генцеля на Доротеенштрассе. — Исторія реакціи. — Возростающая замкнутость и нужда. — Смерть и похороны. — Оставшіеся въ живыхъ современники Штириера и ихъ судьба. — Общий обзоръ. — Заключеніе.

Мы разстались съ Іоганномъ-Каспаромъ Шмидтомъ на зенитѣ его жизни, въ тотъ періодъ, когда онъ возбудилъ своимъ единственнымъ трудомъ столько разнобразныхъ выраженій удивленія, негодованія, сомнѣнія — и возвращаемся къ нему теперь для того, чтобы послѣдовать за нимъ въ десятилѣтіе разочарованія и горечи, полной заброшенности и безысходной нужды...

Бракъ Штириера съ Марией Денгардѣ казался съ вѣнчаній стороны гораздо прочиѣ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ. Заключенъ онъ былъ безъ увлеченія: вѣчно обновляющая любовь не питала его и не давала ему содержанія, и, по собственнымъ словамъ жены, онъ былъ скорѣе совмѣстнымъ сожительствомъ въ одномъ и томъ же домѣ, нежели бракомъ.

Мужъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, надъ своей работой; жена занималась своимъ дѣломъ, и вмѣстѣ они бывали лишь по вечерамъ у Гинцеля или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Въ обычательскомъ кругу они не бывали; театровъ

и концертовъ никогда почти не посѣщали и вели, словомъ, исключительно скромную жизнь, въ своей маленькой квартирѣ, на Ново-Кельнской улицѣ.

Бракъ ихъ былъ бездѣтенъ. И это тоже было большій разочарованіемъ для молодой женщины, въ своеобразной, разно и невѣро толкуемой сдержанности Штирнера, характеризующей весь его духовный складъ, не находившей, конечно, желанного удовлетворенія.

Ко всему этому прибавилось еще одно печальное осложненіе: состояніе, которое Марія Денгардѣ получила въ приданое, быстро таяло...

Теперь она обвиняетъ въ этомъ исключительно своего бывшаго мужа. Она прямо и рѣзко обвиняетъ его въ томъ, что онъ «проигралъ и промоталъ» ея состояніе. Еще теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, ей «тяжело дѣлается, и кровь закипаетъ въ ней при мысли, что человѣкъ, образованный и воспитанный, могъ воспользоваться слабостью женщины и такъ гнусно обмануть ея довѣріе».

И оттого, говоритъ она, она охладѣла къ нему и перестала его уважать.

Какъ эти слова ни жестоки и беспощадны, мы все-же приводимъ ихъ, нисколько не смягчая.

Но изъ элементарной справедливости слѣдуетъ добавить, что слова эти принадлежать старой женщинѣ, совершенно забывшей свои взгляды въ молодости, и никакими, ни вѣшними, ни внутренними, узами не связанной съ годами, о которыхъ она и вспомнить больше не желаетъ. На прямой вопросъ, какимъ образомъ Штирнеръ умудрился, при ихъ скромной жизни, въ такое короткое время истратить, сравнительно, весьма значительную сумму, она отказалась дать другой отвѣтъ, кромѣ вышеупомянутаго.

Въ 1844 году она сама, и несомнѣнно по доброй волѣ, ссудила Бруно Бауэръ на книгоиздательство брата его, Эгберта, въ Шарлоттенбургѣ, 2000 талеровъ, что служить доказательствомъ тому, что она вполнѣ свободно располагала своими средствами. Бруно Бауэръ, впрочемъ, съ присущей ему педантической добросовѣстностью, выплатилъ этотъ долгъ, въ теченіе чуть-ли не 25-ти лѣтъ, мѣсячными взносами въ три, пять и до 50 талеровъ.

Вѣрнѣе всего предположеніе, что супруги были оба неразумны и беспечны, а какъ известно деньги скорѣе всего таютъ въ рукахъ людей, непривычныхъ къ нимъ и впадающихъ въ прискорбныя заблужденія на счетъ неисчерпаемости своихъ фондовъ.

Штирнеръ, во всякомъ случаѣ, не былъ лѣнивымъ или бездѣятельнымъ человѣкомъ.

Послѣ своего брака съ Марией Денгардѣ, онъ цѣлый годъ еще преподавалъ въ пансионѣ г-жи Грошиусъ. Кромѣ того, онъ въ этотъ годъ много работалъ надъ окончаніемъ своего труда.

Этотъ трудъ долженъ былъ, наконецъ, появиться. Тогда онъ рѣшился отказаться отъ мѣста и заявилъ освободѣть сестрамъ Цеппѣ, къ которымъ съ 1-го октября 1844 года перешла школа. Онъ были очень изумлены, такъ какъ не знали причины, побудившей его отказаться; кромѣ того, имъ тяжело было лишиться дѣльного и любимаго учителя...

Марія Денгардѣ уговаривала своего мужа не отказываться отъ мѣста, такъ какъ, при ихъ доходахъ, это все же было «небольшимъ подспорьемъ». «Онъ былъ слишкомъ гордъ и лѣнивъ, говорила она, чтобы работать для нея».

Но Штирнеръ оставался при своемъ рѣшеніи. По-

явленіе его труда должно было привести къ неизбѣжному конфликту съ его школьнмъ начальствомъ, что онъ, разумѣется, зналъ, а потому и не хотѣлъ ставить себя въ неловкое положеніе.

Это одно изъ самыхъ распространенныхъ, но и самыхъ забавныхъ недоразумѣній, будто Штирнеръ лишился мѣста гимназического преподавателя, благодаря своей книгѣ, потому что начальство не желало довѣрять дальнѣе воспитаніе молодежи такому человѣку.

Все это, конечно, чистый вздоръ. Во-первыхъ, Штирнеръ, никогда не былъ гимназическимъ преподавателемъ и не обязанъ былъ отвѣтить ни въ чемъ передъ начальствомъ; сестры Цеппъ могли развѣ только сообщить ему обѣ увольненіи. А во-вторыхъ, Штирнеръ, какъ мы видѣли, предупредилъ ихъ, отказавшись самъ отъ мѣста, и еще до выхода книги въ свѣтъ. Когда онъ четыре недѣли спустя, предсталъ со своимъ трудомъ на судъ гласности, онъ совершенно былъ свободенъ отъ какой-бы то ни было зависимости.

Но вернемся опять къ упреку Маріи Денгардтъ. Даже допуская въ Штирнерѣ безпечность, непочтительность, неопытность и легкомысліе, никто, однако, никогда не вѣрилъ, что Штирнеръ женился на «молодой и богатой мекленбургкѣ», съ тѣмъ только, чтобы овладѣть и воспользоваться ея состояніемъ. Но что и этотъ упрекъ, ничѣмъ не обоснованный, былъ жадно подхваченъ и распространенъ, доказываетъ выдуманная чьей то праздной головой и пущенная въ ходъ сплетня, будто «авторъ дающаго блаженство эгоизма» съ дьявольской радостью ввелъ свою молодую жену въ порочный кругъ свободомыслящихъ, чтобы развратить ее физически и духовно. Безмѣрная нелѣпость и безсмысліе этой клеветы, къ

частью, можетъ быть доказана. Но къ прискорбю въ нашемъ распоряженіи нѣтъ неопровергимыхъ, явныхъ доказательствъ неосновательности упрека, будто состояніе Маріи Денгардтъ растаяло по винѣ, или главнымъ образомъ по винѣ, Штирнера, а не благодаря также и неосторожности.

* * *

Бездѣятельнымъ и лѣнивымъ Штирнеръ не былъ никогда.

Вскорѣ послѣ отказа отъ мѣста и окончанія своего труда, онъ сталъ искать новаго занятія. Онъ принялъ за работу, надолго приковавшую его къ письменному столу. Одинъ изъ его знакомыхъ того времени говорилъ о его «необычайномъ трудолюбіи». Онъ работалъ надъ книгой «Національные англійскіе и французскіе экономисты».

Онъ, вѣроятно, еще въ 1844 году, во время печатанія «Единственнаго», говорилъ съ издателемъ Отто Вигандомъ обѣ изданіи этого широко-задуманнаго сборника и заручился его согласіемъ. Штирнеръ хотѣлъ замѣть перевести главные труды, о которыхъ шла рѣчь и снабдить ихъ примѣчаніями.

Штирнеръ, доказавшій въ «Единственномъ», что онъ зумѣлъ такъ глубоко, какъ никто до него, заглянуть въ жизненные условія общества, какъ никто другой долженъ быть убѣждѣнъ въ важности новой, юной науки—политической экономіи, и его должна была прельщать возможность дать своему народу ея основные труды.

Онъ началъ этотъ трудъ, повидимому уже въ 1845 г., «реводомъ знаменитой книги Жана-Балтиста Сея «Ру-

ководство къ практической политической экономії, четыре тома которой въ этомъ и послѣдующемъ году печатались и выходили, одинъ за другимъ, но безъ предполагавшихся примѣчаній; въ концѣ книги Штирнеръ пишетъ по поводу этого: «я началъ переводъ Сея съ намѣреніемъ снабдить его моими примѣчаніями. Но постепенно выяснилось что Сей и Смитъ слишкомъ неразрывны, для того чтобы дать къ первому примѣчанія, прежде чѣмъ читателю не дана будетъ возможность познакомиться и со вторымъ. Долженъ сознаться, что соображеніе это пришло мнѣ по душѣ, такъ какъ мнѣ непріятно было бы напечатать теперь примѣчанія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ писались мною до сихъ поръ. Прежде, стало быть, долженъ еще появиться переводъ Адама Смита». Переводъ «Изслѣдованій о характерѣ и причинахъ національного богатства», также въ четырехъ томахъ, сдѣланъ былъ такъ быстро, что уже въ 1847 году появился въ изданіи. Но и этотъ трудъ снаженъ былъ лишь примѣчаніями, сдѣланными къ нему Кулокомъ, Бланки и другими. Примѣчаній переводчика и на этотъ разъ не было, при чѣмъ онъ даже не счелъ нужнымъ извиниться передъ читателями. Отсутствіе ихъ, во всякомъ случаѣ, — незамѣнимая потеря, о которой можно только глубоко сожалѣть.

Съ выходомъ труда Смита, прекратилось и сотрудничество Штирнера по изданію экономистовъ. Вскорѣ вышла еще «Философія нищеты» Прудона, въ переводѣ Вильгельма Іордана, но Штирнеръ въ этомъ изданіи никакого участія не принималъ.

Переводъ Сея и Смита считались и считаются лучшими изъ всѣхъ существующихъ переводовъ.

Но успѣхъ этой огромной и трудной работы былъ

вначалѣ незначителенъ и во всякомъ случаѣ очень мало отвѣчалъ возлагавшимся на нее ожиданіямъ. Поэтому уже въ 1845 году Штирнеръ — хотя труды Сея и Смита еще выходили въ этомъ и слѣдующемъ году — отказался отъ литературной дѣятельности также рѣшительно, какъ прежде ради нея онъ отказался отъ надеждъ на педагогическую дѣятельность. Онъ скоро долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что жить литературнымъ зароботкомъ онъ не можетъ, и что самое разумное было бы попытаться создать себѣ прочное положеніе въ какой-либо другой области и удалить такимъ образомъ на всегда грозный призракъ нужды.¹

Возникла ли въ его головѣ, или въ головѣ его жены мысль о молочной торговлѣ (на это предпріятіе они рѣшили употребить оставшіяся ихъ у нихъ средства), намъ съ точностью неизвѣстно, такъ же, какъ и точная дата, когда она была осуществлена.

Но по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣло затѣвалось уже весною 1845 года и лѣтомъ того же года осуществилось.

Все, что извѣстно намъ изъ немногихъ, неточныхъ и противорѣчащихъ другъ другу, свѣдѣній обѣ этой странной затѣѣ, казавшейся многимъ шуткой и бывшей, однако, до отчаянія, серьезной, мы здѣсь приведемъ.

Исходя изъ справедливаго, само по себѣ, соображенія, что доставка молока въ Берлинъ, куда оно привозилось ежедневно изъ окрестностныхъ деревень въ маленькихъ запряженныхъ собаками телѣжкахъ, можетъ дать очень приличный доходъ, Штирнеръ въ товариществѣ съ однимъ шарлотенбургскимъ учителемъ, другомъ или родственникомъ Баузера, честнымъ, но такимъ же неопытнымъ въ дѣлахъ человѣкомъ, задумалъ основать въ самомъ городѣ молочную торговлю, кото-

рой предполагалась удовлетворять вначалѣ тѣсный, а затѣмъ, все болѣе и болѣе, широкій кругъ потребителей. Они объѣхали окрестныя деревни, завязали сношенія съ крестьянами и арендаторами, заключили договоры о доставкѣ молока и наняли на Кеппенеръ—или Бернбургеръ штрассе помѣщеніе подъ контору и погребъ. По другой версіи, они пріобрѣли даже козъ и коровъ и сняли коровники на Ораніенбургскомъ шоссе.

Въ назначенный день явились на специально приспособленныхъ для этого телѣжкахъ заказанные продукты, но не явились ожидаемые покупатели, и затѣянное безъ достаточной предварительной рекламы, не обдуманное тщательно, до мелочей, дѣло рухнуло. Свернувшееся молоко вылито было въ сточные трубы, и снятая помѣщенія вскорѣ заперты на замокъ.

Что, несмотря на неудачу, идея этого предпріятія была разумна, доказалъ позднѣе извѣстный теперь въ Берлинѣ каждому ребенку Клингель-Болле, который очень усердно разбавлялъ молоко, если не водой, то, во всякомъ случаѣ, «христіанствомъ», и этимъ значительно содѣйствовалъ успѣху своего дѣла.

Такимъ образомъ, пало и это предпріятіе Штирнера, поглотившее послѣднія средства жены, и послужившее неисчерпаемой темой шутокъ для гипноланцевъ, обыкновенно столь свободныхъ отъ предразсудковъ, но въ которыхъ, въ данномъ случаѣ, заговорило оскорблѣнное сословное чувство.

Нужда, до сихъ поръ только стучавшаяся въ двери, теперь уже стояла на порогѣ во всемъ своемъ потрясающемъ ужасѣ.

Уже лѣтомъ 1846 года дошло до того, что Штирнеръ помѣстилъ въ объявленіяхъ «Vossischer Zeitung»

воззваніе, въ которомъ просилъ о ссудѣ, полагая, что имя его быть можетъ послужить ему въ пользу на этотъ разъ.

Воззваніе составлено было имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я поставленъ въ необходимость просить о заемѣ 600 таллеровъ, и прошу лицо или лицъ, желающихъ оказать мнѣ кредитъ, ссудить мнѣ эту сумму на пять лѣтъ. Адреса прошу оставлять въ бюро интеллигентныхъ тружениковъ за № 38. М. Штирнеръ».

Имѣло-ли успѣхъ это воззваніе или нѣтъ—неизвѣстно. Вѣрно, что успѣха не имѣло.

Но и первомъ случаѣ, оно могло только задержать, но не предотвратить неизбѣжный конецъ.

Во всякомъ случаѣ, многіе насмѣшило и иронически говорили объ эгоистѣ, отрицающемъ право и долгъ, но возлагающемъ ихъ на себя и дающемъ обѣщанія. Эти мудрые люди забывали только, что Штирнеръ, конечно, не разсчитывалъ вызвать довѣріе въ такихъ альтруистахъ, а взывалъ лишь къ довѣрію такого эгоиста, какимъ онъ самъ былъ, который повѣрилъ бы ему на слово. Что человѣкъ, дающій слово безъ всякихъ фразъ о морали, добросовѣстнѣе сдержитъ его, нежели человѣкъ, укрывающійся за этими фразами, когда приходится свое слово выполнить — понять это такие господа, конечно, не могли.

Послѣдняя отчаянная попытка Штирнера, повидимому, направлена была на биржевую игру. По крайней мѣрѣ, онъ освѣдомлялся объ условіяхъ и подробностяхъ этого дѣла у одного знакомаго, который настоятельно отговаривалъ его отъ этой попытки, и очевидно, Штирнеръ, въ концѣ концовъ, послушался его совѣта.

4-го апрѣля 1846 года супруги оставили квартиру

на Ново-Кельнской улицѣ, въ которой прожили два съ половиною года и перебрали на Гиршельштрассе, 14, нынѣшнюю Кенигретцштрассе.

* * *

Отношения между супружами, какъ съ вѣшней, такъ и съ внутренней стороны, стали невыносимыми. То, что другихъ, менѣе сложныхъ людей, тѣснѣе приковало бы другъ къ другу, этихъ, столь чуждыхъ духовно людей неудержимо гнало къ разрыву.

Первая мысль о разрывѣ принадлежитъ Маріи Денгардтъ, и она же первая сдѣлала рѣшительный шагъ.

Очень красиво, но совершенно неправдоподобно звучитъ разскѣзъ о томъ, будто «эта сильная женщина по дошла къ своему мужу съ тяжелымъ и идеально чистымъ рѣшеніемъ» и сказала ему: «мое присутствіе причиняетъ тебѣ заботы и тормозитъ твою работу; нашихъ средствъ на насъ обоихъ не хватаетъ. Здѣсь я не могу найти подходящаго занятія. Я нашла его въ Лондонѣ, гдѣ я получила мѣсто учительницы въ одномъ педагогическомъ учрежденіи. Это нашихъ отношений измѣнить не должно, я остаюсь твоей женой, и грусть обо мнѣ закалитъ твою рабочую силу. Тебѣ легче будетъ заботиться о себѣ одномъ и содержать одного себя; если же тебѣ удастся получить какое-нибудь прочное мѣсто, позови меня, я вернусь къ тебѣ».

Разрывъ, наоборотъ, произошелъ въ очень рѣзкой формѣ, и, когда она объявила ему о своемъ рѣшеніи, и уже менѣе всего, конечно, въ трогательныхъ и ласковыхъ словахъ, онъ, навѣрно, выслушалъ ее не съ печалью, а съ своей обычной невозмутимостью.

Но, до, такъ называемой, «сцены» и тогда между ними не дошло.

Думали ли они вновь сойтись въ будущемъ,—болѣе тѣмъ сомнительно. Она, во всякомъ случаѣ, была далеко отъ этой мысли.

«Я даже сняла свои кольца съ его пальцевъ за нѣсколько дней до отѣзда»—рассказываетъ она. Что она хотѣла сказать этимъ, остается для насъ вѣчной загадкой. Были-ли это кольца, которыя она подарила ему, или это было вѣнчальное кольцо, которое замѣнило мѣдное кольцо изъ кошелька Бруно Бауэра, и хотѣла ли она показать ему этимъ, что все между ними кончено?

Они переписывались еще межъ собою, но, главнымъ образомъ, по поводу развода, котораго они добились лишь нѣсколько лѣтъ спустя.

Словомъ, въ концѣ 1846 года, вѣриѣ даже въ началѣ 1847 г., послѣ трехлѣтняго сожительства, послѣдовалъ окончательный разрывъ: Марія Денгардтъ уѣхала въ Лондонъ, Штириеръ остался въ Берлинѣ.

* * *

Послѣдѣемъ теперь за Маріей Денгардтъ, чтобы увидѣть, какъ печально и странно сложилась ея дальнѣйшая судьба.

Она прѣѣхала въ Лондонъ съ хорошими рекомендациями, главнымъ образомъ, къ женѣ прусского посла, леди Бунзенъ. Благодаря ея вліянію въ обществѣ, она скоро получила частные уроки нѣмецкаго языка. Оплачивались они не блестяще, рѣдко болѣе двухъ шиллинговъ за часъ, но она могла безъ нужды жить на этотъ заработокъ. Молодая еще, живая—она вскорѣ сдѣлалась любимымъ членомъ нѣмецкой эмигрантской коло-

и. Благодаря своей энергии, упрямости и открытымъ характеру, она пріобрѣла кружокъ интересныхъ друзей, нисколько не уступавшій берлинскому по своему составу. Луи Бланъ, Фрейлигратъ, Герценъ и другие известные, талантливые люди часто и охотно сиживали у ея камина. Она держала себя съ ними такъ же свободно и непринужденно, какъ въ берлинскомъ кружкѣ, что говорить о томъ, что съ берлинскими радикалами связывало ее не одно только влияніе Штирнера.

Ея самостоятельность осталась здѣсь также, что и тамъ,—по вечерамъ она возвращалась домой всегда одна, въ сопровожденіи большой собаки, и не позволяла своимъ знакомымъ дѣлать ради нея далекіе, отнимающіе въ Лондонѣ много времени, обходы и крюки.

Изъ Лондона также она сдѣлала и первую литературную попытку, написавъ въ берлинскую «Zeitungshalle» рядъ «Интимныхъ писемъ изъ Англіи», но не подписала ихъ своимъ именемъ. Ихъ всего семь, и появлялись онѣ съ марта до ноября 1847 года. Не представляя собою особенного литературнаго значенія, онѣ обнаруживаютъ, однако, недюжинный умъ и наблюдательность. Для настѣ онѣ интересны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что даютъ подлинное отраженіе тогдашихъ взрѣній Маріи Денгардтъ. Она бичуетъ жеманную мораль англичанъ, высмѣиваетъ ихъ забавный культа воскресенья, ихъ ханжество и разсказываетъ съ подкупающей откровенностью, какъ она въ одной исповѣдальнѣ увидѣла одного молодого человѣка, «такого красиваго, что наглядѣться на него не могла»... Она чуть было не сказала ему объ этомъ, и онъ это самъ замѣтилъ...

Словомъ, въ этихъ письмахъ она выступаетъ такой, какой была въ Берлинѣ.

Когда, въ 1850 году, въ Лондонѣ пріѣхалъ бѣжалецъ изъ крѣпости известный лейтенантъ Теховъ, она вступила въ открытую связь съ нимъ, не завершившуюся, однако, бракомъ.

Въ это время процессъ о разводѣ ея съ Штирнеромъ рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ. До того времени, со стороны, по крайней мѣрѣ, казалось еще возможнымъ, возобновленіе, въ дальнѣйшемъ ихъ совмѣстной жизни. Съ окончаніемъ же бракоразводнаго процесса, порвалась и послѣдняя чисто-вицѣнная связь между супругами.

Г-жа Шмидтъ, какъ она еще продолжала себя называть, рѣдко и неохотно говорила о своемъ пребываніи въ Берлинѣ. О Штирнерѣ же и вовсе почти не говорила,—и никогда, что также важно отмѣтить, не говорила съ горечью, и тѣмъ менѣе, съ презрѣніемъ.

Около 1852 или 1853 года она присоединилась къ небольшой группѣ эмигрантовъ, отправлявшихся въ Австралию. Среди нихъ было нѣсколько ея близкихъ лондонскихъ знакомыхъ: журналистъ Максъ Конгеймъ иѣкій Розенблумъ, баронъ Гохъ и двое русскихъ.

Теховъ тоже уѣзжалъ съ ними. Но связь съ г-жей Маріей Денгардтъ уже была почти кончена, когда она въ Гравесандѣ—куда пріѣзжала повидаться съ ней одна ея незамужняя сестра—сѣла на пароходъ, увезшій ее къ годамъ нужды и униженья.

Именно, въ Мельбурнѣ она испила до дна чашу нужды. Она боролась съ нею, но тщетно; она дошла, наконецъ, до профессіи прачки и вторично вышла замужъ—за простого рабочаго.

Годы, проведенные ею въ Австралии, окутаны не-проницаемымъ мракомъ.

Когда она получила наследство оть своей сестры—въ 1870 или 1871 году,—она вернулась опять въ Лондонъ. Уже въ Австраліи г-жа Шмидтъ всецѣло подпала подъ влияніе католической церкви, приняла католичество и стала въ такой степени набожной, что одного изъ своихъ лондонскихъ знакомыхъ умоляла въ письмахъ спасти, по крайней мѣрѣ, своихъ дѣтей и воспитать ихъ въ духѣ библіи, библіи, и только библіи...

Когда же она вернулась въ Лондонъ, то совершенно подпала подъ влияніе своихъ единовѣрцевъ.

Она еще поныне живетъ тамъ, вблизи необъятнаго города—восьмидесятилѣтняя почти женщина—бывшая возлюбленная «единственнаго». Старенькая святоша, старавшася спасать души религіозными прописями и кающаяся въ грѣхахъ, которыя живутъ лишь въ воображеніи ея фанатизма, и которыхъ она никогда не совершила,—но духовно все еще свѣжая бодрая и способная еще, оть времени до времени, сама сѣздить въ городъ и устраивать свои дѣла...

Поразительный примѣръ сломленной нуждой и горемъ силы, искашшей когда то радостей жизни и находившей ихъ,—примѣръ, служацій въ тоже время доказательствомъ того, какъ мало значить любовь къ свободѣ, которая даетъ лишь кратковременное опьяненіе, а не служить вѣчно-обновляющимъ источникомъ для внутреннихъ побужденій.

Мужъ давно умеръ для нея, и голосъ его не доходитъ больше до бывшей Маріи Денгардтъ. И сама Марія Шмидтъ также уже „prepared for death“ (готовится къ смерти).

* * *

Вернемся, однако, къ Штирнеру. Онъ остался въ Берлинѣ. Больше ему и некуда было дѣваться. Жена его бросила, попытка его добыть себѣ заработокъ не удалась. Въ трудности получить мѣсто преподавателя онъ былъ вѣроятно, также, убѣжденъ, какъ въ невозможности добыть средства къ существованію своими широко задуманными литературными трудами.

Все, что онъ дѣляетъ, и чѣмъ занимается въ это время, окутано таинственнымъ мракомъ, лишь изредка прорѣзаемымъ лучами отдѣльныхъ событій.

Онъ мало выходитъ изъ дома; друзья видятъ его рѣдко. Никто не знаетъ, чѣмъ онъ собственно живеть. Онъ все дальше и дальше уходить оть насъ со всѣми окружающими его. Послѣднее десятилѣтие его жизни также для насъ темно, какъ и первое. Мы видимъ его еще среди разныхъ людей, но образъ его ускользаетъ оть насъ, и голосъ его звучитъ для насъ все глуше и слабѣе.

И смерть его прошла такъ же незамѣтно, какъ и вся его жизнь. Онъ выступилъ безъ барабанного боя на житейскую арену и безшумно сошелъ съ нея.

Штирнеру было тогда лишь около сорока лѣтъ. Передъ нимъ лежала еще цѣлая долгая жизнь. Чего онъ еще ждетъ отъ нея? Какъ онъ доведетъ ее до конца?

Его мысли скрыты оть насъ.

Мы знаемъ лишь, что въ началѣ апрѣля 1847 года онъ оставилъ квартиру, которую занималъ еще вмѣстѣ съ Маріей Денгардтъ на Гиршельштрассе и перебѣхалъ на Дессауэрштрассе, 15. Но и здѣсь онъ прожилъ лишь одинъ годъ: въ началѣ апрѣля 1848 года онъ перебѣхалъ на Дрезденерштрассе, 96 и уже черезъ полгода, въ на-

чаль октября, опять перекочевалъ на Кетенерштрассе, 27. Здѣсь онъ прожилъ три года...

* * *

Тѣмъ временемъ надъ Берлиномъ разразилась гроза революціи.

«Свободомыслящіе» все еще собирались у Гиппеля. Гиппель осенью 1847 г., или весною 1848 г., перѣхалъ съ Фридрихштрассе на Доротеенштрассе, 8, въ новое, болѣе обширное помѣщеніе. Это было необходимо, потому что не только «свободомыслящіе» имѣли теперь свое пристанище у Гиппеля, но и послѣ революціонныхъ дней тамъ было что-то въ родѣ главной квартиры разныхъ радикальныхъ партій, и Гиппелю стоило часто не малаго труда размѣстить на извѣстной дистанціи разные партіи, своевременно всѣхъ удовлетворить и слѣдить за тѣмъ, чтобы они не бросились другъ на друга, что тоже случалось не рѣдко.

Въ революціонные дни у Гиппеля было шумно, какъ въ ульѣ. Каждый новый посѣтитель приносилъ съ собой какое-либо новое извѣстіе. Одни рассказывали о томъ, что они видѣли и слышали, другие о своихъ собственныхъ подвигахъ. Всѣ кричали, спорили, шумѣли и ликовали. Высказывались самые смѣлые надежды, на которыхъ другие отвѣчали рѣзкими насмѣшками, и долгіе часы проходили въ оживленныхъ страстныхъ спорахъ.

Самые уравновѣшенные среди «свободомыслящихъ» — за исключеніемъ конечно Штирнера и Бруно Бауэра — выходили изъ своего обычного равновѣсія, и, лишь по истеченіи нѣкотораго времени, когда члены клубовъ политического, демократического и другихъ, а вслѣдъ за

ними, паконецъ, и участники знаменитаго національнаго собранія стали появляться у Гиппеля въ все возраставшемъ числѣ, — они овладѣли, вновь въ прежнемъ масштабѣ, критикой, которая, все уничтожая, обрушилась, конечно, и на неудавшееся движение.

Это были еще старые посѣтители. Буль, Эдгаръ Бауертъ, вернувшійся послѣ отбытія наказанія въ крѣпости, Фишеръ, участвовавшій въ сраженіи 18 — 19 марта и много разъ рассказывавшій о своихъ подвигахъ, д-ръ Виссъ и его жена, Мейенъ, Маронъ, «котораго уже считали мертвымъ», Левенштейнъ, который былъ раненъ, Отен-соссеръ, который былъ взятъ въ плѣнъ, и многіе другіе.

Потомъ, когда на аренѣ стало появляться все больше и больше фигуръ и утверждаться у Гиппеля, нѣкоторые изъ старыхъ вѣрныхъ совсѣдатаевъ перестали чувствовать тамъ себя такъ хорошо, какъ ветарину, и приходили рѣже или не приходили вовсе. Это было началомъ конца. «Свободомыслящіе» начинали распадаться и шли на встречу своей неизбѣжной гибели.

Время ихъ миновало. Наступило новое время, и они это чувствовали: время безнадежной реакціи, когда разрушено было все, чего они достигли, или, вѣрнѣ, сказать, когда восстановлены были въ средневѣковыхъ формахъ всѣ предразсудки духа, которые они считали уже уничтоженными лезвіемъ ихъ ума и натискомъ ихъ критики.

О томъ, какъ они переживали это новое время, еще рѣчь будетъ впереди.

Едва-ли стоитъ говорить о томъ, что Штирнеръ ни въ мартовскихъ дняхъ 1848 года, ни во всемъ этомъ движеніи ни малѣйшаго участія не принималъ. Поэтому, мы и касаемся его здѣсь лишь въ бѣглыхъ чертахъ.

Онъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за вспыхнувшимъ движеніемъ, которое конечно, предвидѣлъ давно. Но борьба, которая велась, не была его борьбой. Штирнеръ, такъ глубоко постигшій сущность власти и такъ хорошо понимавшій ея силу, не могъ сомнѣваться въ ея торжествѣ. Не предвидѣлъ ли онъ также, до какой степени униженія оно приведетъ?

У Гицпеля его часто видали въ то время. Но въ его тихой, уединенной жизни, которую онъ опять вѣль уже цѣлый годъ, 1848-й годъ не составилъ события, которое могло бы какъ-нибудь измѣнить обычный ходъ его жизни.

Онъ продолжалъ жить, какъ выразился кто-то, «вполнѣ—по берлински, спокойно и мирно», по мѣрѣ возможности, совершенно ступевшись.

«Отъ времени до времени—рассказываетъ другой—его можно было встрѣтить въ какомъ-нибудь отдаленномъ отъ центра ресторанѣ, гдѣ онъ съ напряженнымъ вниманіемъ читалъ газеты, ища въ нихъ забвенія отъ своихъ мыслей».

И больше мы ничего о немъ не знаемъ. Единственная роскошь, которую онъ еще позволялъ себѣ теперь—были его сигары. Хорошая сигара всегда была почти единственнымъ удовольствіемъ этого нетребовательного человека, и осталась для него единственнымъ и вѣрнѣйшимъ другомъ.

* * *

Въ 1852 году Штирнеръ еще разъ, и въ послѣдній разъ, выступилъ въ печати со вторымъ и послѣднимъ трудомъ, подписаннымъ его именемъ. Это—«Исторія реакціи». Въ промежуткѣ времени, прошедшемъ послѣ

выхода въ свѣтъ «Национальныхъ экономистовъ»—имя его ни въ одномъ изданіи не встрѣчалось. Онъ, очевидно, отказался отъ надежды найти зароботокъ въ повседневной литературной работе.

«Исторія реакціи» первоначально задумана была совсѣмъ не въ той несовершенной формѣ, въ какой она появилась въ 1852 году, въ изданіи «Allgemeine Deutschen Verlags Anstalt». Уже само название предполагалось иное: «Reactions—Bibliothek», первая часть которой должна была быть посвящена «Предшественникамъ реакціи», вторая—«Современной реакціи».

Наладились, однако, лишь первые томы обѣихъ частей. Первый изъ нихъ обнимаетъ учредительное собраніе и реакцію.

Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ вслѣдъ за этимъ перейти къ описанію «реакціи въ законодательномъ собраніи, въ конвентѣ и другихъ народныхъ представительныхъ учрежденіяхъ, вплоть до завершенія ихъ национальной реакцией», Штирнеръ пересекакиваетъ отъ описанія внутренней реакціи къ внѣшней, «следуя въ этомъ, какъ онъ говоритъ, закону единства и предполагая внѣшней реакціи историческое изображеніе внутренней»; онъ даетъ, такимъ образомъ, первой «соответствующее введеніе» и въ то-же время «видѣть во внѣшней реакціи естественное усиленіе внутренней».

Вслѣдъ за этимъ, онъ переходитъ ко второй части и въ первомъ томѣ даетъ намъ изложеніе первыхъ годовъ реакціи въ Пруссіи, «дѣйствительного центрального момента реакціи, какъ покажетъ намъ будущее». Первый годъ это 1848-й: «годъ хаоса или первого хаотического протеста противъ враждебнаго міра, годъ

реакціонныхъ инстинктоў, потому что въ этотъ годъ реакція претворилась въ силу».

Онъ намѣренъ быть еще продолжить этотъ трудъ, полагая, что первая часть должна носить скорѣе характеръ простой компиляції, для того чтобы избѣгнуть повтореній во второй части.

Но онъ не далъ продолженія ни вънѣшней, ни внутренней реакції.

Въ предисловіи ко второму тому второй части,—второму и послѣднему,—появившемуся въ печати, Штирнеръ очень интересно объясняетъ, что онъ считаетъ реакціоннымъ. «Можетъ ли реакція себя самое оправдать»—это онъ доказалъ бы, еслибы ему дали возможность довести свой трудъ до конца. Объясненіе заканчивается фразой: «реакція вступасть въ жизнь тогда-же, когда и революція: обѣ рождаются одновременно—отъ совершенно разныхъ родителей»; опредѣляя же «историческое положеніе реакціи», онъ говоритъ: «реакція—противоположность революціи».

Содержаніе обоихъ вышедшихъ томовъ—лишь въ очень незначительной степени плодъ самостоятельнаго авторства Штирнера.

Не только первый, но и послѣдній томъ представляетъ собою собраніе чужихъ работъ, и только введеніе, связующія примѣчанія и выборъ статей принадлежать Штирнеру.

Первый томъ говоритъ обѣ основательномъ знакомствѣ его съ историческими писателями революціоннаго періода; второй свидѣтельствуетъ о вниманіи, съ какимъ Штирнеръ слѣдилъ за революціоннымъ движениемъ на родинѣ, во всѣхъ его проявленіяхъ.

Штирнеръ предпосыпластъ описанію учредительнаго

собранія и реакціи историческое обозрѣніе министерской и сословной революціи и, затѣмъ, останавливается на сословной реакціи противъ народнаго представительства. Затѣмъ, онъ, согласно своему плану, сопоставляетъ въ этомъ томѣ «основные революціонныя и реакціонныя мысли о конституції» и пользуется при этомъ двумя писателями, Эдмондомъ Бурке и Огюстомъ Контомъ. Почти весь томъ испещренъ цитатами изъ «Reflections on the Revolution in France»—Эдмона Бурке (въ переводе Гентша) и «Système de philosophie positive»—Огюста Кonta. На чьей сторонѣ стоитъ Штирнеръ, не смотря на очень скучныя примѣчанія, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Его замѣчанія по поводу декларации человѣческихъ правъ и «Declamationen» Бурке достаточно краснорѣчиво говорятъ о его симпатіяхъ.

Такъ какъ отъ нихъ Штирнеръ тотчасъ переходитъ къ современной реакціи, то известные реакціонеры промежуточныхъ періодовъ, Малуэ, Мунье, затѣмъ де-Местръ, Галле и нѣмецкіе—Гентцъ, Адамъ Мюллеръ и другіе—остались въ печальномъ забвеніи.

Штирнеръ въ первой части останавливается, главнымъ образомъ, на освѣщеніи происхожденія реакціи изъ революціи, переходя, затѣмъ, къ разсмотрѣнію современной реакціи, онъ не можетъ начать его прямо съ нападокъ на нее, а долженъ сначала разобраться въ хаосѣ первого возстанія и, не безъ основанія, опасается, что нѣкоторое однообразіе неизбѣжно. И оно такъ и есть. Штирнеръ цитируетъ здѣсь преимущественно современныхъ писателей: Генгтенберга, Флоренкура и другихъ, часто не упоминая даже именъ, и ихъ простиранная разлагольствованія толко утомляютъ.

Это, большей частью, обвиненія и жалобы, раздавав-

шіяся за этотъ годъ изъ реакціоннаго лагеря, такъ какъ и весь годъ этотъ былъ «годомъ сѣтованій и жалобъ».

Послѣ изложенія своего взгляда на «революцію и реакцію» и заимствованнаго у пѣтиста Лео «обзора минувшей эпохи», Штирнеръ возвращается къ «пріобрѣтеніямъ и перспективамъ реакціи» и вводить насъ въ борьбу «христократіи». Онъ показываетъ намъ эту борьбу во всѣхъ направленіяхъ: «реагируютъ» со всѣхъ сторонъ. Реагируетъ правительство, его слуги, подданные, государство. Хронологическій обзоръ этого года показываетъ ростъ реакціи изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, начиная съ февраля, «усилившаго ея ознакомленіе съ врагомъ и познаніе своихъ силъ» и вплоть до декабря, когда она уже побѣдила революцію.

И въ этомъ томѣ вся работа Штирнера сводится къ тому, что онъ привелъ въ порядокъ и связалъ собранній матеріалъ. Послѣдній онъ не всегда даже излагаетъ своими словами. Онъ не считаетъ нужнымъ привлечь реакцію къ суду и выступить въ роли ея обвинителя: она сама—говорить онъ—осудила себя.

Но онъ обрываетъ работу на первомъ-же реакціонномъ годѣ, «когда вопросы только начали выдвигаться». Самые эти вопросы и научную основу реакціонной системы онъ предполагалъ развить въ дальнѣйшихъ томахъ.

«Історія реакціи» была послѣднимъ вѣшнимъ проявленіемъ Штирнера. У него возникъ было еще одинъ широкій планъ универсального словаря научныхъ словъ, но онъ не нашелъ издателя, который рискнулъ бы на такое предприятіе.

Онъ умеръ, и какъ писатель...

О томъ, насколько онъ былъ забытъ, краснорѣчиво говорить слѣдующій фактъ: уже въ 1854 году лексиконъ Брокгауза ничего не можетъ сообщить о его жизни и неувѣренno замѣчаетъ, что автора книги «Единственной и его собственности», «повидимому, звали Максъ Шмидтъ!»...

Имя его нигдѣ больше не упоминается. Новая эпоха послѣ 1848 года, вмѣстѣ со многими другими, предала забвенію и его.

И въ своей личной жизни Штирнеръ, все болѣе и болѣе, отдаляется отъ людей.

Его почти не видятъ и у Гиппеля, въ 1853 году перебравшагося съ Доротеенштрассе, на Розенштрассе, 3, подлѣ Вердерской кирки.

Въ 1851 году, въ началѣ октября, Штирнеръ перебѣхалъ съ Кетенерштрассе, гдѣ жилъ три года, на Дессауэрштрассе, 2, гдѣ онъ и остается почти полтора года, повидимому, въ меблированныхъ комнатахъ.

Его старые знакомые ничего больше не знаютъ о немъ. И этимъ порвана и послѣдняя нить, слабо связывавшая его еще съ вѣшнимъ духовнымъ міромъ.

1853-й годъ былъ, повидимому, кульминаціоннымъ пунктомъ его несчастья: осаждаемый кредиторами, безъ всякихъ средствъ къ жизни, онъ переѣзжаетъ изъ одного дома въ другой и два раза за этотъ годъ попадаетъ подъ арестъ въ долговое отдѣленіе.

Въ первый разъ на 21 день, отъ 5-го до 26-го марта. Выдя на свободу, онъ 1-го апрѣля напираетъ комнату на Егерштрассе, 72 (у учителя Шульце) и уже первого юля выписывается въ Науэнъ, затѣмъ бѣжитъ, повиди-

мому, все преслѣдуемый кредиторами, въ Моабитъ, гдѣ съ 3-го юля живеть у Ринова, на Штромштрассе, 8; наконецъ, 7-го сентября, все въ томъ же 1853-мъ году поселяется у г-жи Вейссъ, на Филиппштрассе, 19.

Но заимодавцы и здѣсь его нашли, и ему не суждено было дожить этотъ годъ мирно. Какъ разъ наканунѣ новаго года онъ опять попалъ въ долговое отдѣленіе, въ которомъ пробылъ 36 дней, до 4-го февраля ближайшаго года. Въ долговое отдѣленіе,—учрежденіе, въ настоящее время болѣе не существующее,—сажали, правда, на очень непродолжительное время, такъ какъ должникъ содержался на средства кредитора,—но какой печальный свѣтъ бросаетъ это обстоятельство на жизнь человѣка, которому удивлялись самые блестящіе мыслители его эпохи!

Эти простые, неприкрашенные факты краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорять о его нуждѣ...

Правда, Штирнеръ еще называетъ себя гимназическимъ преподавателемъ, писателемъ, д-ромъ философіи... рантье. Но, въ дѣйствительности, онъ былъ теперь комиссіонеромъ, который перебивался посредническими дѣлишками.

И только на Филиппштрассе, гдѣ онъ съ 1853 года жилъ у вдовы Вейссъ, онъ нашелъ миръ. Онъ занималь тамъ въ первомъ этажѣ одну или двѣ примыкавшія къ сѣнямъ комнаты, которые выходили на покрытую еще тогда деревьями Анатомическую площадь.

Г-жа Вейссъ относилась къ своимъ жильцамъ съ материнской заботливостью.

Это былъ послѣдній пріютъ Штирнера. Одинъ только разъ еще онъ перемѣнилъ свою квартиру!

Смерть постигла его неожиданно и внезапно. Здоровье его было отмѣнное, и онъ часто высказывалъ уверенность, что доживетъ до глубокой старости. Его укусила въ затылокъ ядовитая муха, и онъ умеръ въ нѣсколько дней отъ зараженія крови. Не карбункуль, какъ говорили, а «опухоль всего тѣла» была причиной его смерти.

Максъ Штирнеръ умеръ 25-го юна 1856 г. (а не 26 го, какъ вездѣ указано) въ своей квартирѣ, около шести часовъ вечера, 49-ти лѣтъ и 8-ми мѣсяцевъ отъ роду.

Похоронили его черезъ три дня, 28-го юна, въ шесть часовъ вечера, на кладбищѣ Софіевской общины, по Бергштрассе. Ему отвели могилу второго класса, стоившую талеръ и десять серебряныхъ грошей. Она лежала во второй части упомянутаго кладбища, въ девятомъ ряду и помѣчена была номеромъ 53-имъ.

Лишь очень немногіе изъ его старыхъ друзей провожали его «въ дальній путь». Среди нихъ были Бруно Бауэръ и Людвигъ Буль, да еще г-жа Вейссъ, у которой онъ умеръ, и которая удостовѣрила личность умершаго.

По одной версіи, одинъ его знакомый срисовалъ его мертвымъ, и Бруно Бауэръ былъ очень радъ видѣть, по крайней мѣрѣ, мертвую голову своего друга, «въ характерныхъ линіяхъ которой такъ рельефно запечатлѣлась духовная мощь покойнаго».

По другой, менѣе правдоподобной, версіи, портретъ Штирнера, «сдѣланный тотчасъ послѣ его смерти» попалъ въ руки литератора, д-ра Вольфа, жившаго на Мауэрштрассе, 8, (рѣчь идетъ, по всѣмъ видимостямъ, о давно умершемъ «Черномъ Вольфѣ», авторѣ «Револ-

ционной хроники»). Быль-ли это тотъ-же рисунокъ? Или другой? Оба потеряны безслѣдно.

Литературное имущество перешло къ Людвигу Булю, жившему тогда на Шютценштрассе, 12. Какъ этотъ кончилъ, мы еще увидимъ далѣе.

Тщетная надежда возстановить дальнѣйшіе слѣды жизни Штирнера, совершенно стертые временемъ.

Остальное имущество, вѣроятно, большой материальной цѣнности собой не представляло и тогчась продано было для погашенія ближайшихъ долговъ.

Лишилъ-ся сколько времени спустя, нѣкоторыя, очень немногія вирочемъ, газеты сообщили объ его смерти. У большинства не нашлось для него даже послѣдняго слова. Но и то немногое, что сказано было о немъ, сводилось вездѣ къ бѣглому упоминанію о его трудѣ и вниманіи, которое онъ вызвалъ въ свое время, или же состояло въ поверхностномъ и анекдотическомъ воспроизведеніи исторіи его брака. Одна изъ этихъ версій была даже, вѣроятно по иниціативѣ Бруно Бауэра, рѣзко опровергнута точно доказанными фактами.

Іоганнъ Каспаръ Шмидтъ умеръ, какъ уже задолго до него умеръ Максъ Штирнеръ...

* * *

Штирнеръ прямого потомства по себѣ не оставилъ, весь широкій кругъ его родственниковъ разсѣялся, и нигдѣ, нигдѣ нельзѧ больше найти ихъ слѣдовъ. Семья отца вымерла въ Ансбахѣ. Вымерли и родственники матери въ Эрлангенѣ. Изъ Штихтовъ, родственниковъ его крестнаго отца, никто больше не живетъ въ Байрейтѣ, и имя это встрѣчается еще тамъ иногда только среди рабочихъ, связь которыхъ съ этой семьей уста-

новить невозможно. Заглохли и слѣды семьи его ватчима, Баллерштедта; въ Гельмштедтѣ и въ Кульмѣ никого изъ нихъ больше не осталось.

Въ Берлинѣ, наконецъ, нѣтъ никого, кто носилъ бы фамилію первой жены Штирнера, Бурцъ, а въ Гадебушѣ имя Денгардтъ теперь почти незнакомо.

Только она одна еще живетъ, его вторая жена,— недоступная, въ необъятномъ городѣ, какъ человѣкъ, ушедший уже изъ жизни.

Согласно одному официальному извѣщенію, послѣ смерти Штирнера осталась въ живыхъ его мать, образъ которой съ 1835 года, когда она похоронила въ Кульмѣ своего втораго мужа, совершенно исчезъ съ нашего поля зрењія. Этому противорѣчить другое сообщеніе, не менѣе вѣроятное и подлинное, что ея не было въ живыхъ уже въ 1843 году, когда Штирнеръ вторично женился.

Если мы вспомнимъ, что уже въ 1835 году сынъ ея говорилъ о ней, какъ о душевно-больной, и примемъ въ соображеніе, что, несмотря на болѣзнь, ей нужно было дожить до восьмидесяти семи лѣтъ, чтобы пережить своего сына, то мы должны принять большую вѣроятность послѣдняго предположенія, согласно которому Штирнеръ не оставилъ по себѣ «ни матери, ни жены, ни дѣтей».

Мы не хотимъ разстаться съ Штирнеромъ, не остановившись еще на позднѣйшей судьбѣ оставшихся въ живыхъ членовъ кружка Гиппеля, которые наиболѣе интересовали насъ послѣ него.

Какъ печально они кончили всѣ, за немногими исключеніями!

Когда буря 1848 года такъ далеко отбросила ихъ другъ отъ друга, что всякия связи между ними были порваны, нѣкоторые изъ нихъ переселились въ Америку,

чтобы искать тамъ счастья, которое они отчасти и находили, вмѣстѣ съ новой родиной.

Но большинство изъ нихъ осталось, и они старались, каждый по своему, разобраться и ориентироваться въ измѣнившихся условіяхъ жизни. Ихъ тяжелыя попытки не представляли отраднаго зрѣлища: одни совершенно перешли въ реакціонной лагерь и старались вычеркнуть изъ памяти юношескія воспоминанья. Другие зло пронизировали надъ собою и окружающей ихъ дѣйствительностью, разсчитывая горькимъ смѣхомъ заглушить въ себѣ тяжелое сознаніе душевнаго разлада. Самими собою остались лишь немногіе, и эти наиболѣе чувствительно воспринимали перемѣну условій, въ которыхъ принуждены были жить.

Бруно Бауэръ сдѣлался «Риксдорфскимъ отшельникомъ», вѣль безпрерывную героическую борьбу съ нуждой, то принимался самъ обрабатывать землю, то дѣлалъ попытки новыми произведеніями оживить въ памяти людей свое забытое имя. Онъ остался неутомимо дѣятельнымъ до самой своей смерти, и все, что онъ писалъ, обнаруживало, какъ прежде, блестящаго стилиста съ сильнымъ, яркимъ умомъ. При этомъ Бауэръ еще много лѣтъ тянулъ лямку унизительной работы для «Крестовой газеты» и вагнеровскаго лексикона. Онъ совершенно ушелъ отъ міра и едва-ли даже пытался обманывать себя на счетъ своего положенія.

Но когда онъ прїезжалъ въ Берлинъ продавать взращенные имъ самимъ овощи и повидать кого-либо изъ своихъ старыхъ друзей, его патріархальная фигура въ самотканной одеждѣ, въ пастушьихъ лаптяхъ и съ неизбѣжнымъ картузомъ на головѣ, имѣла такой-же гордый и независимый видъ, какъ въ дни юности, и спо-

койные глаза его глядѣли прямо и проницательно, какъ всегда.

Бруно Бауэръ умеръ въ 1882 году и передъ смертью сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ, чтобы помочь нѣсколько своему брату Эгберту и его многочисленной семье.

Не болѣе повезло и Эдгару Бауэру. Въ 1849 году онъ поѣхалъ въ Гановеръ со своимъ братомъ, котораго когда-то боготворилъ, но къ которому позднѣе стала во враждебныя отношенія. Въ Гановерѣ онъ вмѣстѣ съ Ольстгаузеномъ агитировалъ въ пользу освобожденія Шлезвигъ-Гольштейна, а затѣмъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ написалъ нѣсколько брошюръ. Послѣ 1866 года онъ попытался было устроиться въ Гамбургѣ. «Церковные листки», которые онъ издавалъ вмѣстѣ съ ультрамонтанскимъ епископомъ Коопманомъ, слишкомъ краснорѣчиво говорить о его полномъ переходѣ въ клерикальный лагерь. Изъ бывшаго революціонера онъ сдѣлался реакціонеромъ чистѣйшей воды и долго еще работалъ въ Гановерѣ, какъ приверженецъ гвельфовъ, пока не умеръ, тоже въ началѣ восьмидесятыхъ годахъ, всѣми забытымъ и въ страшной нуждѣ.

Печально сложилась и судьба Людвига Буля.—И онъ жилъ еще долго, въ полномъ уединеніи, постепенно утрачивая въ своей семье,—въ католической темной, необразованной средѣ,—духовную изысканность, которой онъ добился путемъ долгихъ усилий. Онъ нигдѣ почти болѣе не сотрудничалъ. Около 1880 года, его нашли въ одно утро за его письменнымъ столомъ мертвымъ. Говорили, что это было самоубійство. Послѣдняя затѣя — онъ придумывалъ «идеи» для издательствъ, которые продавалъ предпріимчивымъ издателямъ,—при-

веда его къ столкновенію съ однимъ клиентомъ, грозившимъ привлечь его къ суду за вымогательство. Вмѣсть съ его литературнымъ имуществомъ, погибло и все, оставшееся отъ Штирнера, и рукописи, на которыхъ никто не обращалъ вниманія, вѣроятно, давнимъ давно подверглись уничтоженію.

Фридрихъ Засъ умеръ молодымъ. Многъ лѣтъ еще продолжалъ свою публицистическую дѣятельность, затѣмъ въ 1851 году былъ высланъ изъ Гамбурга, откуда отправился въ Англію, затѣмъ опять вернулся въ Германію, гдѣ въ 1867 г. сталъ издавать, вмѣстѣ съ Ругге, «Реформу». Юлій Фаухеръ долго еще и геройски боролся на своей родинѣ за свои идеи, но онъ не въ силахъ былъ, популяризовать ихъ своимъ журналомъ среди широкихъ массъ и принужденъ былъ, сложивъ оружіе, наблюдать, какъ государство все тѣснѣе и тѣснѣе сжимало свободу своимъ желѣзнымъ кольцомъ. Единственной радостью его мятежной жизни оставалась его единственная дочь Люси. Кеппенъ благополучно подвизался въ благословленной области педагогики и ушелъ цѣликомъ въ научную работу, подготовляя свою знаменитую книгу о Буддѣ, лишь бы уйти отъ дѣйствительности, которая ничего, кроме отвращенія, не могла ему внушать.

Отъ всѣхъ нихъ мы опять вернемся къ человѣку, который первымъ изъ этого кружка ушелъ изъ жизни.

Какъ не прискорбна ранняя смерть Макса Штирнера, въ ней нѣть все же ничего потрясающаго, если мы представимъ себѣ, какъ сложилась бы эта жизнь, если бы ему было суждено прожить еще 20—30 лѣтъ. Никакія крупныя измѣненія, вѣроятно, не отмѣтили бы его послѣднихъ лѣтъ, развѣ только, если бы произошла какая нибудь счастливая случайность; онъ продолжалъ бы вла-

чить свое существованіе въ печальной тяжкой нуждѣ, въ вѣчной борьбѣ за кусокъ хлѣба, безъ силъ вновь, рѣшительно и смѣло, вступить въ борьбу съ жизнью. Что еще ему оставалось бы дѣлать? Кончить такъ, какъ другое? Если бы онъ продалъ себя реакціи, какъ братья Бауеры, развѣ бы онъ могъ пережить внутренній разладъ? Или уѣхать въ Америку? Онъ,—этотъ, при всей своей огромной духовной энергіи, совершенно непрактичный, пассивный человѣкъ? Или тянуть лямку долгихъ лѣтъ и кончить, какъ Мартонъ, измученный борьбой и раздавленный жизнью?

Или ждать чудеснаго случая, который внезапно и рѣшительно измѣнилъ бы его жизнь? Тщетная надежда! Какой же это случай могъ быть?

У него не было родственниковъ, наслѣдство которыхъ могло бы дать ему независимость.

На пробужденіе интереса къ его труду въ ближайшее время онъ и разсчитывать не могъ. Наступило другое время, позорное время гнета, которое должно было длигться долго, пока не достигло своей кульминаціонной точки въ кровавыхъ, безчестныхъ, безумныхъ бояняхъ... Время, когда единственное, сколько нибудь значительное обратное теченіе—соціальное ушло въ руло политической партіи и высохло въ немъ, время реакціи, скорбная тѣни котораго еще и теперь падаютъ на насть... Нѣть никакой случай не могъ улыбнуться Штирнеру на закатѣ его жизни!..

Какъ въ своей жизни, такъ и въ своей смерти онъ остался вполнѣ вѣренъ себѣ. Великое дѣло его жизни было сдѣлано. Ничто не могло больше увеличить его цѣнности. Лучшія свои силы онъ посвятилъ своему труду.

Годы нужды онъ переносилъ тихо и терпѣливо, и величайшимъ утѣшениемъ для нась можетъ быть лишь то, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, нужда не причинила ему большихъ страданій. Удивительная нетребовательность Штирнера и еще болѣе изысканная скромность и тихая ясность его характера никогда ему не измѣняли.

Тѣ, которые полагаютъ, что все счастье жизни въ почетѣ и власти, никогда не поймутъ его жизни и будуть съ состраданіемъ и насмѣшкой утверждать, что апостолъ эгоизма своей собственной жизнью плохо оправдалъ свое ученіе, или что слѣдованіе этому ученію привнесло плохіе плоды.—

Нѣтъ, Максъ Штирнеръ слѣдовалъ своему ученію и пожалъ всѣ плоды, которые только можно было пожать! Онъ былъ исключительный человѣкъ; онъ жилъ такъ какъ, онъ могъ жить.

Не такъ, быть можетъ, какъ онъ желалъ бы жить? Если мы такъ поставимъ вопросъ, то получимъ въ отвѣтѣ: конечно, онъ предпочелъ бы жить въ обществѣ эгоистовъ—во избѣжаніе всякихъ кривотолковъ,—въ эпоху возникающихъ и упраздняющихся, согласно потребностямъ людей, союзовъ, которымъ «единственный» охотно отдаетъ свои силы, укрѣпляя и увеличивая ихъ этимъ служеніемъ, словомъ, въ эпоху не господъ и рабовъ, а «единственныхъ» Штирнеръ такъ же мало годился для повиновенія, какъ и для приказаний.

Въ ранней смерти Штирнера нѣтъ ничего потрясающаго: онъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ здоровья, недопивъ изъ чаши жизни ея послѣдней, самой горькой капли: немощи плоти и одиночества старости.

И все же, смерть его печальна, потому что она прежде

временна. Онъ не слишкомъ любилъ жизнь, не боялся ее, не боялся онъ и смерти, но и не признавалъ ея.

* * *

Прежде чѣмъ разстаться съ Максомъ Штирнеромъ, остановимся еще на мгновеніе подлѣ его могилы.

Уже въ 1856 году, вскорѣ послѣ его смерти, Людвигъ Буль устроилъ подписку на могильную плиту для его могилы, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, незначительная сумма, собранная между старыми друзьями и почитателями покойнаго—между прочимъ одинъ поклонникъ изъ восточной Пруссіи прислалъ одинъ дукатъ—никогда не была употреблена на предполагавшуюся цѣль, и съ 28-го июня 1856 года могилу никто, очевидно, даже не постиль.

Тридцать одинъ годъ прошелъ, пока затерявшаяся могила была найдена вновь, и только черезъ тридцать шесть лѣтъ на нее возложена была плита, съ которой крупными золотыми буквами сверкаетъ имя человѣка, про скромную и великую жизнь котораго мы старались правдиво разсказать на этихъ страницахъ.

Новая могила скоро окружатъ эту старую могилу.

Но пройдетъ еще пятьдесятъ лѣтъ, уйдутъ въ землю и эти новыя могилы, и кладбище, быть можетъ будетъ общественнымъ садомъ, въ которомъ дѣти съ утра будутъ беззечно играть вокругъ недвижной плиты... Будеть ли и тогда еще человѣкъ, въ цѣпяхъ рабства, равнодушно проходить мимо этого имени, которое молча говорить изъ за могилы? Или онъ будетъ знать и помнить, что тотъ, кого звали Максомъ Штирнеромъ,—первый сражался за его свободу, подъ солнечными лучами которой онъ ходить съ высоко-поднятой головой и счастливѣе, нежели всѣ, жившіе до него?..